

ЛОРЕНС ЛАБАДИ
АНАРХО-ПЕССИМИЗМ
тупики политической мысли

ЛОРЕНС ЛАБАДИ
АНАРХО-ПЕССИМИЗМ
тупики политической мысли

отец духовный Андреас Часовски
перевод А. Рабкина, Ю. Шутов
редактор Р. Мортис
вёрстка, оформление SELENA studio

в оформлении обложки использована работа Jim Mead
в оформлении форзаца использована работа
Лоренцо Веспиньяни "Городской пейзаж", офорт, 1955 г.

Лоренс Лабади (1898–1975) — ярчайший продолжатель американской традиции анархо-индивидуализма, выходящей за рамки привычного разделения на «левых» и «правых»; достойный отпрыск своего прославленного отца, Джозефа Лабади (1850–1933), собравшего некогда крупнейший архив неконформистского самиздата, хранящийся ныне в Мичиганском университете (Labadie Collection); идейный наставник Роберта Антона Уилсона, соавтора знаменитой анархо-абсурдистской трилогии «Иллюминатус!», которому он навсегда привил вкус к бескомпромиссному штирнеризму.

Эта книга едва ли оставит читателя равнодушным, и уж точно она не для тех, кто согласен довольствоваться полупережёванными истинами и не готов покинуть зону комфорта, чтобы открыть глаза на истинные причины того удручающего положения, в котором находится сегодняшняя «цивилизация».

В настоящей книге отражены особенности типографского оформления текста оригинального издания. Каждая глава открывается кратким предисловием редактора англоязычного издания, скрывающегося под псевдонимом Хорд. Латинское написание имён собственных, упомянутых в тексте, приведено в конце книги (раздел «Персоналии»).

перевод посвящается
светлой памяти
Aragorn!

и выполнен по изданию:
Anarcho-Pessimism:
Collected Writings of Laurance Labadie
Ardent Press, 2014

Published by Aragorn!
Layout by Leona Benton
Printed at "The LBC Bolo"
P.O.Box 3920, Berkeley, CA 94703

ISBN 978-5-6045497-1-1
© издательство CHAOSSS/PRESS, 2020
© перевод, А. Рабкина, 2019, 2020
© вёрстка, оформление, SELENA studio, 2019, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Утерянные работы Лоренса Лабади *Хорд*
- 27 Биографическое вступление *Марк А. Салливан*
- 33 Мы не называли его «Ларри»: Воспоминания о Лоренсе Лабади *Джеймс Мартин*

ЧАСТЬ 1

- 53 Период депрессии *Хорд*
- 61 Отец фашизма
- 72 Ментальные установки
- 79 Грызня и скудоумие
- 88 Экономический пубертат (1937)
- 99 По поводу «общества»
- 102 Размышления о свободе
- 122 К вопросу о «Лиге либертарных социалистов»
- 131 Анархия и конкуренция

ЧАСТЬ 2

- 162 Эксперименты с анархической экономикой *Хорд*
- 169 Основные аспекты проблемы денег (1948)
- 176 Как деньги соотносятся с социальной проблемой

ЧАСТЬ 3

- 186 Период мизантропии *Хорд*
- 195 Инфантильный радикализм
- 199 Зачем люди воюют и истребляют друг друга?
- 210 Что такое человек?
- 212 «Весь мир — театр»
- 216 Учиться? Чего ради?
- 220 О поиске истины человеком

- 225 Мои впечатления от «Неизвестной революции» В. Волина
- 229 О человеческом мышлении
- 235 Война, война и ещё раз война
- 238 Что творит бог?
- 240 К вопросу о космологии
- 243 Штирнер!
- 246 Существует ли абсолютная истина?
- 251 О книге Рагнара Редбёрда «Сила есть право»
- 254 Столько шума из-за чего?
- 259 Нужно ли мне пытаться вести диалог?
- 263 Общество и самокомпенсация
- 269 К слову о политике
- 272 Писанина
- 275 Ещё писанина
- 277 Писанина (3)
- 279 Жертвам так называемых систем образования
- 281 О продолжении человеческого рода и его обновлении
- 285 Как довести что-нибудь до конца
- 289 Наш мир, как мы его понимаем (а если быть точным, как мы не должны его понимать)
- 303 О чём, собственно, речь?

- 318 РЕКОМЕНДАЦИИ К ПРОЧТЕНИЮ
- 320 ПЕРСОНАЛИИ

УТЕРЯННЫЕ РАБОТЫ ЛОРЕНСА ЛАБАДИ

Плохо это или хорошо, но бескомпромиссный пессимизм
не находит признания у широкой публики.

— Томас Лиготти

Коллективизм — это доктрина «разума толпы». Тех, кто постоянно проигрывает в неравной, привилегированной, деспотичной борьбе за существование, кто не испытывал триумфа и удовлетворения от преодоления препятствий и достижения целей, — таких людей успокаивает и очаровывает мысль о мире и безопасности. Однако жизнь — по сути своей борьба, и мир в определённом смысле означает стагнацию и смерть. Мы говорим о мёртвых, что они покоятся с миром.

— Лоренс Лабади

Тем, кто пришёл к анархизму благодаря чрезмерно растиражированным протестам против ВТО в 2000 году или досадному либеральному спектаклю «Оссиру» (или даже из панк-субкультуры), этот уникальный антикапиталистический анализ американских анархо-индивидуалистов (в корне отличный от того, в каких терминах большинство анархистов говорит о капитализме сегодня), вероятно, покажется анахроничным и слегка чужеродным, поскольку сама эта традиция почти полностью затерялась вследствие пренебрежения академических кругов и насаждения антиисторичности, что, судя по всему, ставит крест на любых попытках серьёзного анархического возрождения в США. Почти все наиболее яркие индивидуалисты этой школы принадлежали к той породе анархистов, которая сегодня практически вымерла, — всё настолько плохо, что даже если их когда-нибудь упоминают, они предстают в виде бледных теней самих себя, и кажется невероятным, что когда-то с их мнением действительно считались. Американская индивидуалистическая школа распространяла свою убийственно логичную версию анархизма в основном на страницах бодрящего журнала Бенджамина Такера «Liberty» в промежутке между 1881 и 1908 годами и выказывала куда больше общеанархического недоверия к внешним авторитетам, чем лагеря коммунистов и синдикалистов, утверждая, что человек не должен присягать на верность **никому**,

кроме самого себя, и переосмысливая межличностные отношения (в особенности экономические) с учётом принципов добровольного соглашения — то есть на основании договора, который может быть расторгнут по собственному решению без обращения в общественные или юридические структуры. Этот дискурс «договорных отношений» отражает влияние экономических теорий Прудона на Такера и других американских индивидуалистов, ставших наиболее яркими выразителями этого дискурса в США (направив прудоновский анархизм *мютюэлистского* толка в чисто американское русло путём синтеза его социальных аспектов с индивидуалистским суверенитетом в стиле Дикого Запада) и распространивших его на различные сопряжённые сферы, такие как монополия на валюту, ресурсы и землю. Подобная переработка мютюэлистских экономических принципов резко обособила Такера с его лагерем от европейских анархо-индивидуалистов, и именно поэтому американские индивидуалисты до сих пор не поддаются простой категоризации и традиционному разделению на «левых» и «правых». «Liberty» был зажигательным журналом, посвящённым свободной игре и столкновению идей, а не обмену ничего не значащими любезностями; выделяясь стабильно высоким качеством текстов и скрытой язвительностью жарких дискуссий, «Liberty» вырос в арену философских боёв, вращающихся вокруг напряжения между суверенитетом личности (иногда выражаемым в терминах самопринадлежности) и гипотетическими экономическими реформами, предложенными Прудоном. Разумеется, идеи, обсуждавшиеся в журнале, не ограничивались исключительно прудоновским мютюэлизмом. Помимо критического отношения к любому авторитету, Бенджамин Такер, как редактор журнала «Liberty», пылал ненасытной страстью к многочисленным областям науки и искусства и тем самым добавлял политическим идеям анархизма культурной изысканности, публикуя множество европейских, в особенности французских, авангардных авторов того времени (включая Джона Генри Маккея, Оскара Уайльда, Эмиля Золя и Феликса Пиа). В ранние

годы существования журнала Такер верил — как верили Джосайя Уоррен, Прудон и Лисандр Спунер, — что анархизм основан на «естественном принципе» и что для обоснования анархизма достаточно одного лишь этического аргумента. Однако к концу 1880-х Такер уже писал о том, что нравственный закон и естественные права человека — это недоказуемые абстракции и мифы; этот сдвиг во взглядах произошёл с ним после прочтения капитального философского труда Макса Штирнера «Единственный и его собственность» (*Der Einzige und sein Eigentum*). Согласно идеям штирнерианского эгоизма в интерпретации анархо-индивидуалистов, истинным мотивом поведения человека является свободный от предрассудков личный интерес, и именно действующий индивид и никто другой должен выигрывать от своих действий. Такой акцент на эгоизме повлёк за собой отказ от альтруизма и любых обязательств, помимо принимаемых на основании добровольного договора, — и после того как эти идеи получили огласку, начался наиболее противоречивый период в долгой истории издания «Liberty»!

Такер и другие американские индивидуалисты представили гораздо более проработанную и практичную альтернативу классическому коммунистическому толкованию вероломного капитализма (и той баснословной машине абстракций, которую мы называем марксизмом). Как мютюэлисты, они оставались верны тому принципу, что свобода обмена является основой всех свобод. Расширение рамок обмена приравнивается к освобождению личности, тогда как их ограничение приводит к её порабощению. Американские индивидуалисты считали, что истинно свободный рынок и беспрепятственная конкуренция естественным образом разовьются в лишённое государственности и монополий общество, в котором продукты труда распределялись бы между рабочими в полном объёме, — и это одна из многих причин, по которым они выступали против принудительного коллективизированного контроля экономики (со стороны единой гигантской монополии, сосредоточенной в руках государства), за который ратовали

коммунисты и социалисты. Напротив, американские индивидуалисты полагали, что наиболее успешные способы сопротивления основаны на более критических методах — таких, как медленное растворение отношений власти и доминирующих идей под давлением всеобщего скепсиса и посредством безжалостного переосмысления основ собственной системы убеждений. Такер и его единомышленники грезил о революции более последовательной, более вкрадчивой и более масштабной в своих последствиях, чем формула одномерной классовой борьбы, продвигаемая их коммунистическими товарищами, — другими словами, речь шла об эволюционной революции, протекающей на интеллектуальном и экономическом плане, которая лишь на первый взгляд казалась политической. Сознательные эгоисты из лагеря Такера не утруждали себя составлением теорий об индивиде или социальных правах. Они соглашались с наблюдением Штирнера о том, что «право» — это иллюзия, вытекающая из могущества, и чаяли индивидуального освобождения, а также развала государства, посредством постепенного пробуждения в людях способности обходиться без государства. Затем это новообретённое чувство собственного достоинства неизбежно побудит людей отказаться от поддержки извне, отстаивать личную власть и отвергнуть претензии государства на покровительство и руководство. Столь непростительно самодостаточная версия анархизма требует более развитого интеллекта, чем тот, которым обладает большинство людей, и такой степени независимости, которой это большинство достичь не в силах, поэтому маловероятно, что американский индивидуализм когда-либо возродится и оживит пустыню господствующего анархизма наших дней (где на наших глазах происходит гомогенизация анархизма и его превращение в пресную антигосударственную/антикапиталистическую доктрину, с распростёртыми объятиями приветствующую упрощение мышления и идеологический конформизм). Вместе с тем, в изыскательных старых выпусках «Liberty» до сих пор можно найти огромное количество материалов, намного более актуальных, скандальных и интересных,

чем большая часть заплесневелой ахинеи, выходящей из печати сегодня.

Столь слабая осведомлённость об американских индивидуалистах в наши дни приводит в замешательство, однако становится отчасти понятной, если учесть, что этот таинственный и непричёсанный анархо-индивидуализм обретается на пыльных задворках американского анархизма, где бродят призраки Джеймса Л. Уокера, Джона Беверли Робинсона и толпы других никому не известных вольнодумцев, совершенно пропавших из виду вплоть до публикации авторитетного исследования Джеймса Мартина «Люди против государства» (*Men Against The State*) в 1953 году — чтобы затем снова кануть в мутные бездны исторического забвения. Тех же, кто всё-таки изволит встать на этот чудной и чудный путь, ожидают драгоценные тайники с умопомрачительной информацией и захватывающим анархическим фольклором. Книга Мартина содержит целый океан намёков и подсказок, но все ниточки расследования непременно приведут пытливого ум к одному из образцовых представителей этой традиции: к бесподобно сварливому скептику и анархо-пессимисту Лоренсу Лабади. Сын Джозефа Лабади — автора названного его именем знаменитого «Собрания», Лоренс Лабади в конечном итоге перерос и обогнал своего отца в качестве мыслителя и полемиста. Лоренсу повезло в том, что большую часть жизни он имел доступ к огромному количеству наиболее интересных работ в традиции американского анархо-индивидуализма (традиции, ушедшей в прошлое, как почтовый голубь, традиции, которую сегодня присваивают плутократические выразители статус-кво, утверждающие, что являются «либертариями», но чья свобода при этом фактически является «свободой по разрешению», что позволяет им отстаивать свою репутацию, заработанную весьма сомнительным путём), и посредством хитроумной полифонии и тематического развития ему удалось создать из имеющегося материала нечто совершенно новое и гораздо более угрожающее. Исчезнувший анархизм этой радикальной традиции, имевшей очень глубокие корни, стал тем неиссякаемым источником

бунтарского духа, из которого Лабади беспрестанно черпал идеи на протяжении всей своей жизни, впрочем, отдаваясь при этом как от отца, так и от других своих предшественников-индивидуалистов (того же Такера), благодаря своему провокационному тону, уверенности в своей правоте и непревзойдённому разочарованию в человечестве по причине убеждённости в абсолютной тщетности всех наших усилий. На своём пути Лоренс Лабади, наследовавший традиции Джосайи Уоррена, Лисандра Спунера и Стивена Перла Эндрюса, впитал исполненный надежды анархизм отцовского поколения (с присущим ему почти слепым воодушевлением по поводу своих шансов на успех), отшлифовав и расширив их основные идеи, однако его собственные едкие работы неизменно несли на себе печать мрачного пессимизма, проистекавшего из убеждённости в том, что в основной своей массе его собратья непоправимо испорчены и что «вся цивилизация целиком и полностью представляет собой одно гигантское нагромождение кретинизма». Если и можно строго очертить, где пролегает водораздел между Лоренсом Лабади и его философскими наставниками, то декларацией его независимости можно считать присущий ему воинственный задор и язвительный тон его депрессивных коммюнике, адресованных внешнему миру. Анархо-индивидуалисты первого поколения, возможно, и были своего рода соединительной тканью, сближающей Лоренса Лабади с неким подобием наследия, однако столь страстное презрение, которое он питал к человечеству с его авторитарными социальными структурами, со всей очевидностью указывает на то, что Лабади не имел себе равных в том, что касается его умения нарушать общественное спокойствие. Человек-огнемёт, дерзкий иконоборец, насмешник над предшественниками, провокатор — все сорок лет, что продолжалась его кампания анархо-индивидуализма, Лабади стремился лишь к удовлетворению собственного эгоистического импульса, и дело было вовсе не в том, что он верил в осуществимость этой доктрины на практике или что людям действительно нужно об этом знать. И хотя плохие манеры Лабади, равно как и его полное пренебрежение официальной

позицией могут привлечь к его работам небольшую часть анархического сообщества, заинтересованную в освобождении своих умов от ханжества и бредовых идей, его приводящее в уныние, пессимистическое восприятие бытия способно отвлечь даже и этих немногих — ведь с его точки зрения, о счастливом конце рода человеческого не может быть и речи.

В 1998 году племянница Лоренса Карлотта Андерсон опубликовала книгу о своём деду, Джозефе «Джо» Лабади, под названием «Всеамериканский анархист: Джозеф А. Лабади и рабочее движение» (*All-American Anarchist: Joseph A. Labadie and the Labor Movement*). В семнадцатой главе этой книги содержится фрагмент, который мы позволим себе процитировать ниже, поскольку он проливает свет на причину того, почему восприятие Лоренса было уже с ранних лет окрашено в пессимистические тона:

Однако больше всего Джо был обеспокоен бесцельностью и неприкаянностью Лоренса — ребёнка, родившегося, когда Джо уже был в зрелом возрасте, его любимого ребёнка. Какая же причина стояла за пессимизмом, мизантропией и депрессией его сына? Возможно, будучи особенно впечатлительным подростком, Лоренс «подхватил» тот вирус разочарования, который его отец принёс с войны. Если это так, то Лоренс погряз в негативизме, не имея от него противоядия, выражавшегося в жизнерадостности его отца, постоянно отпускавшего остроумные комментарии и всегда сохранявшего веру в фундаментальное благоразумие человечества, которому стоило лишь сбросить с себя оковы. Какие бы демоны ни терзали Лоренса, он не винил в этом Джо. Уже в пожилом возрасте Лоренс описывал отца как единственного когда-либо встреченного им человека, который всю свою жизнь вызывал у людей только симпатию.

Лоренс поступил на инженерный факультет Мичиганского университета, проучился там один семестр и провалил экзамены, после чего занялся изготовлением слесарных инструментов, достиг в этом деле профессионализма и начал работать в сфере станко-

и автомобилестроения, но при этом то и дело перескакивал с места на место, зачастую задерживаясь на одном заводе не дольше пары недель. Когда ему только перевалило за тридцать, его послужной список включал в себя двадцать пять разных мест, ни на одном из которых он не задерживался надолго. Джо всегда был готов пожурить Лоренса за его отношение к карьере, но никогда не пытался увлечь его анархизмом. Этот молодой человек самостоятельно обратился к экономике и философии, когда ему было под тридцать, и начал с любимчиков отца: Герберта Спенсера и Джосайи Уоррена, а затем переключился на Шопенгауэра, Ницше и Г.Л. Менкена. В 1927 году, в возрасте двадцати девяти лет, он заявил своим пожилым родителям, что «ничто не имеет смысла». Сказал, что «весь космический процесс... — это полная безнадёга и тщетность». Упрёки отца, «пафосная банальщина», привели Лоренса в ярость. Он с готовностью признал в себе отсутствие амбиций и «ненависть ко всему».

Однако на пути к этим ожесточённым пессимистичным заключениям Лоренсу пришлось пройти несколько промежуточных этапов, и в частности — изжить веру в прогресс. В отличие от понимания термина «прогресс», которое в большинстве своём пропагандируют политические теории вроде коммунизма (в которых на фоне полной непредсказуемости реального мира провозглашаются предположительно универсальные принципы, преломленные в свете подразумеваемой конечной цели, к которой линейно движется общество или человечество в целом), концепция прогресса, изложенная Лабади, вращалась вокруг освобождения разума, предполагая эволюционный прогресс, устремлённый *прочь* от коллективизма *по направлению* к эре индивидуализма. Двумя величайшими препятствиями для этого эволюционного прогресса были монополистический капитализм и его сиамский близнец — государство. Объяснение генезиса государства, предложенное Лабади, удивительным образом согласуется с более поздними работами немецкого социолога Франца Оппенгеймера на эту тему: государство было придумано людьми, которые стремились

сбежать от динамики конкурентной кооперации и становились ворами, захватив политическую власть. Начав с насилия и постепенно развиваясь в сторону растления, государство с момента своего зарождения служило интересам эксплуататоров. В зависимости от исторического момента, государство дарило, одалживало или продавало свою волю господствующему классу, который использовал её сначала для получения, а затем и для поддержания своего главенствующего статуса. Всегда оставаясь инструментом ограбления большинства меньшинством, в XX веке государство из стратегических соображений шаг за шагом «демократизировало» процесс распределения награбленного. Отныне это уже не просто грабитель большинства в пользу меньшинства: теперь оно позиционирует себя как государство всеобщего благоденствия и якобы полностью обеспечивает всех своих граждан «от колыбели до могилы». Лабади считал угнетение со стороны государства и неискренность его притворной отеческой заботы настолько очевидными, что покорность масс этому лицемерию можно объяснить лишь скудоумием. Продолжая насмехаться над человеческой глупостью, в конечном итоге Лабади стал воспринимать «массы» как скопления тех, кого Г.Л. Менкен в шутку называл «Хомо Балбесус»: тупых неполноценных людей, сбивающихся в многочисленные однородные толпы, которым не хватает ума, чтобы осознать глубину собственного идиотизма и суеверности. К этому времени Лабади уже считал прогресс тенденцией к вырождению, а эволюцию полагал почти невозможной.

Мир так усложнён, запутан и перенасыщен, что для большей ясности нужно убавлять, убавлять.

— Итало Кальвино

Одним из наиболее выдающихся качеств Лоренса как мыслителя-анархиста был его сухой стиль письма: избегая любых излишеств и вычурных барочных штрихов, Лабади стремится к абсолютной чёткости как в изложении обсуждаемой темы, так и в её авторской интерпретации. Воздерживаясь от пустословия,

он предпочитает использовать сжатую структуру из простых слов и доводит до совершенства голую экспрессию лаконичной и ритмичной фразировки, кумулятивный эффект которой достигается благодаря бесстрастной точности и поразительной глубокомысленности формулировок. С полемическим пылом и отменным здравомыслием Лабади расправляется с сентиментальными банальностями ура-анархистов и прорубается через густой лес анархических клише (красивых слов, которые так удобно прикрывают реальность), чтобы осветить его лучами чёрного солнца. Не тратя слов попусту и с совершенной уверенностью маневрируя в любой затрагиваемой теме, Лабади отпускает остроты и колкости в адрес всего и всех (включая самого себя), попутно формулируя очаровательно мрачные и неисчерпаемо остроумные теории, подобные россыпям неогранённых алмазов. Интеллектуальная леность — излюбленный объект его насмешек; он подвергает суровой критике утопические гиперболы и декоративные фантазии своих современников-анархистов, громя идеологии и разрушая присущие им иллюзии с восхитительной варварской энергией.

Во всех работах Лабади предельно резко высвечиваются две темы: самопорабощение (психология прислужничества) и принципиальная хрупкость коллективистских (и в частности — коммунистических) организационных концепций. Подстёгиваемый глубоко укоренившимся скептицизмом по отношению как к политике принудительно насаждаемого порядка, так и к неотъемлемой глупости коммунистического/социалистического восстания, Лабади ставит под сомнение не столько способность противостоять авторитарному режиму, сколько способность противостоять авторитарному *ресентименту*, поднимающемуся во время революций — а заодно и мифически благотворным эффектам, плоды которых приходится пожинать несчастным обывателям, которым революция должна была помочь. Не ускользнула от пронизательного взгляда Лоренса и бессвязная чепуха анархо-коммунистов: он в пух и прах раскритиковал их высокопарные заявления

о намерении насадить систему коммунальной собственности для **всех** — желая при этом остаться анархистами номинально и в теории. Лабади-борец знал: чтобы стряхнуть с себя морок этих демагогических хитросплетений, столь недалёким личностям требуется старая добрая оплеуха, и он с восторгом стал применять эту целительную шоковую терапию, открывающую гниль под улыбающимся утопическим фасадом анархизма. Независимо от того, кому он бросал вызов, тактика Лабади всегда оставалась одинаковой: он разоблачал своего врага, обездвигивал его и устраивал с его участием униженный парад по всей идеологической деревне — иными словами, он побеждал врагов, показывая их смехотворность. Именно эту готовность оспорить любую общепринятую концепцию, его *негативный* критицизм, а не конструктивные предложения, я больше всего ценю в Лабади. При этом нельзя сказать, что у него не было позитивных/продуктивных идей относительно анархических социальных отношений: ещё как были, и наиболее тщательно они сформулированы в его работах 1930-х годов по мютюэлизму.

В понимании Лабади, мютюэлизм не подчиняется каким-либо *шаблонам*, но лишь служит нерегулируемой средой людям, обладающим интеллектом и здравомыслием в достаточной степени, чтобы успешно существовать в условиях непредсказуемой, неограниченной и хаотичной свободы (когда в любой момент и в любом месте могут проявиться любые возможные отношения между индивидами, причём в любых комбинациях). Лабади считал, что концепция анархизма противопоставляется наработанным схемам или централизованному планированию в социальной сфере, и был крайне не расположен уточнять, какие именно *формы* могут принимать анархические социальные отношения; вместо этого он акцентировал внимание на широчайшем спектре разнообразных потенциальных жизненных укладов, которые могли бы беспрепятственно развиваться при реальной Анархии. Раскрывая эти темы, своевольный Лабади кончает тем, что без страха и кумовства приносит в жертву **всех** священных коров и приходит к заключениям, которые какой-нибудь типичный

клоун-анархист (мягко говоря) сочтёт абсолютно неожиданными и тревожными. К примеру, Лабади берёт заветный, почти религиозный анархистский принцип *сотрудничества* и переворачивает его с ног на голову, да так, что он превращается в настораживающую моральную заповедь, заражённую ретровирусом контроля. Совместный труд людей был бы прекрасной и конструктивной концепцией, если бы все его участники действовали свободно и *добровольно* для достижения полностью приемлемых для них целей, что разительно отличается от принудительного, навязанного сотрудничества, предусматриваемого коммунизмом и социализмом, когда оно рассматривается как *обязанность* перед обществом, государством или человечеством (а иногда и всеми ими).

Интуитивное и безошибочное подозрение Лоренса насчёт идеалов «сотрудничества» находит своих предшественников в анархистской традиции и прослеживается вплоть до Уильяма Годвина (блестящий пример миролюбивого, индивидуалистического, антиреволюционного анархиста-*философа*). Невозможно представить себе человека более отдалённого от растиражированного стереотипа анархиста как кровожадного подрывника, чем Годвин, который на протяжении всей своей жизни твёрдо придерживался крайне моралистических принципов (изложенных в его работе «Исследование о политической справедливости» (*Enquiry Concerning Political Justice*)) и ратовал за использование образовательной деятельности в качестве метода постепенной трансформации социальных институтов и взаимоотношений, осуществляемой наряду с одновременным и последовательным «просвещением широкой публики». Несмотря на всё своё скучное морализаторство, Годвин предельно ясно говорил о том, что не рассматривает «самопросвещение» человека в какой-либо связи с законом или иными формами социального принуждения. Напротив, оно должно достигаться посредством ничем не сдерживаемого развития навыков критического мышления и освобождения разума от ограничений, налагаемых на него правительством, диктатурой большинства и унаследованными иррациональными социальными обычаями, такими

как институт брака и преклонение перед авторитетом. По мнению Годвина, человека нельзя назвать «нравственно» или интеллектуально возвысившимся, если он вынужден предпочесть интересы сообщества собственным интересам исключительно из страха перед судебным преследованием. Отдельных членов общества или государства нельзя счесть ни спицами некоего колеса, ни неотъемлемыми частями великого общего целого, внутри которых они бесполезны до тех пор, пока не соединятся с другими людьми в некое подобие машины, которая, не будучи укомплектованной всеми необходимыми деталями, является столь же бесполезной. По Годвину, «грядущий рай» — это, прежде всего, общество *индивидуализма*, воплощённое в жизнь благодаря постепенному рациональному улучшению, вдохновляемому просвещённым меньшинством до тех пор, пока люди не уподобятся богам — то есть станут бесстрашными, интеллектуально развитыми и достаточно здравомыслящими, чтобы в любой ситуации принимать решения самостоятельно и абсолютно свободно. В своём видении полностью добровольного индивидуалистического общества Годвин пошёл ещё дальше, написав, что «всё, что обычно понимают под "сотрудничеством", — в какой-то степени зло». Хотя он признавал ценность (а временами и *необходимость*) объединения рабочей силы и ресурсов для достижения конкретных целей, он всё же испытывал опасения по поводу вознесения идеи «сотрудничества» на пьедестал и рассматривал её как схему закабаления личности в рамках обязательных общих правил социального поведения. Насаждается ли сотрудничество посредством официальных или неофициальных законов, культурных традиций или негласных общественных ожиданий, результат одинаков: связывание людей долгосрочными обязательствами и их подчинение воле Группы (интересно, что Фрейд выдвинул сходную критику сотрудничества, назвав его *сублимацией* в своей работе «Недовольство культурой» (*Civilization and Its Discontents*)).

Когда я впервые познакомился с испепеляюще гневной, высоковольтной прозой Лоренса Лабади, я был сражён

его искренностью и презрительной нетерпимостью по отношению к тупоумным болванам, составляющим большинство популяции. И то и другое оказало необычайно живительный эффект на моё восприятие интеллектуальной инертности, характеризующей многих моих знакомых анархистов: этот парень определённо слеплен из другого теста! По натиску текста и образной силе немногие из сегодняшних анархических авторов могут приблизиться к его уровню, и он более чем достоин всех моих хвalebных речей. Когда я осознал, что лихорадочно гоняюсь за крупными мыслями Лабади о коллективизме, демократии, самодостаточности и психологии толпы, стало очевидно, что эта искра незапланированного вдохновения или бессознательный порыв к систематизации обретает осязаемые черты, начав сгущаться в некое подобие антологии. Тексты, похороненные в богом забытых журналах, и огромные кипы никогда так и не опубликованных размышлений, записанных в годы его «отшельничества», — вот что составило основной объём книги, готовой обрушиться на каждого, будь то социалисты, коммунисты, ложно свободные предприниматели или любые другие социальные манипуляторы, утверждающие, что говорят от имени всего «человечества», и раздающие универсальные предписания (обычно принудительные) всей планете. Хотя эти материалы имеют огромную значимость для анархистской среды, явно созревшей для обновления и повторного воспламенения, был один существенный фактор, превративший их сбор в настоящую каторгу: в материальном отношении анархические журналы воплощают собой эфемерность печатной культуры XX века (наравне с рекламой, постерами к фильмам, комиксами и региональными газетами), и из-за плохой доступности периодических изданий, публиковавших блистательно снисходительные статьи Лабади, этот проект растянулся на целых три года, проведённых в глубоких и тщательных поисках, включавших многочасовое сидение в библиотеке. Редактирование собранных материалов также представляло огромные сложности, не в последнюю очередь благодаря самостоятельно приобретённому Лоренсом навыку

изобретения неологизмов и его небрежному отношению к орфографии и пунктуации (в интересах удобочитаемости они иногда подвергались незначительной стилистической правке). Ну и потом, сам текст: ни на что не похожий, туманный, бесящий, скандальный, деструктивный и, возможно, вообще непригодный к публикации в наш бездумный век, когда стервятники коммунизма снова захлопали несущими смерть крыльями (ещё одно проявление функциональной безграмотности и антиисторичности субкультуры анархистов), угрожая раз и навсегда прикончить критическую анархическую теорию. Невозможно представить себе что-либо чернее презрительного пера Лабади и описываемых им тяжких видений вымирания человечества (самоуничтожение по причине массовой безмозглости). Для меня вступление в коалицию с этими оскорбительными памфлетами стало чем-то вроде личной миссии, чтобы раз за разом с особой жестокостью вдавливать эти идеи в головы моих поверхностных приятелей-анархистов (которым, похоже, недостаёт остроумия и иронии, чтобы выдерживать подобные атаки). Лабади был агентом-самоучкой, который остротой своих слов одинаково искусно пронзал как гуманистическую помпу, так и политический идиотизм, и хотя во время подготовки этого «собрания сочинений» мне стало ясно, что без некоторого погружения в контекст не обойтись, я решил, что постараюсь сделать свой комментарий как можно более кратким (намеренно не приводя огромное количество биографической информации об авторе), поскольку ничто из написанного о Лабади не может доставить столько же удовольствия или спровоцировать столь глубокие прозрения, как что угодно, написанное *им самим*. Лабади оставил после себя обширное и неизмеримо негативное наследие, смелое и чарующее, квинтэссенцию которого выделить сложно, поэтому в данной работе я представляю свою крайне субъективную выборку из богатейшей сокровищницы *интеллектуальной* анархической прозы. Я включил сюда все его эпохальные эссе 1930-х годов (например, «**Размышления о свободе**» и «**Ментальные установки**»), а также множество до сих пор актуальных

памятников социальному пессимизму, написанных им на закате своего одиночного анархистского мятежа. Несмотря на сиюминутный характер его импровизированных статей для журналов, или «писанины» (которая частенько пронизана исповедальными настроениями), эти эссе входят в число его величайших работ, и я включаю по крайней мере пять таких дневниковых записей в раздел 3, «Период мизантропии».

Могут ли суровые, страдальческие размышления Лабади иметь коммерческий успех, стать «блокбастером уныния», так сказать? Вероятно, нет. Могут ли они вывести из себя шайку терзаемых призраками анархистов, с их доктринами и сводами правил? Определённо! Горечь и отчаяние, снедавшие Лабади, — это вызов вежливым анархическим трюизмам, и они противопоставляются трепливому фальшивому радикализму, процветающему в сегодняшнем анархическом зоопарке США (со всеми его фарисейскими, интеллектуально-стерильными, сверхкритичными личинами). Собранные в этой книге эссе выбраны таким образом, чтобы продемонстрировать выдающиеся способности Лабади как теоретика, намеренно отпугнуть тех, кто считает анархизм ролевой игрой в стиле фэнтези, и повергнуть в ретроспективный шок недоразвитых ленивых шарлатанов, уверенных, что быть анархистом — значит попросту косить от работы и выбирать правильные тусовки. Это собрание, без сомнений, покажется загадочным артефактом скопищам идиотов, покорно следующих за чередой модных, но всё более бессодержательных и мимолётных формалистических вывертов — таких, как новые кретинские формы марксистского догматизма и откровенно безумные вариации феминизма и постмодернизма, — по пути лишая анархизм любой ценности, которую он мог когда-либо иметь. Я не жду ничего, кроме истерического визга, от интернет-нытиков всех мастей (с их лишёнными чувства юмора запрограммированными и рефлекторными ответами на что угодно), чья зона комфорта пошатнётся, столкнувшись с готовностью Лабади смотреть в лицо неприятным фактам, высказывать уродливые

истины и получать от этого угрюмое удовольствие. Жалкие останки авторитарных левых предсказуемо заклеят Лабади как безнадёжно буржуазное ископаемое и начнут призывать к бойкоту его работ, а печально вездесущие скрытые коммунисты в рядах самих анархистов стигматизируют его (ошибочно) как капиталиста и останутся глухи, немые и слепы к здоровому холокосту, который он уготовил всяким идолам. Догматические анархо-примитивисты будут в ужасе от высказываний Лабади в защиту «прогресса» и технологической/промышленной эволюции и не найдут в них ничего ценного (в своей близорукости неспособные отделить его колоритные разъяснения индивидуальной свободы от более старомодных постулатов линейного социального развития), а коллективистам точно будет не по зубам выдвинутый Лабади принцип «диссоциации» как залог социальной гармонии. Прочие многочисленные категоризированные анархические секты сочтут Лабади недостаточно «революционным» или «бунтарским» на их вкус, а побудительная сила его бескомпромиссного пессимизма не впишется в идеалистические рамки допустимого в их среде инакомыслия. Что касается потерянных невротиков, вступающих в анархистское гетто в поисках утешения и отрады в виде готовых к употреблению догматов веры и заранее определённых наборов мнений, что ж, у них скорее всего просто глаза вытекут от идей, которые Лабади осмеливается фиксировать на бумаге, практически в акте святотатства.

Короче говоря, эта книга фактически не понравится никому, и именно поэтому я отправил рукопись в LBC Books — одно из немногих в США анархистских издательств, которые всегда не прочь подлить масла в огонь. LBC Books видит своей целью не подавление, а *поощрение* споров, и единственным твёрдым критерием для попадания в их каталог является, по всей видимости, значительная степень независимости мышления и искренняя заинтересованность в развитии прекрасной Идеи. Заголовки изданных ими книг отражают эклектичность, в основу которой положено лучшее из того, что могут предложить все направления анархической мысли, *имеющие отношение к теме*, но даже

по безрассудным меркам LBC Books эта книга пойдёт вразрез с духом *времени* сегодняшнего анархизма. В известном смысле это собрание представляет собой приглашение к оценке не только Лоренса Лабади, но и анархизма Соединённых Штатов Америки в целом, равно как и возможность взглянуть на причины того, что сейчас мы лишь маршируем кругами под надоевшие мелодии и мало чем можем похвастаться в смысле своих достижений, а заодно познакомиться с точкой зрения антигосударственного мыслителя, слывшего в своё время человеком эксцентричным и даже чокнутым, но который, возможно, способен помочь нам окинуть сложившуюся неприятную ситуацию свежим взглядом.

Более сорока лет любитель неудобных тем Лабади вёл неистовые бои с социалистами, коммунистическими анархистами, джорджистами, леваками, гезеллитами (см. ниже), поборниками социального кредита, минархистами и прочими полчищами человеческой вши — и неизменно выходил из них победителем. Однако нелишним будет отметить, что он редко получал благодарность за свои усилия — в действительности на него обычно плевали и принижали его, обзывая брюзгой и психом. (Лабади первым назвал себя «сварливым стариком», но добавил, что с большой радостью послушал бы старые добрые «рациональные суждения» от своих хулителей!) Довольствуясь ролью белой вороны даже среди анархистов, Лабади изверг из себя сорокалетнюю норму концентрированных редакторских колонок, разменной монетой в которых были саркастический стёб, катастрофически дурные предчувствия и тотальное опустошение человеческой цивилизации. К середине 60-х годов он усовершенствовал своё писательское и аналитическое мастерство до впечатляюще ужасающего и едкого уровня — и к этим хлестким, полным безнадёжности текстам я хотел бы привлечь внимание и снова предоставить их на растерзание публики. Лабади читают не ради того, чтобы найти в его работах гуманистическое сострадание, утопические банальности или бездарное подбадривание; равно безуспешно искать в них повышенную осознанность касательно

вопросов охраны окружающей среды (эта осознанность появилась в рядах анархистов на несколько поколений позже). Лабади читают ради его способности содрать с любой темы присущую ей серьёзность (рассматривая её не как нечто весомое, а скорее как фарс), а ещё ради бесценных вспышек язвительного прозрения. Его работы обретаются на более «прогрессивном рубеже» анархической мысли, расцветающем по периметру анархизма, а не в его так называемых «канонических» текстах (которые обычно оказывают ограничивающее и сужающее воздействие на дискуссии об анархизме). Эти тревожные рассуждения о незавидном положении человечества — то небольшое, что осталось от утраченного аспекта литературного и печатного наследия анархизма, и, по словам историка анархизма Шона Уилбура, тексты такого рода «предполагают наличие целых вселенных оппозиционной мысли, которые не так просто включить в наше схематическое понимание истории радикального движения». Удивительно, насколько актуальными являются шокирующие, неприукрашенные и полные отвращения высказывания Лабади применительно к сегодняшним реалиям, насколько они пропитаны неизбывным и жутким чувством безвременья и при этом отнюдь не кажутся пошлыми.

Такие фигуры, как Лабади, а вместе с ним Жозеф Дежак, Эрнест Кёрдеруа, Зо Д'Акса и кучка других *аутсайдеров*, представляют проблему для заскоружлых догматических версий анархизма, ведь их философские раздумья относительно свободны от ортодоксальных доктрин и инфантильных постулатов и не замутнены расхожими мнениями (или, как в случае с Лабади и Зо Д'Акса, их идеи не отравлены **оптимистической онтологией**). Всё это уподобляет их слонам в посудной лавке академического центристского анархизма с его попытками всё подряд загнать в социальные рамки (то есть в ограниченный диапазон коллективных и институциональных процессов, формирующих знание посредством авторитетного определения того, что следует читать и как это следует читать), поскольку эти смутьяны не дают грошовых сентиментальных ответов на вопросы анархии, а скорее ставят эти вопросы ещё острее и усердно их

исследуют, постоянно расширяя проблемную область. Вероятно, раз прочувствовав несвоевременные, избавляющие от сонных иллюзий медитации Лоренса Лабади, стряхнуть их с себя будет не так-то просто. Пришла пора познакомить с ним новое поколение...

— Хорд

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Лоренс Лабади родился 4 июня 1898 года и был младшим сыном в семье Джо Лабади, «вежливого анархиста», хорошо известного в Детройте. Помимо распространения идей анархо-индивидуализма среди участников движения освобождения труда, Джо публиковал небольшие книги и буклеты с эссе и стихами собственного сочинения, написанными на «языке рабочих» того времени. Лоренс, или Ларри, как его впоследствии стали называть, пошёл по стопам своего отца, который, однако, никогда не заставлял детей следовать его профессии или принимать его убеждения. По мере взросления младший Лабади исследовал современные ему философские течения и идеологии, из которых в итоге выбрал лишь одну: анархизм, отрицание всех людских и «божественных» авторитетов в пользу индивидуализма.

Как и его отец, Ларри вёл переписку с Бенджамином Р. Такером, который в то время уже отошёл от дел и жил в Европе. Такер оказал огромное влияние как на Джо Лабади, так и на его сына. От прежнего главного редактора «Liberty», ведущего журнала «Философского анархизма» на излёте XIX века, молодой Лабади перенял стиль критического комментария, проявившийся, в частности, в его личной переписке и самиздатовском журнале 1930-х годов «Discussion», предназначенном для «тех, кто свободен духом» (*Discussion: A Journal for Free Spirits*). В нём Лабади попытался вовлечь своих подписчиков в диалог и дискуссию, в которых, как говаривал Такер, выигрывал тот, кому лучше других удалось завладеть вниманием публики. Лоренс полемизировал с реформаторами, консервативными капиталистами, сторонниками ограничения прав государства и утопическими коммунистами на социальные и политические

темы тех депрессивных лет, всегда делая акцент на максимальной свободе каждого человека как необходимым условием истинного социального прогресса.

Ларри настаивал на необходимости частной собственности для обеспечения свободы действий. Он быстро подметил, что капиталистическая прибыль от ставок по займу, ренты и прямого дохода зиждется на запрете со стороны государства в отношении выпуска частных денег, присвоения незанятой земли для её использования, свободного обмена с подданными других государств, а также свободного пользования абстрактными идеями, права на которые закреплены за авторами и изобретателями (но не свободного пользования книгами и изобретениями как физическими объектами, которые, в рамках товарного обращения в условиях конкуренции, привели бы к снижению цен на них до величины фактических затрат на их производство и распространение, что положило бы конец монополистической прибыли). В подобных конкурентных условиях именно фактические производители продукции владели бы землёй и предоставляли бы кредит и валюту для гарантии полного возврата средств сообразно затраченным усилиям при условии упразднения процентных ставок по кредиту и ренты за пользование землёй, которые могут существовать только по милости государства. Кроме «Discussion», Ларри переиздал такие классические работы по анархизму, как «Отношение анархизма к промышленным альянсам» Такера (*Attitude of Anarchism Toward Industrial Combinations*) и «Рабы долга» Джона Бэдкока-мл. (*Slaves to Duty*), выжимку эгоистической философии Макса Штирнера — в свете разоблачения мифов о моральных императивах. Как и Такер, Лабади в своей аргументации относительно анархизма занял позицию утилитарного индивидуализма в противовес естественно-правовой теории, в пользу которой высказывался Лисандр Спунер в 1880-х годах. Границы свободы могут определяться лишь на основе взаимного согласия, а не диктуются некими божественными принципами — об этом говорит Штирнер, и Лабади соглашается с ним.

Кроме того, на ход мыслей Лабади повлиял Джосайя Уоррен, чья концепция «суверенитета личности за счёт

собственных средств» стала для Ларри руководящим принципом. Однако наибольший интерес Лабади вызвал Пьер-Жозеф Прудон: именно от этого мыслителя середины XIX века Ларри перенял взгляд на общество как на сложную конфигурацию противоречий. Динамическое, творческое и сбалансированное взаимодействие этих противоречий может быть достигнуто только в обществе плюрализма, где *отсутствует* какая-либо навязанная надзирающая власть, используемая лишь одной группой в собственных интересах в противовес интересам всех остальных (такое отсутствие привилегий является необходимым условием существования всех демократических режимов; в противном случае — когда одна группа успешно подавляет остальные — получаем диктатуру). В этой связи значение фразы Прудона «Собственность — это кража!» стало для Лоренса очевидным. Именно собственность и доход, гарантированные правительствами землевладельцам и кредиторам через особые привилегии, и составляют часть заговора по эксплуатации одного класса другим. С этой точкой зрения соглашался и Франц Оппенгеймер, проводивший различие между «экономическими» и «политическими» способами обогащения. Государство — это узаконивание воровства, совершаемого правящим классом во имя Собственности. Этот взгляд на государство в наиболее сжатой форме представлен в нескольких коротких и метких абзацах эссе Ларри «Что ждёт человечество?» (*What Is Man's Destiny*), где описывается, как человечество проваливает все попытки достичь хоть какого-то подобия реальной свободы в результате их подавления государством и в конце концов уступает перед лицом неизбежного уничтожения. Укоренившиеся и узаконенные в современных обществах обычаи доминирования и подчинения бесконечно воспроизводят сами себя. Пока Запад и Восток всё больше сближаются в рутине своего общественного устройства, они обладают потенциалом к истреблению всей разумной (?) жизни на планете. Как признал Такер накануне Второй мировой войны, «Чудовище — Машина — пожирает человека».

Неудивительно, что история XX века превратила активных либертарию в отошедших от дел пессимистов.

Это случилось со всеми, кто действительно осознавал масштабы размывания понятия индивидуальной свободы. Но не в пример Бенджамину Р. Такеру и Альберту Джею Ноку, эти упаднические настроения не смогли заставить умолкнуть Лоренса Лабади — они лишь вынудили его начать мыслить более независимо и ещё больше писать. Хотя он не забросил экономику прудоновского мютюэлизма, Ларри всё больше сосредоточивал своё внимание на вопросах войны и мира, а именно на причинах военного конфликта во Вьетнаме и силах, ведущих к тому, что он воспринимал как последнее противостояние между США и СССР. Придёт ли эта напряжённость к своей развязке — большой вопрос, особенно с учётом того, что «лидеры» этих двух держав, а также «Народной республики», кажется, обнаружили, что у них гораздо больше общих интересов друг с другом, чем с теми, кого они якобы должны представлять. Поскольку основной причиной существования государства является увековечивание Привилегии, для него было бы самоубийственно подвергать себя опасности утраты всех источников экономической эксплуатации. Ларри был не из тех, кто мог признать за политиками подобную дальновидность, поэтому он предвидел лишь слепое нисхождение в бездну небытия.

В зрелом возрасте Лабади был связан с децентралистской «Школой жизни» Ральфа Борсоди и Милдред Лумис, с которыми он оставался друзьями всю жизнь.

Несмотря на то, что Лабади не был согласен со всеми методами многих децентралистов, в этом движении он нашёл больше восприимчивых к своим идеям умов, чем в анархо-капитализме, зарождавшемся в начале 60-х годов, который он критиковал за отсутствие решительности (то есть за несоответствие самой концепции анархизма), необходимой для штурма поддерживаемых государством монополий на землю и деньги. В этом отношении поднятые им темы были отнюдь не новыми; Прудон спорил с Бастиа, а Такер — с индивидуалистами-последователями Спенсера по вопросу процента на капитал задолго до того, как Лабади разнёс Мюррея Ротбарда на страницах журнала «A Way Out», выпускавшегося «Школой жизни». Большую часть топлива для

этих дебатов Ларри почерпнул из работ экономиста начала XX века Хьюго Билграма, который в своей книге «Причина экономических кризисов» (*The Cause of Business Depressions*) оспаривал жизнеспособность беспроцентной валюты и критиковал теорию временного происхождения процента, разработанную австрийским экономистом Ойгеном фон Бём-Баверком. При этом Лабади выступал резко против любых предложений о том, что подобную денежную реформу должно проводить правительство, и настаивал на том, что свободная конкуренция на рынке твёрдой валюты и кредита сведёт процентные ставки к минимуму и в этих условиях лучшие деньги вытеснят худшие, тем самым отменяя действие «Закона Грешема».

Благодаря журналу «A Way Out» работы Лабади стали доступны более широкому кругу читателей. При этом на протяжении многих лет Ларри поддерживал связь с несколькими радикальными философами либертарианства и/или так или иначе повлиял на них. В эту группу, в числе прочих, входили: критик цензуры Теодор Шрёдер, историк ревизионизма Дон Веркхайзер и Роберт Антон Уилсон — соавтор книги «Иллюминатус!», «анархо-абсурдистской» сатиры на теорию заговора.

Те, кто был лично знаком с Ларри, любили его как человека, а ему особенно нравилось соревноваться с друзьями в интеллекте в процессе серьёзного или шуточного разговора. Его речь частенько перемежалась едкой иронией и наставническими жестами, что создавало образ наполовину придворного шута, наполовину почтенного мудреца. Ларри жил в одном из крошечных каменных домиков, построенных поселенцами для изначальной «Школы жизни» в городке Сафферн (штат Нью-Йорк) и своим худощавым телосложением напоминал хоббита-затворника. Ему очень нравилось высказывание Шопенгауэра: «Кто не любит одиночества — тот не любит свободы». Лоренс Лабади любил и свободу, и одиночество. Он никогда не был женат, обеспечивая собственные потребности и решая любые сложности с изобретательностью и сноровкой мастера на все руки. Ларри никогда добровольно не посещал

врача, так как считал, что эта профессия находится в симбиотической зависимости от болезней, которые она предназначена исцелять. В последний год своей жизни он боролся с изнуряющей тело болью; он умер 12 августа 1975 года. Перед смертью о нём заботилась миссис Фикер, его давняя подруга и соседка. После себя он оставил одну племянницу, Карлотту Андерсон, её семью, а также нескольких новых и старых друзей, которые его никогда не забудут. Его обширная библиотека книг по анархизму, периодических изданий, личных заметок и писем передана в «Собрание Лабади», начатое ещё его отцом, которое хранится в Мичиганском университете (г. Анн-Арбор) и является крупнейшим собранием подобного рода литературы в этом полушарии.

«Что ждёт человечество?» было последним эссе Лабади, написанным для публикации. Оно было напечатано в выпуске журнала «The Journal of Human Relations» за четвёртый квартал; этот журнал издаётся Центральным университетом штата Огайо в сообществе Уилберфорс, на тот момент редактором журнала был Дон Веркхайзер. Тот факт, что государственные университеты хранят в своих стенах анархическую литературу и публикуют журнал под девизом «Лучшая жизнь при большей свободе», заставляет задаться вопросом, а не анархистская ли это диверсия? Возможно, подобные факты в истории анархизма говорят нам о том, что Система не настолько непроницаема, как предполагал Ларри. Ведь именно поиск и изучение подобных любопытных противоречий в структуре нашего авторитарного общества вызывали особый меланхоличный восторг у Лоренса Лабади, человека, свободного духом.

— Марк А. Салливан

МЫ НЕ НАЗЫВАЛИ ЕГО «ЛАРРИ»: ВОСПОМИНАНИЯ О ЛОРЕНСЕ ЛАБАДИ

Смерть Лоренса Лабади на семьдесят восьмом году жизни, 12 августа 1975 года, ознаменовала собой утрату последнего связующего звена с Бенджамином Р. Такером и фактическое угасание социально-экономического движения, в начале XX века ставшего известным как «мютюэлизм». Этот синтез идей Джосайи Уоррена, П. Ж. Прудона, Уильяма Б. Грина и Такера, вобравший в себя избранные места из работ Стивена Перла Эндрюса и Эзры Хейвуда, а также содержащий некоторые вкрапления тезисов прочих менее известных мыслителей, был лаконично освещён в книгах «Что такое мютюэлизм?» (*What Is Mutualism?*) Кларенса Ли Суортца и «Прудоновое решение социальной проблемы» (*Proudhon's Solution of the Social Problem*) Генри Коэна, выпущенных издательством Vanguard в 1927 году. С начала 1930-х годов Лоренс Лабади становится наиболее выразительным представителем этой идеологической традиции — сам Такер высоко оценил чёткость его формулировок в посвящении, написанном на фотографии, датированной 6 сентября 1936 года, которую Такер подарил Лоренсу.

Лоренс родился в Детройте 4 июня 1898 года. Его отец Джозеф А. Лабади, широко известный в среде рабочих и радикальных активистов Детройта, на протяжении почти всей своей жизни оставался единомышленником Такера; он также основал знаменитое собрание печатных и рукописных материалов, которое хранилось в библиотеке Мичиганского университета под его именем на протяжении нескольких десятилетий. Семья Лабади имела смешанное франко-индейское происхождение; предки Лабади обосновались в окрестностях Великих озёр в XVII веке, когда этот район заселяли легендарные

трапперы и «лесные торговцы»*. Вероятнее всего, к моменту рождения Лоренса индейская кровь в этой семье практически сошла на нет, однако он воспринимал её как часть своего наследия и всегда с гордостью говорил о своём индейском происхождении, которое он, несомненно, романтизировал. Однако я вспоминаю, как несколько раз просматривал внушительные альбомы старинных фотографий семьи Лабади и отмечал про себя, что в каждом поколении рождались коренастые мужчины невысокого роста, и в некоторых из них легко угадывались типично индейские черты лица. В любом случае, Лоренс гордился обеими своими генеалогическими ветками — возможно, с годами эти чувства становились всё сильнее, поскольку он был последним в своей линии и единственным носителем фамилии Лабади. Из родственников Лоренса в живых осталась лишь его замужняя племянница, дочь одной из двух его сестёр.

Лоренс был самым необычным самоучкой и интеллектуально дисциплинированным человеком из всех, кого я когда-либо встречал. Он научился независимо мыслить и писать за долгие годы, проведённые в одиночестве, оттачивая свой стиль и навыки в отшельническом поиске знаний. Его учителями от литературы были Такер и созвездие авторов, писавших для его журнала «Liberty» (выходил в 1881–1908 годы), Прудон, Уоррен и немногочисленная плеяда малоизвестных и в основном не публиковавшихся полемистов, с которыми он переписывался по политико-экономическим вопросам в течение сорока лет. Но основной его ролевой моделью был Такер, и он не раз отмечал, что манерой чётко выражать свои мысли он обязан именно Такеру.

В своих письмах Лоренс демонстрировал самый неистово логичный и строгий стиль из всего, что мне доводилось читать; его проза отличается незаурядной

экономией слов и полным отсутствием лишнего украшения. Это также характеризует и другие его работы, а именно многочисленные эссе, лишь малая часть которых была опубликована. В одном из своих писем ко мне (от 28 мая 1948 года) он заметил: «Писать ясно и просто сложнее всего, хотя бы по той причине, что ясное и простое мышление встречается так редко, а пороть расплывчатую чушь так легко». Несколько раз я слышал от него и такой комментарий: «Погружаясь глубже в тему, начинаешь использовать более сильные слова».

Уникальность Лоренса заключается в том, что он не был ни профессиональным писателем, ни интеллектуалом с академическим образованием; он едва доучился до старших классов, откуда, по его словам, чудесным образом сбежал. Не имея даже отдалённого отношения к педагогическому миру болтовни и книгоиздательства, он в первую очередь был квалифицированным рабочим, многие годы оставаясь одним из лучших инструментальщиков в Детройте; он осваивал смежные навыки, благодаря чему приобрёл репутацию превосходного ремесленника в любом деле, за которое бы он ни брался. Чтобы оценить выдающееся качество его работы, необходимо учесть некоторые сложности, с которыми приходилось сталкиваться рабочим в 1920-х и начале 1930-х годов, то есть ещё до электронной революции, когда людям приходилось на глаз определять допуски в одну десятитысячную долю дюйма. Среди его талантов были и все строительные ремёсла, что наглядно доказывает выполненная им реконструкция большей части зданий, которые он занимал в течение 25 лет в Сафферне, штат Нью-Йорк (подробнее об этом далее). Его мастерская представляла собой идеал компактной и логичной организации пространства даже после того, как он стал уделять совсем мало внимания личным делам и бытовым привычкам. Здесь он хранил несколько ювелирно сработанных инструментов, изготовленных им собственноручно.

Кроме того, Лоренс постиг ремесло типографского набора и научился работе с небольшим прессом для малотиражной печати, унаследованным им от отца. Джозеф несколько десятилетий использовал его для публикации

**Coureur des bois* (фр., англ. *runner of the woods*), дословно «лесные беглецы» — независимые торговцы франко-канадского происхождения, в период с конца XVII по начало XVIII века занимавшиеся торговлей на территории Новой Франции (Северная Америка), преимущественно с коренным населением, обменивая различные европейские товары на мех. Некоторые из них перенимали обычаи и навыки коренного населения. Стали своеобразным символом французских колоний (прим. перев.).

собственных литературных произведений, в том числе стихов, порой выходивших в необычно малом формате и часто напечатанных на обратной стороне обойных листов. Эту традицию самиздата Лоренс поддерживал в течение многих лет, когда в подвале дома 2306 по Бьюкенен-стрит в Детройте он печатал свои миниатюрные работы, кропотливо набирая мелкие шрифты и закрепляя пластины на маленьком печатном прессе. В процессе ознакомления с библиотекой своего отца, то есть с той её частью, которая не была отправлена в Анн-Арбор, Лоренс не только впитывал стили письма разных авторов и перенимал творческие достижения Джозефа в качестве типографа и издателя, но и перепечатал несколько знаковых произведений анархо-индивидуалистической традиции, самые ранние из которых были написаны ещё в начале XIX века. Особенно ему удались переиздания Такера и Джона Бэдка.

Но всем этим Лоренс Лабади занимался в свободное время. Он начал работать во время Первой мировой войны и отпахал приличный срок в автомобилестроении. Сначала, в 1918 году, он устроился на старое производство Continental Motors на Ист-Джефферсон-авеню в Детройте; затем он также работал на Studebaker, Ford и Chevrolet: в последней компании его приняли в команду высококвалифицированных экспериментальных механиков, работавших в тесной связке с конструкторами в начале 1920-х годов. Но Лоренс часто менял места работы, поскольку не выносил тупости бригадиров и других вышестоящих лиц. Есть некая ирония в том, что, проработав столько лет в автомобильной промышленности, он так и не научился водить машину. (Бытовала легенда, что Бенджамин Такер даже ни разу не ездил на машине.) Во время Второй мировой войны Лоренс трудился в нескольких мастерских, копил деньги с зарплаты и после этого уже никогда не работал по своей основной специальности. Наше с ним личное общение в основном происходило на протяжении следующих пяти лет; в это время я готовился к защите своих учёных степеней или преподавал в Мичиганском университете.

Когда мы встретились впервые, Лоренс приехал в Анн-Арбор на автобусе, и мы довольно долго беседо-

вали в южном кафетерии университетского студенческого союза, где мы впоследствии чаще всего и встречались в конце 1940-х годов. Ему нравилась тамошняя атмосфера: полумрак, массивные дубовые столы с выцарапанными на них инициалами многих поколений студентов, почти физическое ощущение почитания традиций. Здесь редко можно было услышать, чтобы кто-нибудь повышал голос, и бывали дни, когда за этими столами кипели куда более интеллектуальные дискуссии, чем в лекториях университета. Лоренс любил кофе и иногда упоминал другого кофемана — Джона Бэзила Барнхилла, редактора знаменитого во времена Такера журнала «The Eagle and the Serpent». (Генри Мойлен, лондонский редактор журнала «The Individualist», возможно, единственного издания в мире, отстаивавшего взгляды на кредитно-денежную систему, близкие к идеям Прудона/Такера/Лабади, однажды рассказал, как после многих лет переписки потерял связь с Барнхиллом, а затем получил от него загадочную открытку из больницы в Детройте, на которой было лишь несколько слов: «Дорогой Мойлен! Кофе — это дьявол. Ваш, Барнхилл».)

Лоренсу обо мне рассказала Агнес Инглис, куратор Собрания Лабади (по фамилии отца Лоренса), которое хранилось в общей библиотеке университетского кампуса. Хотя я постоянно и в большом количестве одалживал работы из этого собрания, а бесконечный поток моих вопросов указывал на то, что мой интерес был искренним и глубоким, при знакомстве Лоренс вёл себя достаточно осторожно: ему были слишком хорошо знакомы многочисленные дилетанты, главная способность которых — опешлять любую хорошую тему или предмет. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы убедить его, что для меня всё это не было пустым развлечением, и после этого мы начали встречаться регулярно — в «Собрании», как мы его называли, в кафетерии студенческого союза, а пару раз и дома у Лоренса на Бьюкенен-стрит в Детройте.

Лоренс владел огромнейшей личной библиотекой, многие вещи в которой дублировали материалы, хранившиеся в Анн-Арбор, однако немалую её часть составляла и его примечательная и объёмная переписка. Мы

«работали» даже во время еды: пока я готовил, Лоренс зачитывал мне отрывки из копий его писем таким людям, как Генри Коэн, Голд О'Бэй, Э.К.Ригель, и многим другим из тех, кто был вовлечён в кажущиеся бесконечными попытки согласования идей, особенно в отношении кредитно-денежной системы. Именно благодаря его переписке я впервые смог оценить, насколько ревностной была его страсть к логическому и как можно более точному изложению мыслей, которая закономерно помогала ему мыслить более ясно и писать более чётко, чем кто-либо из всех, кого мне доводилось читать за долгие годы, за исключением разве что Такера.

В конце концов мы неизбежно возвращались к «Собранию», поскольку большинство людей, которым было о нём известно, обычно ссылались на него. На многих книгах из «Собрания» стояла пометка отца Лоренса, «Джо», но за сорок с лишним лет с момента его основания оно разрослось до поистине невероятных размеров, в первую очередь благодаря упорному труду и полной самоотдаче Агнес Инглис, которая была его куратором до самой своей смерти в 1952 году.

В лице Лоренса и Агнес я нашёл первых и фактически единственных увлечённых сторонников моего публицистического проекта, который в итоге вышел в свет под названием «Люди против государства»; с момента составления первого черновика до первой публикации прошло пять лет. Лоренс полностью прочитал мою работу в конце весны 1949 года, а 26 июня того же года написал мне: «Я сомневаюсь, что кому-либо когда-либо удастся проделать лучшую работу по теме, за которую ты взялся».

Агнес настолько откровенно восхищалась моей рукописью, что своим энтузиазмом порой вгоняла меня в краску, но для меня огромным стимулом была эта безусловная поддержка людей, столь сведущих в этой теме, которые к тому же были лично знакомы с некоторыми из деятелей, о которых я писал в своём исследовании, или же хранили память о них. Иногда то, что я сам участвовал во всём этом с самого начала, порождало во мне какое-то иррациональное суеверное чувство, которое усилилось после нескольких недель,

проведённых мной за изучением материалов для своей работы сначала в Нью-Хармони (штат Индиана) и позже в Брентвуде (Лонг-Айленд).

Лоренс частично ознакомился с первыми тремя главами о Джосае Уоррене в 1947 году, и некоторое время мы вели переписку и беседовали о его идеях и работах. Лоренс заметил, что из моего отчёта о материалах, обнаруженных мной в Нью-Хармони, он больше узнал о Уоррене от меня, чем я от него, но я склонен считать, что в этом смысле наш вклад был примерно одинаковым. Когда наши дискуссии проходили в «Собрании», в них участвовала и Агнес, которая с неисчерпаемой энергией подростка помогала нам восстанавливать эту давно забытую историю.

Мне кажется, и Лоренс, и я по-своему любили «Эгги» — как мы иногда её называли (но только между собой). Я не знаю, когда именно Лоренса стали называть «Ларри», но это было уже после его отъезда из Мичигана. Агнес ни разу не обратилась к нему иначе чем «Лоренс», как и все остальные его мичиганские знакомые 1940-х годов, которых я встречал. Хотя его отца почти все по-дружески называли «Джо», обращение к его сыну «Ларри» всегда резало мне слух, как если бы Такера называли «Бенни»), но никогда об этом не говорили, скорее делами выражая свои личные, обращённые внутрь себя, подавляемые, невысказанные чувства. Сдаётся мне, каждый из нас двоих сделал бы для неё что угодно, но в случае с ней это было не так-то просто. Она начала называть меня уменьшительным именем, которое использовали все мои коллеги, только через восемь лет после нашего знакомства. Какой бы неформальный характер ни приобретало наше общение, она никогда полностью не раскрывалась перед собеседником. Мы познакомились с Агнес в 1943 году, а Лоренс к тому времени знал её уже много лет.

Время от времени мы вместе обедали в столовой университетской лиги, и если ступени главной библиотеки были скользкими ото льда, она позволяла одному из нас взять её под руку — но только для того, чтобы миновать опасные места; в противном случае могло бы создаться впечатление, что она утратила

независимость и больше не может самостоятельно позаботиться о себе. Эту черту характера она сохранила, даже приближаясь к восьмидесяти годам; это было для неё по-настоящему важно. Я вспоминаю частые вегетарианские вечеринки по воскресеньям у неё в квартире недалеко от студенческого городка Мичиганского университета: как все слушали её рассказы о захватывающих былых временах и воспоминания о личном знакомстве с Эммой Гольдман, Ипполитом Гавелом, Джоном Беверли Робинсоном и многими другими менее известными, но не менее выдающимися людьми, которых она узнала за многие годы со времён Первой мировой войны. У неё было больше знакомых в радикальных кругах, чем у большинства присутствующих, причём с учётом и тех, о ком они лишь читали в книгах. (Еда на этих сборищах почти всегда была одинаковой: холодный паштет из варёных овощей, среди которых особенно много было моркови, сваренные вкрутую яйца, а на десерт — тосты из пшеничной муки грубого помола с вишнёвым джемом и чай. Я мягко подшучивал над её вегетарианскими убеждениями по поводу недопустимости убийства животных для пропитания, и она признавала, что действительно не полностью соответствует им — ведь она носит кожаную обувь. Если бы она дожила до пластиковой революции, она могла бы полностью отказаться от обуви из натуральной кожи и в свою очередь посмеяться надо мной. В своём отказе от следования какой-либо политической системе она была непоколебима по той же причине, по которой была против убийства животных: она не разделяла никаких политических устремлений, достигаемых при посредстве убийства, даже если этих целей можно было достичь путём *всего одного* убийства.)

В письме, которое Агнес написала вечером 28 октября 1951 года, она замечает: «Мне (почти) восемьдесят один, я стала хрупкой и работаю уже не так, как раньше, но всё идёт своим чередом. Моя жизнь наполнена смыслом». К тому времени Лоренс переехал в Сафферн, а я — на север Иллинойса. Мы больше никогда не собирались в Анн-Арборе; Агнес Инглис умерла там 29 января 1952 года.

Интеллектуальные взаимоотношения с Лоренсом Лабади стали для меня аналогом формального образования. В разговоре или переписке он готов был живьём сожрать своего собеседника, стоило тому хоть в чём-то поступиться здравым смыслом. Нетерпимость к глупцам была его жизненным кредо. Многие признавали, что одним из лучших способов отвадить от себя тупиц было обратиться к Лоренсу. Непритязательность, простота и меткость его текстов (которые Такер скорее всего с восторгом печатал бы в «Liberty», живи Лабади на несколько десятилетий раньше) составляли особый авторский стиль, не покалеченный академическими канцеляризмами и склонностью к пустому трёпу, причиной которых является паралич компромисса, провоцируемый недугом фиктивной «объективности» «наёмного» образования в рамках подрядного договора на семинары по углублённому сокрытию мнений за техничным занавесом демонстративного равнодушия или отчуждения.

Лоренс всегда развивал свои экономические и социально-политические идеи без перенасыщения их такими теологическими конструктами, как «естественные права», «естественный закон», «объективная нравственность» и т. п., ибо значительная часть этих и родственных им догматов зиждется на политическом статусе их выразителей и по большому счёту не поддаётся каким-либо попыткам доказать или опровергнуть эти идеи, как и в случае со всеми религиозными постулатами; это обстоятельство порождает нескончаемую аргументацию, поощряемую всеми властями предержащими, а также полное отсутствие возможности положить конец этим спорам. (Если структуру рационального и равноправного либертарного общества нельзя осмыслить, не прибегая к религиозной бутафории, то эту область знаний можно с таким же успехом отдать на растерзание иррационалистам, а заодно признать, что мир, не управляемый воображаемыми сущностями, невозможен. Экономическая полемика погрязла в теологических принципах; «ошибки» друг друга ревностно обличаются на языке, словно почерпнутом из религиозных книг начала XVII века, а велеречивые диссертации о наиболее

вероятных прогнозах экономического поведения или о системах, которые никогда не видели свет и вряд ли когда-нибудь его увидят, защищаются с жаром, сравнимым разве что с горячностью споров о природе трансубстанции в эпоху раннего христианства.)

Из всех разделов экономической теории Лоренс предпочитал рассуждать о деньгах. После Уоррена, а также (и особенно) Прудона и Такера, он уважал лишь двоих современных монетарных теоретиков: Хьюго Билграма и Э. К. Ригеля. Единственными книгами, которые он когда-либо рекомендовал мне прочесть, были «Причина экономических кризисов» (*The Cause of Business Depressions*, Нью-Йорк: 1913, переиздание: Бомбей, Индия, 1950) Билграма и «Деньги свободного предпринимательства» (*Free Enterprise Money*, Нью-Йорк, 1944) Ригеля. С последним Лоренс был знаком лично и считал его лучшим после Билграма, однако при этом Лабади и Ригель вели насыщенную переписку о некоторых моментах в книге Э. К., которые вызывали у Лоренса вопросы.

Фактически вся история антигосударственной индивидуалистической мысли, начиная с Уоррена и Прудона и до настоящего момента, неразрывно связана с настойчивой необходимостью конкурировать с денежными системами и эволюцией рыночного контроля над деньгами, кредитом и процентными ставками. И всё же для большинства «либертариев» это лекарство оказалось слишком сильным: они упорно сохраняют приверженность золотому стандарту, хотя по существу это лишь немного видоизменённая версия государственного контроля денежной системы, осуществляемого по сговору между ушлыми государственными финансистами и крупными владельцами золота с привязкой валюты к цене на оное, закреплённой соглашением; эта формула контроля становится неуязвимой для свободной торговли в золоте, особенно в свете частых принудительных корректировок цен на этот драгоценный металл. Очевидно, что созданная таким образом система по своему действию не будет сильно отличаться от существующих систем фиатного капитала.

Мне довелось выслушать множество монологов Лоренса о теории денег, иногда даже по телефону,

и в результате я лишь укреплялся в мысли, которую обычно формулировал весьма просто: «Деньги — это то, на что я могу что-нибудь купить», после чего Лоренс упрекал меня в том, что я игнорировал функцию денег как «средства накопления» и сосредоточивался лишь на их функции как «средства обращения». При этом Лоренс признавал, что мой подход разделяет подавляющее большинство населения планеты.

Вероятно, Лоренсу мои взгляды казались слишком «штирнерианскими». Он так и не смирился с тем, что Такер оставил попытки экономического и финансового анализа работ Штирнера, и воспринимал эту ситуацию в основном так, будто для дальнейшего развития его взглядов достаточно было мнения и энтузиазма Такера в период с 1881 по 1901 годы. Аналогичное угасание моего интереса к экономической теории и теории денег в корне изменило наше общение, в то время как я постепенно переезжал ближе к Западному побережью, а Лоренс обосновался на Восточном. Были времена, когда из-за расстояния, разделявшего нас, мы подолгу не общались, и это молчание не прерывалось ни одной из сторон. В 1951, а затем ещё раз в 1956 году я провёл по несколько месяцев (с конца весны до начала осени) в девяти европейских странах. В пятьдесят первом Лоренс был очень занят приведением хозяйства Борсоди в Сафферне, относящегося ещё к старой «Школе жизни» 1930-х годов, в устраивающий его вид. После возвращения я написал ему, отметив, что наша переписка стала довольно нерегулярной. В поспешно отправленном недатированном письме он отвечал: «Да, мы уделяем друг другу примерно столько же внимания, сколько уделяют друг другу братья», а в конце попросил: «Расскажи мне что-нибудь о своей вылазке в Европку». С другой стороны, были случаи, когда в ходе нашего общения всплывали темы, вызывающие общий интерес, в результате чего переписка разгоралась с новой силой. Хотя лично мы больше не встречались, общение не прекратилось, будто наши пути не разошлись; теперь мы обсуждали более глобальные вопросы и общие обстоятельства, сопутствующие тому, что можно назвать «участью человека».

Так и должно было быть, поскольку я был убеждён, что утомительные пререкания по поводу экономической теории ни к чему не приведут, а идеи экономистов похожи на идеи евангелистов: они так же недоказуемы, и в них можно только верить (или не верить). Мой собственный опыт в качестве «бизнесмена» во второй половине 60-х годов дал мне понять, что цена представляет собой в основном психологическое явление и больше отражает столкновение воли покупателя с волей продавца, чем подчиняется факторам «спроса и предложения» или отражает производственные расходы; зачастую цены берутся с потолка в порядке эксперимента, а иногда искусственно *завышаются*, а не снижаются, если товар не продаётся. Аналогичным образом, такую субстанцию, как деньги, скорее следует осмысливать как психологический феномен, а не углубляться в теоретические построения. Объект, не обладающий никакой действительной стоимостью, выступает в качестве основы денежного обмена для большей части населения земного шара, включая США, просто потому, что подавляющее большинство людей, через чьи руки этот объект проходит, готовы мириться с фактом отсутствия в деньгах какого-либо «обеспеченного» содержания или качества и полностью этот факт осознают. Я до сих пор жду убедительного объяснения того, каким образом не имеющий ценности материал может служить средством обращения для сотен миллионов людей в течение многих веков и при этом оставаться практически не затронутым агрессивной критикой. (Объёмы книг и разговоров о разоблачении денежной системы парализуют своими невообразимыми масштабами, и, однако же, эта фантастическая индустрия, судя по всему, не способна содействовать каким бы то ни было изменениям; массы продолжают, не пикнув, обменивать товары и услуги на эти деньги, и всё происходящее приобретает душок второсортной комедии благодаря готовности обличителей «бесполезных бумажек» к приёму последних в значительных количествах в обмен на продаваемые ими вещицы, ассортимент которых простирается от редких материалов, например золота, до новостных рассылок, информирующих покупателей

о том, что деньги, которыми они пользуются, — это «плохо». Конечно, подобного рода анализ вызывает у знатоков лишь улыбку, но они, в свою очередь, по сей день пытаются объяснить нам, как работает экономика, подобно человеку, который пытается объяснить, как работает ружьё, по дыму, идущему из его ствола после выстрела.)

Что касается размышлений об «общей картине», здесь мы с Лоренсом лучше понимали друг друга, особенно в 60-е. Время от времени мы обсуждали тему, которой он касался в своих работах лишь косвенно и вскользь: полное отсутствие сведений о том, чтобы какое-либо государство решило проблемы безработицы и инфляции одновременно. История экономики не располагала такой информацией, да и мы сами не могли припомнить, чтобы правительство какой-нибудь страны взялось решать сразу две упомянутые проблемы и действительно решило их; за них всегда брались по отдельности, меняя их местами, когда средства устранения одной из них усугубляли другую, что требовало разворота фокуса внимания, — и так по кругу. В XX веке лишь чрезвычайные авторитарные режимы пытались бороться с двумя этими проблемами разом, хотя показной успех в действительности основывался на косметических решениях, что порождало *подавленную инфляцию* и *подавленную безработицу* при различных степенях всепроникающего вмешательства государства; **казалось, ситуацию способна спасти только война.**

Лоренс как никто другой понимал, что *частное* предпринимательство и *свободное* предпринимательство — это что угодно, но не синонимы; кроме него, этот вопрос затрагивал Такер, но в других терминах и в других обстоятельствах. Что же касается более недавнего прошлого, вот уже в течение шестидесяти лет армия профессиональных антикоммунистов рассматривает данную тему в терминах манихейского дуализма, где сыны света, то есть капиталисты, противопоставляются демонам тьмы, то есть коммунистам. Однако в конце 1960-х годов они с удивлением обнаружили, что Большая промышленность, Большие деньги, Большая

коммерция и Большая агрономия (под контролем первых трёх) прекрасно функционируют и при Большом коммунизме, а также что среди членов профсоюзов больше противников коммунизма, чем среди богатей и плутократов. Затем началось серьёзное расследование этого глобального сговора с привлечением внимания к Бильдербергской группе, Трёхсторонней комиссии и остальным международным интриганам. Лоренс в своём анализе добрался до самой сердцевины этого вопроса задолго до того, как об него споткнулись велеречивые глашатаи правого и левого интеллектуально-истеблишмента, начав разрабатывать собственные версии происходящего.

Была одна тема, к которой мы возвращались много раз и которая не имела ничего общего с текущими событиями, мировой политикой и национальными программами: это был сумбурный поток мыслей, изложенных в знаменитой книге «Сила есть право, или Выживание наиболее приспособленных» (*Might Is Right, or the Survival of the Fittest*), впервые увидевшей свет в 1898 году под псевдонимом «Рагнар Редбёрд», которого с тех пор никто так и не смог с уверенностью идентифицировать. Это несомненно самая провокационная работа из когда-либо опубликованных; впоследствии она переиздавалась в Англии в 1910 году и в США в 1927 и 1972 годах. За годы нашей дружбы Лоренс передал мне несколько экземпляров «Силы», один из которых — в твёрдом переплёте — содержал его пометки на полях, составленные по следам наших дискуссий: все они были написаны его мелким чётким почерком и почти все — красными чернилами. Мы начали обсуждение этой работы и содержащихся в ней тезисов в конце 40-х годов и впоследствии несколько раз к ним возвращались.

Одной из тем, о которой мы не уставали размышлять, была полнейшая поглощённость «Редбёрда» физической силой как неотъемлемым средством решения всех важных вопросов, включая выживание. Однако ни Лоренсу, ни мне не казалось, что этот подход безоговорочно верен с исторической точки зрения: ведь в разное время появлялось множество народов, которым удавалось выживать — а некоторым

и подолгу, — основываясь на совершенно иной системе ценностей. В своих стратегиях они воздерживались от применения оружия и мускулов, вместо этого полагаясь на хитрость, коварство, ложь, клеветничество, махинации, предательство, подтасовку фактов, обман, неискренность и восторженную лесть — всё это было характерно для многочисленных каст прихлебателей и прочих паразитов, а также связанных с ними лакеев любой тирании, долгоиграющей или краткосрочной, и всё это мы наблюдаем в течение тысячелетий. Как бы то ни было, мы оба пришли к выводу, что «Редбёрд» определённо отрицал большую часть логической аргументации, очевидно, укоренившейся в традиционном обществе.

Хотя темы, представляющие обоюдный интерес, для обсуждения которых не приходилось бы прибегать к историческим материалам, появлялись довольно редко, Лоренс без особого энтузиазма относился к моей вовлечённости в преподавание истории. Я был согласен с ним в том, что историческая память по большей части основана на биографиях всякого вора. Когда мы были в настроении поразмышлять о жизни в масштабах вселенной, я заключал, что огромнейшая часть истории нашего вида отражала слишком большую степень заинтересованности в поступках бесконечной когорты лжецов, воров и убийц, триумфально правивших этим миром на протяжении многих веков. В своём неизменно мрачном и неуклонно ухудшавшемся отношении к внутренним и иностранным делам Лоренс считал моё желание участвовать в мирских делах — хотя бы и в столь ограниченной форме и исключительно для развлечения от просмотра этого шоу уродов — чем-то сродни поведению весёлого деревенского дурачка, старательно ухаживающего за своим огородиком, который он разбил на склоне действующего вулкана.

Начиная с 50-х годов, в течение следующих десяти лет содержание текстов Лоренса Лабади изменилось практически до неузнаваемости. Он взялся за более широкие темы и гораздо более глобальные вопросы, чем проблемы микроэкономики, занимавшие его на протяжении стольких лет в начале его

интеллектуального пути. Основной причиной этого резкого изменения направленности его работы было его участие (сразу после войны) в делах *децентралистского* движения, воодушевлённого Ральфом Борсоди и в особенности его главной помощницей — Милдред Йенсен Лумис, инициативной и красноречивой активисткой, чья невероятная энергия в продвижении его идей и программ стала важнейшим фактором распространения интереса к его образу жизни в течение двадцати пяти лет после окончания Второй мировой войны.

Знаменитая книга Борсоди «Эта уродливая цивилизация» (*This Ugly Civilization*, 1929) прогремела подобно взрыву посреди растущего кошмара урбанистической индустриализации задолго до появления на свет будущих модных и современных защитников окружающей среды и экологов. Его уход от цивилизации и эксперименты с рациональным и логичным ведением хозяйства на основе научного подхода в качестве альтернативного образа жизни описаны в другой книге, «Побег из города» (*Flight From the City*, 1933), которая также опередила своё время и вдохновила множество людей на шаги в этом направлении, хоть и запоздалые.

С 1946 года Борсоди и Лумис начинают формировать авангард своего «движения»: их идеи, работы и достижения освещаются в нескольких журналах — таких как «The Interpreter», «Balanced Living» и позже «A Way Out». Миссис Лумис признавала историческую преемственность идей, восходящих к работам Уоррена, Спунера и Такера, с которыми её познакомил именно Лоренс и которые её современники повторно открывали для себя, иногда даже на практике в рутине повседневной жизни. Эти идеи стали своего рода идеологической основой для движения сторонников самообеспечения и вошли в уже значительный к тому времени корпус доктрин, разработанных Борсоди и другими. В результате некоторые выпуски периодики «Школы жизни» представляли собой незаурядные образцы публицистики, и это в те времена — тридцать лет назад, — когда казалось, что Америке не светит ничего, кроме государства всеобщего благосостояния и военного противостояния.

Примерно в то же время, когда Лоренс контактировал с децентралистами из «Школы жизни», в чём-то схожее, но тем не менее независимое влияние на него оказал психолог Теодор Шрёдер. Лоренс провёл много времени в его доме в Коннектикуте и много писал мне о том, что они обсуждали. Я понял, что Лоренс всё больше увлекается некоторыми теориями Шрёдера, отзвуки которых прослеживаются в его эссе, написанных после 1950 года.

Разумеется, длительная связь Лоренса Лабоди со «Школой жизни» — это отдельная тема, о которой можно говорить гораздо дольше, чем позволяет данный формат. Я упоминаю здесь его отношения с децентралистами, поскольку они оказали большое влияние на его последующие работы, а также в первую очередь потому, что в этот период Лоренс написал многие из лучших своих очерков. Покупка Лоренсом поместья в Сафферне, положившего начало «Школе жизни» Борсоди, и его переезд туда в 1950 году, кажется, имеет некое символическое значение, хотя Лоренс никогда не пытался жить там так, как пятнадцать-двадцать лет назад жила семья Борсоди. (После чего Борсоди уехал в Индию и надолго обосновался там, распространяя свою версию децентрализованного проживания.) Однако периодические издания под редакцией миссис Лумис были главным открытием, которое Лоренс сделал для более широкого круга читателей, чем его товарищи по переписке (включая вашего покорного слугу); в них были напечатаны его письма и несколько коротких работ.

В середине 1960-х годов в прозе Лоренса начинает доминировать тёмный пессимизм и уныние, и его работы становятся столь зловещими, что внушают ужас даже редакторам почти всех радикальных журналов, и они отказываются их печатать. Как ни странно, одним из наиболее стойких его сторонников был редактор журнала «Indian Libertarian», выходившего в Бомбее, Арья Бхаван, напечатавший несколько текстов Лоренса, которые, по понятным причинам, в Америке остались практически незамеченными. Дважды — в 1966 и 1967 годах — попытку издать несколько эссе

Лабади в специальных выпусках журнала «A Way Out» предпринял молодой Герберт Роузен, присоединившийся к этой школе одним из последних и по достоинству оценивший литературный стиль Лоренса.

Вообще говоря, мы с Лоренсом обсуждали возможность составления сборника текстов, которые, по его мнению, были написаны наиболее умело, вскоре после того, как издательство Libertarian Book Club опубликовало моё издание «Анархизма» (*Anarchism*) Пола Эльцбахе-ра в 1960 году. Но тогда, да и позднее, он отреагировал на это предложение настолько холодно, что в итоге я бросил этот проект и начал работать над другими, среди которых было первое почти за шестьдесят лет переиздание книги «Единственный и его собственность» Макса Штирнера, первое за сто лет переиздание сборника эссе Спунера «Это не измена» (*No Treason*), а также первое за четыреста лет комбинированное франко-английское издание «Рассуждений о добровольном рабстве» (*Discours de la Servitude volontaire*) Этьена де ла Бозси.

Также в эту серию вошло переиздание «Рабов долга» Джона Бэдкока — первое лет за тридцать, для чего я воспользовался версией 1938 года, напечатанной на знаменитом подвальном прессе Лоренса самизда-товским способом, (с незначительными исправлениями и комментариями) и посвятил эту книгу Лабади. Вскоре после этого, 15 марта 1973 года, я ещё раз предложил ему выпустить избранные эссе в рамках этой серии. Несколько недель мы обсуждали это по телефону и в переписке, и вот в начале ноября того же года я полетел в Сафферн, чтобы, так сказать, наспех обсудить последние детали. Это была наша последняя встреча, хотя после моего возвращения в Колорадо мы ещё несколько раз созванивались.

Обычно выпуски подобных сборников сопровождаются хвалебной рецензией, содержащей тщательное и дотошное исследование вселенского смысла данного текста, а также глубинный анализ личности автора практически со всех сторон и попытку рассказать читателю обо всех его мыслительных процессах, а в особенности — о его тайных идеологических пристрастиях, и всё это настолько подробно, как

будто каждое предложение необходимо скормли-вать читателю с ложки, чтобы, предоставленный самому себе, он после прочтения не дай бог не остался в недоумении относительно того, что он только что прочитал. Но в нашем сборнике статей нет ничего настолько претенциозного, что потребовало бы такой пространной речи. Я твёрдо убеждён, что Лоренс Лабади, большую часть своей жизни бывший рабочим-самоучкой, писал достаточно прямо, чтобы его понял любой человек с остатками здравого смысла и, возможно, достаточным словарным запасом, а также готовностью в случае чего перечитать особо непонятные места. Лоренс не раз отмечал, что навык написания текстов дался ему с большим трудом (обычно при этом он одновременно критиковал и нахваливал мою, по его словам, «непринуждённую способность» выражать свои мысли на бумаге); все, кто находит его тексты малопонятными, остаются перед ним в долгу — хотя бы из-за того, сколь сложный и долгий путь ему пришлось пройти. Ну а что касается трусливых лицемеров, которые давным-давно сделали своим девизом наблюдение Вольтера о том, что язык является инструментом сокрытия мысли, то и они могут найти для себя что-нибудь полезное в трудах самоучки, который так и не научился писать намеренно размыто.

Мы живём во времена такого сложносочинённого, масштабного и изощрённого лицемерия, что немногие, кажется, способны в принципе осознать его природу, не говоря уже о том, чтобы иметь или обрести интеллектуальную остроту, необходимую для того, чтобы прорваться хотя бы через поверхностные наслоения всего этого мракобесия. Самые громкие из властителей наших дум ведут постоянную психологическую войну, всё более оглушительно пропагандируя «баланс», «умеренность», «интеллектуальную и академическую свободу», «приоритет познания» и многие другие гражданские добродетели, как, например, «право выслушать аргументы обеих сторон» и тому подобное (в мире вообще-то довольно мало тем, которые можно рассматривать только с двух сторон, но сковывающие нас всех условности начинаются именно с этого ущербного утверждения).

Таким образом, во имя борьбы со всем этим, принимая во внимание ускользающе малую степень веры в искренность этих и сопутствующих им довольно избитых словесных упражнений, очерки Лоренса Лабади публикуются в качестве вклада в общее просвещение идеологического сообщества и отражают выстраданные размышления отшельника-самоучки о мире и его вечных вопросах в противовес куче отшлифованных экивоков и умно сформулированных ложных аргументов, — куче, которая непрестанно растёт благодаря толпам, бесконечно изрыгаемым системой формального образования и сектором по производству идей, заручившимся официальным благословением и наделённым официальными же полномочиями. В подобных обстоятельствах тем из нас, кто ещё остаётся на плаву, предлагается использовать этот сборник в качестве точки опоры в борьбе с явлением, которое Прудон назвал «социальной проблемой».

— Джеймс Мартин

ЧАСТЬ 1 ПЕРИОД ДЕПРЕССИИ

*С точки зрения целостности понимания, мышление должно быть ясным, чётким и конкретным. Однако как разновидность социальной философии анархизм страдает от того недостатка, что он не является позитивной теорией о деятельности людей. Скорее его можно назвать негативной философией в том смысле, что он пытается определить критерии максимально неприемлемого вторжения в личную свободу каждого и предотвратить подобное поведение. Вдобавок, в анархизме уделяется внимание наибольшему разнообразию форм индивидуального и социального поведения. А кроме того, он пластичен и не чужд изменениям и развитию; речь идёт о философии движения в отличие от установившегося состояния, о концепции динамичного и «открытого» общества в противоположность некой статичной системе социальных отношений — иными словами, это **путь**, а не **точка назначения**.*

*В отличие от разных форм социализма или **любого** другого предустановленного социального порядка, анархизм не стремится озвучить чёткие директивы и указывать, кому и что полагается делать. И если он рассматривает общество как организм, то как **организм** особой природы — скорее **смутной**, чем **явной**, — изменчивый, живой, растущий, развивающийся, и поэтому с точки зрения директив самое большее, на что может рассчитывать анархизм, это на то, чтобы предельно широко охватить возможные формы индивидуального поведения.*

*Таким образом, анархию невозможно помыслить как некую **систему** в обычном смысле этого слова, и, наверное, её отличает как раз то, что она отрицает возможность или правомерность подстройки людей под системы. Можно сказать, что хотя анархический социум будет образован из сообществ, он **вовсе не станет** и сам сообществом или организацией.*

— Лоренс Лабади, 1939 г.

В 1930-х годах Лоренс Лабади писал наиболее продуктивно, и большую часть своих статей он опубликовал в легендарном журнале Маркуса Грэма «Man!». Маркус Грэм (1893–1985) был румынским иммигрантом, ставшим активным участником анархистского движения в годы Первой мировой войны. Он публиковался в нескольких крупных анархистских издательствах (включая «Free Society», редактором которого был Ипполит Гавел), а после, в январе 1933 года, стал редактором «Man!» (несмотря на травлю со стороны государства,

этот журнал продолжал издаваться вплоть до 1940 года, когда правительство США всё-таки смогло его задушить). Хотя Грэм отстаивал идеи анархо-коммунизма (и был сторонником деятельной пропаганды, допускавшей и политические убийства), он был человеком достаточно широких взглядов, так что в «Man!» регулярно выходили материалы, отражавшие точку зрения анархо-индивидуалистов, включая таких авторов, как Эмиль Арман и Лабади (что касается Лабади, то ему удалось даже уговорить Грэма переиздать очерки раннего американского анархиста Джосайи Уоррена). В годы расцвета американского анархизма Грэм какое-то время проживал в Стэлтонской колонии, где, по словам Сэма Долгоффа, «он ходил исключительно босиком, ел сырую пищу, по большей части состоявшую из орешков с изюмом, и отказывался пользоваться трактором, поскольку механические средства не признавал; а кроме того он не хотел проявлять насилие к лошадям, так что пахал землю собственноручно». («Anarchist Voices», стр. 423). Утверждалось, что он был фрукторианцем, однако, будучи ярым приверженцем антиполитического насилия, на протяжении всей своей радикальной карьеры он подвергался безжалостному преследованию со стороны властей; впрочем, попытки его депортации так и не увенчались успехом, так как правительству не удалось с точностью установить страну его происхождения (после ареста Грэма правительство США стало угрожать ему депортацией, но ему удалось нарушить их планы: в ходе напряжённых и интенсивных поисков он обнаружил небольшой американский городишко, сгоревший дотла вместе со всеми архивными записями, и заявил, что там-то он и появился на свет). В качестве последней и отчаянной попытки от него избавиться правительство США фактически предложило Грэму финансовое и политическое содействие, лишь бы он согласился перебраться в любую страну по своему выбору... а если потребуется — то даже и нелегально!

Несмотря на то, что в какой-то момент «Man!» прекратил своё существование благодаря преследованию, которому подвергались его издатели со стороны сил правопорядка, Грэм оставался писателем-революционером

всю свою жизнь и публиковался в таких журналах, как «L'Adunata dei Refrattari», «Resistance», «The Match!», «Black Flag» и «Anarchy» (а кроме того составил весьма ценную «Антологию революционной поэзии» (*An Anthology of Revolutionary Poetry*)), вплоть до своей смерти в Калифорнии в 1985 году.

Будучи фигурой противоречивой и скандальной (Эмма Гольдман однажды назвала его «шустрой отравой») и отличаясь крайне вспыльчивым характером, Грэм пользовался поддержкой преимущественно со стороны итальянских анархистов-галлеанистов, которых его воинственный задор приводил в восхищение. Подобно Грэму, Лабади слыл весьма неоднозначной персоной и снискал скандальную славу благодаря тому восторгу, с каким он забивал священных коров, так что в этом смысле их «альянс» был вполне закономерен. Вот как отзывался о своём друге Джеймс Мартин после его кончины:

*Ничто не доставляло Лоренсу столько радости, как хорошая перепалка, а если поводов для этого не находилось, он всегда был готов приложить к этому руку с присущим ему озорством, хотя и без всякого злого умысла. Лоренс упивался своим амплу брюзги и время от времени отпускал туманные намёки в том духе, что ему необходимо «играть свою роль». Любопытно, что хотя бы бегло ознакомился с содержанием его переписки, согласится со мной в том, что Лоренсу явно нравилось выступать **агентом-provocatorem**, разжигающим жаростные споры.*

Вдобавок ко всему, в 1930-е годы в наследство Лоренсу достался мимеограф, прежними владельцами которого были Джон Скотт и Джо Энн Бёрбэнк, — оба они работали учителями в Стэлтонской и Мохеганской современных школах (с помощью этого мимеографа Скотт и Бёрбэнк печатали свой журнал «Мать-земля: листок о либертарном фермерстве, посвящённый воплощению в жизнь анархических идей Генри Торо» (*Mother Earth: A Libertarian Farm Paper Devoted to The Life of Thoreauvian Anarchy*), издававшийся с 1933 по 1934 годы). Починив этот аппарат, Лабади стал печатать на нём свою сдержанную, но весьма полемическую газету «Discussion:

А Journal For Free Spirits» (на её полосах нашлось место для множества радикальных авторов, некоторые из которых принадлежали ещё к первоначальному кружку Такера, включая и Стивена Т.Баингтона, искавшего площадку, где он мог бы высказывать свои маргинальные взгляды; формат журнала, в котором поощрялись активные дискуссии и дебаты, разворачивавшиеся в переписке, способствовал созданию атмосферы «братской близости» между редактором и аудиторией — в результате возникло своеобразное братство читателей, исключённых из сложившегося политического диалога между представителями правящей элиты). Этому мимеографу суждено было сыграть ключевую роль в судьбе тех трудов, которым Лабади посвятил свою жизнь: с его помощью он издал целый ряд мало-тиражных самиздатовских публикаций всевозможной анархистской классики, исполненных по всем канонам высокого типографского искусства и отобранных на основе его предпочтений. Что касается типографской эстетики, каждое из этих изданий представляет собой шедевр, в котором просматривается дотошное внимание к мелочам, выраженное, в том числе, в богатом графическом оформлении и обилии авторских гравюр, сработанных вручную на деревянных пластинах; среди изданных Лабади памфлетов был бессмертный очерк Джона Бэдкока «Рабы долга», а также статьи других всеми забытых анархистов из американского прошлого, включая Вольтарину Де Клер, Джеймса Л. Уолкера, Джона Беверли Робинсона, Генри Эпплтона и его собственного отца, Джозефа Лабади. Помимо этого он воскресил из мёртвых и кое-что из забытого наследия, включая «Отношение анархизма к промышленным альянсам» — тезисы Такера по поводу проблемы трестов из его чикагского выступления перед участниками Национальной гражданской федерации (National Civic Federation) аж в 1899 году! Эта ода смертной тоске призвана доказать, что экономика и впрямь является «мрачной наукой», однако Лабади переиздал её в качестве прелюдии к публикации своей многолетней переписки с уже пожилым Бенджамином Такером. Вот что по этому поводу сообщает Карлотта Андерсон в своей книге:

Лоренс, которому тогда было тридцать пять лет, отправил стопку своих буклетов в Монако тогда уже семидесятидевятилетнему Такеру в качестве приглашения для знакомства. Тот указал на кое-какие опечатки, но в целом, судя по всему, прочитанным остался доволен. На протяжении последующих пяти лет Лоренс отправил Такеру несколько хвалебных писем, описывая себя как человека, заинтересованного в популяризации анархизма, «хотя и не энтузиаста», — впрочем, указывая, что величайшим философом из всех, о которых ему доводилось слышать, он считает Прудона. Он пришёл к выводу, что индивидуалистская ветвь анархизма «фактически мертва». Такер согласился и в подтверждение этому подарил Лоренсу фотокарточку с посвящением «единственному из молодых людей, который, на моей памяти, будучи отпрыском прославленного Анархиста, считал бы наивысшим своим призванием продолжать эту битву, невзирая на то, что дело это может оказаться безнадёжным».

Лоренс признался Такеру, что, в отличие от своего отца, он был типом «асоциальным», эгоцентричным, раздражительным и склонным к затворничеству, и в его письмах мы находим такие слова: «лет пятнадцать назад меня охватил беспросветный пессимизм — это случилось после того, как я погрузился в чтение Шопенгауэра». И в то же время он не вполне признавался Такеру в том, насколько глубоко он разделял идеи индивидуализма. Остаток своей жизни Лоренс посвятил их развитию. В 1933 году — в тот же год, когда завязалась его переписка с Такером — он опубликовал эссе «Анархизм в приложении к экономике» (Anarchism Applied to Economics), ставшее первым из нескольких сотен очерков, написанных им в течение последующих тридцати с лишним лет. Поначалу он сосредоточил свою критику на тех проявлениях зла, причиной которых, по его мнению, служила монополизация денег и банковских услуг, а в дальнейшем переключился на освещение анархистского подхода к решению таких проблем, как образование, расизм и религия, равно как и проблем, свойственных исключительно двадцатому столетию,

включая Вьетнамский конфликт и угрозу ядерной войны. Многие из этих — зачастую блистательных — разборов в конечном счёте были опубликованы на страницах малоизвестных радикальных изданий.

Немалая часть из того, что было написано Лабади в этот период, посвящалась разбору того, что он называл проявлениями альтруизма и патернализма (считая их идеологическими завесами для сокрытия гнусных фактов), и беспощадной критике апатичного стада пролетариев, крепко подсевших на подачки из волшебного фонтана экономики, которой заправляло государство. Надо полагать, что, являясь последним факелоносцем традиции, практически забытой в 1930-х и 1940-х годах, с точки зрения его философской позиции Лабади был одиноким человеком. В отличие от своих современников, Лабади не был готов идти на компромиссы, оправдываться или делать скидку на обстоятельства и никогда не поступался принципами индивидуализма. По его мнению, коммунизм и *анархо*-коммунизм были наваждением и капканом, поскольку в них не придаётся никакого значения той неразрывной связи, которая существует между усилием и вознаграждением, и игнорируется всё, что известно о человеческой природе, через отрицание того факта, что наивысшей жизненной потребностью является личный интерес. Начиная ещё с 1930-х годов, в своих статьях он раз за разом спрашивал, каким чудесным образом личный интерес превращается в самопожертвование, если речь идёт о животном под названием человек? Каким образом можно было бы от оперирующего в настоящем личного интереса совершить скачок к достижению коммунистического «идеала» в будущем? При этом речь вовсе не о том, что Лабади якобы считал, что анархия достижима без взаимопомощи, а о том, что, по его мнению, было бы довольно сомнительным предприятием конструировать целую философию на основе одной лишь сентиментальности и солидарности — и по этой причине он горько сокрушался насчёт того, что термин «анархизм» был узурпирован и опошлен с лёгкой руки коммунистов и синдикалистских прохиндеев, которые в то время фактически «командовали парадом».

Эгоизм. Сдаётся мне, всем людям свойствен эгоизм. Однако я вкладываю в этот термин иной смысл, чем вы. Быть эгоистом означает стремиться к удовлетворению своих собственных желаний. То, что принято называть альтруизмом, как правило, представляет собой тот же эгоизм, хотя и другого уровня, то есть ориентированный на достижение более долгосрочных целей. Альтруистом является тот, кто считает, что он отстаивает интересы кого-то другого: то есть альтруист — это либо лицемер, либо болван. Практически каждая форма тирании обосновывалась тем, что она призвана служить альтруистическим целям. Каждый деспот является альтруистом. Все политики — альтруисты. А если наш мир населён одними альтруистами, то чем он отличается от мира, населённого теми, кто суёт свой нос не в свои дела? Прошу, избавьте нас от альтруистов, ибо я не собираюсь преклонять колени перед всякими призраками!

— Лоренс Лабади, 1937 г.

Выражаясь предельно кратко, Лабади смог чётко обозначить полоумную тенденцию, по-прежнему слишком распространённую среди мнимых противников авторитаризма, склонных судить о «революционности» некоего политического курса, исходя из его деклараций, нежели из его результатов (попутно останавливаясь на каждом нюансе двуличной пропаганды и того сумбура, что царит в этом мире). Даже сами по себе филантропические или «гуманитарные» устремления, предупреждает он, зачастую обретают куда более губительную форму, превращаясь в неприкрытую борьбу за власть или в проявления *ресентимента* — равно как и в тоталитарный импульс к получению удовлетворения, обнаруживаемый в действиях спасителей, выступающих от имени беспомощных масс (неизбежная эмбриональная модель тотального государства). От внимания Лабади не ускользнул тот факт, что, начиная с Эпохи террора во Франции и заканчивая коммунистическим Гулагом, едва ли можно найти пример того, чтобы мотивом для очередных зверств не послужили самые высокие идеалы,

благородные фантазии и филантропические абстракции, и в этом смысле его поистине выдающийся вклад заключается в том, что он смог выставить на всеобщее обозрение ту ахинею, которая прячется под маской коллективистской идеологии и практики. Учитывая атмосферу того десятилетия, Лабади проявил немалую дерзость, которая особенно сквозит в его отношении к нечистоплотным и крикливым апологетам коммунистического режима в России, без умолку воспевающим его успехи (тотальное истребление всех, кто противостоял коммунистическому режиму, включая и *анархистов*, осуществлялось намеренно и планомерно, и эта державническая мясорубка воспевалась радикальными американскими обожателями как эдакая форма «социальной инженерии»). Лабади удалось не предвзято проанализировать жажду власти самозванных гуманитариев, провозгласивших «коллективное благо» в качестве символа веры, однако его работа скорее всего будет сочтена реакционной и не принята во внимание теми постмарксистами и антигосударственными проходимцами от коммунистов, которые, подобно паразитам, экспроприировали современный анархический дискурс (со всеми их бесконечными песнями по поводу «обобществления» и прочими лежалыми теориями, включая откровенно полоумный лепет касательно невидимых «грядущих восстаний», не имеющий под собой абсолютно никаких оснований, кроме слепой надежды на то, что такова реальность вещей). Подобная разновидность второсортных «умозрительных концепций» уже продемонстрировала свою полную несостоятельность в контексте анархизма, и от неё следовало бы избавиться подобно тому, как змея сбрасывает с себя прошлогоднюю чешую. Настал черёд и читателю этих строк ощутить на себе полный эффект едкой антиколлективистской прозы Лабади, написанной в годы Великой депрессии, чтобы наконец-то начать этот весьма запоздалый обряд экзорцизма.

— Хорд

ОТЕЦ ФАШИЗМА

Вкратце фашизм можно охарактеризовать как неохотную уступчивость капиталистов перед лицом правительственной регламентации по причине всё возрастающей неспособности удовлетворить потребности страны, основываясь на принципе одностороннего накопления благ. Этому сопутствует непреклонная решимость подавлять силой любые выражения недовольства среди населения. Фашизм разрастается более или менее революционным путём, в зависимости от того, насколько демократическим является режим в конкретной стране, и от активности революционного рабочего движения. Если говорить об Америке, поголовное членство в Национальной стрелковой ассоциации может служить главным свидетельством набирающей обороты «фашизации» — тенденции, в значительной мере ускользающей от взгляда как по причине укоренившегося здесь культа личной свободы, так и в силу отсутствия жизнеспособного революционного рабочего движения. В данной статье мы рассмотрим ещё один важный фактор, оказывающий заметное влияние на текущее экономическое положение.

С тех самых пор как зародилась дисциплина «научного социализма», на любые попытки улучшить положение рода людского последователи Карла Маркса навешивали ярлык «утопизма». Никто даже не отваживался на то, чтобы поставить под сомнение столь значимый — с точки зрения социологии — вклад в практику радикальных движений, который принадлежит этому великому мыслителю. Однако было бы весьма недальновидно пытаться замести под ковёр неудобные факты или закрывать глаза на множество допущенных им ошибок и ложных интерпретаций. Давайте не будем

возвеличивать его до уровня божества. Кажется странным, что его сторонники, так яростно опровергающие теорию о «роли личности в истории», в то же самое время возносят его на столь высокий пьедестал. Не будь Маркс знаком с работами Прудона, ему можно было бы простить его невежество в вопросах экономики — невежество, в силу которого он предложил коммунизм в качестве решения экономических проблем — лишь на том основании, что экономическая наука того времени находилась, образно говоря, на столь же плачевном уровне. Если послушать его последователей, выйдет, что Маркс был Пророком, «уму которого подвластно всё на свете». Невежество и чванство этих комедиантов от социологии не заслуживает ничего, кроме насмешек и осуждения. Своим болезненным неприятием всякой критики доктрины истинного откровения лишь демонстрируют, что их позиция может считаться какой угодно, только не научной. А то, что они со всей охотой и без всяких на то оснований готовы списывать на злонамеренность или скудоумие не только своих оппонентов, но и своих же сторонников, дерзнувших предложить альтернативную интерпретацию их библии, «Das Kapital», говорит о таком уровне нетерпимости и фанатизма, превзойти который было бы по силам лишь самым отъявленным из религиозных мракобесов. Да и самому Марксу двуличие было отнюдь не чуждо. Чего стоит тот оголтелый оппортунизм, с которым он принялся строчить поклёпы и плести интриги, чтобы подмять под себя Первый интернационал. Своими нападками на собратьев-революционеров — куда более чистосердечного Бакунина и гораздо более сведущего в экономике Прудона — он продемонстрировал эгоистическое убожество своей натуры. Его последователям присущи все те же качества, и они переняли такую же тактику.

Осуждать — значит совать палки в колёса, и марксисты всегда смотрели свысока на любые революционные и реформистские группы. «Хороший ли это марксизм?» Таков единственный критерий в методичке истинно верующих. Если ответ отрицательный, к чёрту его, а вместе с ним и ту сволочь, что его проповедует.

Марксистская концепция исторического материализма, с его нотками фатализма, стремится утешать и вводить в ступор тех, кто подпал под влияние марксистов. Именно вымученные трюизмы Маркса придают вес всем его работам. Однако этот акцент на экономическом детерминизме привёл к параличу мысли и воли. Похоже, с тех пор как он покинул сей мир, его последователям было больше нечего предложить. Они трепетно и с нетерпением ждут «революции». При этом удачный момент может подвернуться только во время экономических кризисов. От нас требуется залечь на дно и терпеливо ждать, когда всё покатится к чёртовой матери, и даже думать о том, чтобы приблизить этот момент, непозволительно, если, конечно, мы не хотим показаться утопистами. Такое трагикомичное отношение сохранялось в течение как минимум пятидесяти лет, на протяжении которых каждый цикл депрессии сопровождался радостными воплями, словно он был провозвестником «революции». Хотя те, кто понимает логику капитализма, не видят парадокса в том, что депрессии являются мощным фактором, играющим ему на руку. Но даже верховные жрецы ревизионизма пренебрегают всем тем, что они презрительно именуют «попытками улучшить капитализм»; ничто не в силах спасти человеческий род, за исключением, разве что, противоестественного и тиранического режима под названием коммунизм.

Теория и практика классовой борьбы — в той трактовке, которую предлагают марксисты, — заключается в том, чтобы стравить между собой те слои общества, которые в противном случае могли бы объединить усилия для достижения желаемых целей. Идёт ли речь о «мелких буржуа», малых предпринимателях или фермерах — до тех пор, пока они не окажутся в абсолютной нищете, от них не будет никакого толку, а когда настанет благоприятный момент, всех их можно будет прижать к ногтю. Любой, кто ещё не пролетаризировался, кто ещё не взрастил в себе «классовое сознание», является врагом пролетариата, а следовательно, врагом прогресса и всего человеческого рода. Реальные последствия такого фанатизма вполне очевидны. Ничто

не сравнится с тем удовольствием, какое доставляют речи бессильных тиранов, облачённых в плащи революционеров и рассуждающих о том, что они будут делать — или, точнее, что будет делать за них историческая необходимость — во имя социальной революции.

Марксисты традиционно презируют свободу. «Свобода — концепция буржуазная», — заявлял Ленин, апостол Пётр марксизма. А заклеить что-то как «буржуазное» означает перевести это в разряд вещей, достойных презрения. Они утверждают, что реализуют идеалы анархизма, и в то же время объявляют, что анархия царит уже сейчас, называя анархистов утопистами и обличая анархизм как недостижимую мечту. «Ну и что же такое Свобода?» — с кривой ухмылкой спрашивают они. Достаточно очевидно, что такое отношение провоцирует антилибертарную реакцию. Какие могут оставаться вопросы касательно мировоззрения этих зачаточных деспотов.

Сегодняшний марксизм — со всей его поверхностной экономической теорией, с его фатализмом, метафизической социологией, игрой на чувствах людей невежественных и отчаявшихся, прославлением ненависти и насилия — настолько оторван от реальности, что превратился в религию, причём в той фазе, в которую неизбежно вырождаются они все, — когда допускается спорить лишь по поводу отдельных положений доктрины. Сегодняшний марксизм — это искусство схоластики вокруг того, «что же на самом деле хотел сказать Маркс». А все, кто не готов соглашаться с этими косными и сомнительными истинами, объявляются реакционерами, а то и попросту контрой. И хотя было бы несправедливо приписывать Марксу авторство всего того дебилизма, в который с головой погрузились его так называемые последователи, не стоит забывать о догматизме, свойственном лично ему, а все его инфантильные ошибки должны получить должную оценку, поскольку они определённо сыграли немалую роль. Считается, что монополия на прогресс принадлежит пролетариям. И если в произведении искусства не обыгрывается сюжет «классовой борьбы», а в романе не содержится указаний на то, что его автор

должным образом понимает смысл таких категорий, как «прибавочная стоимость» или «диалектический материализм», то всё это не имеет никакого отношения к искусству.

Путаная и метафизическая критика, постановка ненужных задач и оппортунистический подход к их решению — с лёгкой руки Маркса был поставлен крест на всех обнадёживающих попытках достичь осмысленных экономических целей. Его одержимость тотальным государственным контролем предуготовила то, что во имя социализма политические системы возложили на себя ещё более широкие функции и полномочия. Ибо кто усомнится в том, что всякое правительство должно в первую очередь заботиться о благополучии народа, как и в том, что чем больше функций оно на себя берёт, тем более «революционной» является его роль? Разве не очевидно, что социалистические партии всегда самым активным образом продвигали эту повестку? Единственное, что, с точки зрения ортодоксии, на это можно было бы возразить, это что на практике всё идёт не так гладко. Эволюция невозможна; прогресс гарантирует лишь «революция». Сам-то Маркс был достаточно проницательным, чтобы осознавать, что его скороспелая концепция мироздания имеет шансы на то, чтобы воплотиться в жизнь, лишь в результате кровопролитной революции. Тупость и жестокость капитализма предлагается заменить тупостью и жестокостью коммунизма. Насилие порождает насилие. И, как и в случае с коммунистами, на словах отвергающими насилие, которое якобы является лишь необходимой мерой для борьбы с насилием капиталистическим, та же риторика исходит и от фашистов.

Кровожадность фашистов, по большому счёту, объясняется необходимостью сдерживать распространение коммунизма. И разве не очевидно, что своей деятельностью социалисты и коммунисты — эта Великая марксистская реакция, использующая любую возможность, чтобы искоренить экономическое неравенство, — как раз и способствовали возникновению такой ситуации, при которой выбор ограничивался лишь двумя этими альтернативами? С точки зрения марксистов,

революция — это когда меняются не умонастроения, а «условия». Коммунистическая номенклатура России смогла изменить и те, и другие. Когда фанатично настроенная группа воспользовалась обстановкой воцарившегося в России революционного хаоса, захватив в свои руки власть после революции, которую «марксистский анализ» не был в состоянии даже предвидеть, разве они не взяли на вооружение методы инквизиции, чтобы изменить первоначальную революционную повестку, выраженную в таких лозунгах, как «землю — крестьянам» и «вся власть — Советам»? Варварское насаждение марксистской идеологии — это, конечно, подлинный образец «научности». Создаётся впечатление, что убедительность марксизма, успешно отучившего прогрессивные слои общества думать своей головой и проводить в жизнь осмысленные реформы, наряду с запоздалыми попытками воплотить эту «науку» на практике в тех странах, где не очень-то наблюдалось то чудесное сочетание условий, которое могло бы гарантировать успех в этом деле, не может привести ни к чему, кроме как пробудить ответное насилие в лице фашизма.

Нетрудно поверить, что, если бы марксистский социализм не завладел умами, «социальная проблема» в наши дни была бы уже в значительной степени решена. В той же мере, в какой капиталисты способствуют укреплению репутации коммунизма как жизнеспособной системы, коммунисты являются успешными пособниками фашизма, который они на словах клеймят своим заклятым врагом. И если кто-то достоин того, чтобы носить гордый титул «Отца фашизма», не нужно никаких метафизических ухищрений, чтобы понять, что достоин его лишь один из великих, хотя и заблудших гениев — Карл Маркс.

Откуда берётся фашизм?

С тех самых пор как Карл Маркс изобрёл «научный социализм», эксперты в области социологии рассказывали изумлённой публике на еженедельных «радикальных» собраниях, что мир катится в бездну, а улицы со дня

на день заполнят толпы оборванцев, и тогда они, наконец, созреют, чтобы присоединиться к авангарду избранных, которым предстоит пришлѣпнуть множество пакостных капиталистов и установить диктатуру пролетариата, чтобы всё исправить и в нужное время сойти со сцены, превратив некогда охваченный невежеством и страданием мир в цветущий райский сад. Всё это воспринималось как святая истина, ибо то были слова самого Пророка Маркса. Исходя из некоего диалектического процесса, он научно доказал, что подлые боссы, живущие по принципу «мне пирог, тебе — объедки», не так уж хорошо обращались со своими рабочими — причём, конечно же, эти последние были не в состоянии уразуметь это сами. Всё, о чём сообщал господин Маркс, считалось научно обоснованным, а всё, что говорили другие, относилось к разряду утопии, то есть приравнивалось к маразму. Маркс претендовал на то, что он постиг все тайны этого мира, а любой, кто осмеливался в этом усомниться, объявлялся либо шпионом на службе у коварных буржуев, либо лжецом, либо жуликом, а возможно и всеми сразу. Впрочем, в любом случае событиям надлежало развиваться в точности так, как он предсказал, нравилось это кому-нибудь или нет. Разумеется, то и дело появлялись недоброжелатели, пытавшиеся препятствовать естественному ходу событий, так что в нужное время их требовалось устранить лишь для того, чтобы всё шло своим чередом, чтобы в каком-то смысле позволить свершиться Неизбежности, направляя её в нужное русло, если она вдруг случайно отклонится от курса.

Эту самобытную сказку скармливали ошарашенному пролетариату на протяжении последних семидесяти пяти лет. Она давала им утешение и стала хорошей заменой для способности мыслить самостоятельно, поскольку теперь у них не вызывало сомнений, что всё, что от них требовалось, это сидеть сложа руки и ждать, пока старая добрая историческая необходимость не возвестит о достижении земли обетованной, конечно, не без помощи учёных мужей. Подобно адвентистам седьмого дня, в каждом новом цикле экономической депрессии они видели мессию революции, до которой, разумеется,

каждый раз было рукой подать, что роднило её с обещанным Гувером благоденствием. Раз за разом они ожидали, что этот призрачный монстр под названием «Капиталистическая система» вот-вот рухнет до основания. И в этот момент на сцену надлежало выйти учёным мужам с их детальными планами установления кооперативной республики, чтобы растолковать народу, как добиться того, чтобы производство основывалось на принципе принесения пользы, а не прибыли. Журавль должен спуститься с неба прямо на землю, причём уже в самое ближайшее время.

Эти идеи, в их совокупности, казались столь убедительными не только благодаря тем вымученным трюизмам, что понижывали все эти басни, но и в силу множества обоснованных и оригинальных умозаключений. Дошло даже до того, что многие из тех, кто называли себя анархистами и выражали серьёзные сомнения по поводу того, что вышеозначенная Неизбежность играет столь уж важную роль, с неохотой признали, что продвигаемая господином Марксом повестка имела под собой научные основания, из чего ими делался вывод о том, что их собственная линия этим похвастаться не могла, а потому они были вынуждены отступить, положив человеческие амбиции в основу и своей программы.

Впрочем, вполне вероятно, что, даже если бы столь видный Учёный, как Маркс, не соизволил открыть людям глаза, они бы всё равно осознали, что дела в мире обстоят не столь уж и хорошо, и, возможно, предприняли бы по этому поводу какие-нибудь шаги. По сути, как мы знаем из книг, кое-кто и в самом деле пытался эти шаги предпринять, однако каждый раз появлялся какой-нибудь марксист и заявлял, что всё это бесполезно и что нужно лишь ждать, пока всё не покатится к чёртовой матери — в точности как на это указывал Маркс. Каждый, кто озвучивал хоть какую-нибудь конструктивную идею, объявлялся никчёмным реформатором, навлекая на себя шквальную критику и встречая самое упорное противодействие со всех сторон. В результате мы можем лишь констатировать, что с тех пор как Великий мыслитель изрёк Слово

истины, не было достигнуто почти никаких практических результатов.

И действительно — хотите верьте, хотите нет — за всё то время, пока эти комедианты от социологии обсасывали эту унылую и нескончаемую байку (а любой, кто отклонялся от заданного сценария, не говоря уже о том, чтобы пытаться переосмыслить или как-то иначе истолковать слова нашего прорицателя, сразу же объявлялся оппортунистом или шарлатаном), не было сделано ровным счётом ничего, что могло бы улучшить человеческий удел, а события в мире стали принимать ещё более пугающий оборот, услаждая интеллект этих научных революционеров.

И вот однажды некая группа предприимчивых людей, не желающих бесконечно дожидаться Неизбежного, или, тем более, рисковать своими властными и грабительскими привилегиями, исхитрилась выстроить корпоративное государство или некую его разновидность, а полученный результат они окрестили Фашизмом. Скорость, с которой происходил этот процесс, могла варьироваться в зависимости от зрелости демократии в конкретной стране и от того, в какой степени Охотникам до власти удавалось обольстить пролетариат и втереться к нему в доверие. Там, где Охотники до власти смогли добиться необходимого влияния, Власть имущие начали ими манипулировать, положив тем самым начало душераздирающей трагедии, в которой главные роли отводились гонениям и убийствам, а принцип «терпи да помалкивай» был возведён в закон, — причём монополией на насилие наслаждались Власть имущие, а отнюдь не Охотники до власти.

Надо сказать, такой ход вещей получил множество интерпретаций со стороны самых разных людей. Некоторые из марксистских Охотников до власти отзывались в том духе, что, дескать, хотя в целом они далеко не во всём допустили «перегибы», их ошибка была в том, что они слишком сильно полагались на Неизбежность и слишком мало на самих себя, а что хуже всего — они практически не полагались на собственные мозги. Высказывались даже сомнения по поводу того, что господин Маркс был Богом — якобы он не только не постиг

все тайны этого мира, а такое заявление было уже откровенным святотатством, но и, в общем-то, глубоко заблуждался. В своём кощунстве они пошли даже ещё дальше, заявляя, помимо прочего, следующее:

1. Что можно лишь сожалеть о том, что доктор Маркс, с присущим ему эгоизмом, счёл возможным опуститься до того, чтобы распускать грязные слухи и откровенную клевету в адрес своих же собратьев-революционеров, стремясь тем самым выставить себя большой шишкой Первого интернационала, поскольку тем самым он показал пример для своих последователей, взявших на вооружение ту же самую тактику.

2. Что нотки фатализма, которыми пронизаны его работы, способствовали параличу мысли, воли и энтузиазма.

3. Что тем из его поклонников, кого можно отнести к «респектабельной» части общества — тем из них, кто не брезгает играть в политику, — принадлежит основная заслуга в расширении и усилении присутствия государственной власти, возлагающей на себя всё больше функций и полномочий.

4. Что их неприглядные цели являются неизбежным следствием недобросовестного анализа пороков, свойственных нашему обществу, и что попытки реализации столь противоестественной программы могут опираться лишь на насилие и зверство. И что игра на самых низменных инстинктах — отчаянии, злобе и жестокости — способна вызвать лишь ответную реакцию, пронизанную теми же настроениями.

5. Что попытки реализовать их научные построения на практике в стране, охваченной революцией, которая никоим образом не вытекала из марксистского анализа, привели к тому, что революционный дух был подавлен в зародыше вместе с народным

энтузиазмом, а первоначальные цели той революции были отброшены.

6. И напоследок, что они последовательно заводили массовые движения в глухой тупик и что, в общем и целом, в той мере, в какой отдельного человека можно считать Отцом фашизма, этим человеком, сам того не желая, стал не кто иной, как великий, хотя и заблудший гений — Карл Маркс.

*Опубликовано в апрельском выпуске журнала «Man!» за 1935 г.
Перепечатано в июньском номере журнала
«Freedom» (Лондон) за 1935 г.
(помимо этого, данная статья циркулировала в виде
памфлета, изданного в годы гражданской войны в Испании)*

МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

Люди воюют по многим причинам, однако, как правило, они стремятся к тому, чтобы отвоевать своё право распоряжаться средствами, с помощью которых они обеспечивают своё благополучие. Зачастую природа этих средств такова, что они побуждают людей с оружием в руках отстаивать ложные ценности, и в этом случае война носит сугубо реакционный характер. Неприязненное отношение к социальным изменениям, неизменно присущее представителям так называемых высших слоёв общества, объясняется недостатком знания и воображения, равно как и уверенности в себе. Вопрос о справедливости или несправедливости является второстепенным; в первую очередь люди озабочены средствами, которые, на их взгляд, могут гарантировать их благополучие, и чаще всего готовы задействовать любые доступные им ресурсы, чтобы поддерживать статус-кво. Нечасто приходится видеть людей, готовых пожертвовать своей кормушкой.

В эпоху всеобщего дефицита ресурсов люди вынуждены сражаться, чтобы обеспечить себя самым необходимым. В свете промышленного прогресса этого означает, что приходится отвоевывать поселения, домашнюю скотину, территорию, производственные и торговые привилегии, а также рынки, в зависимости от того, о какой фазе промышленного цикла идёт речь — добывают ли люди своё пропитание преимущественно охотой, животноводством, сельским хозяйством, работой на фабрике или торговлей на рынке. Но с тех самых пор как люди столкнулись с необходимостью добывать свой хлеб трудом, во всеобщей борьбе неизбежно возникла такая идея, как рабство. Ибо коль скоро людей можно обращать в рабов, их можно грабить, даже не прибегая к насилию.

Итогом всеобщей войны за доминирование стало возникновение классового общества с двумя свойственными ему психологическими установками — хозяев и рабов. Хозяин, дабы считаться таковым, устраивая свою жизнь, должен полагаться лишь на себя самого. Раб, обязанности которого определяются его хозяином, выработал психологию зависимости и привычку ози-
раться на начальство.

Выйдя из этой борьбы победителем, класс хозяев открыл для себя такие добродетели, как власть и слава; что же касается раба, то он обнаружил, что его покой зависит от готовности подчиняться и проявлять покорность. Будучи вынужденным гнуть хребет, чтобы выжить, довольно скоро раб признал необходимость физического труда как условие достижения благополучия. Однако с точки зрения эксплуататора, его хозяина, работа считалась уделом людей посредственных и неполноценных. Внутри класса хозяев иерархия строилась на влиянии и материальном благополучии; среди рабов же ценилась близость к хозяину. Хозяин наслаждался досугом, развивая культуру; раб был заложником своего невежества по причине отсутствия всяких перспектив. Хозяин был более одарённым, он растрачивал свою энергию на игры и развлечения, достоинство и самоуважение были присущи ему куда в большей степени, чем рабу, воспринимавшему культуру как бессмысленное излишество. Хозяин обладал смекалкой и хитростью, и эти качества в нём угасли лишь после долгих лет благоденствия. Им можно было восторгаться, но у этого чувства было мало общего с любовью; раб же мог вызывать жалость, но никак не восторг. Хозяин зачастую внушал страх, что редко можно было сказать о рабе.

На стыке этих двух классов — и в условиях развития промышленности и коммерции — возник промежуточный класс; достаток тех, кто к нему принадлежал, зависел от их личной смекалки и таланта, а их психология практически не впитала ни установок хозяев, ни установок рабов; при этом, однако, они твёрдо усвоили, что их благополучие обусловлено тем, насколько свободно они могут реализовывать свои возможности. Зачастую

оказываясь впереди в силу необходимости порывать с предшествующими традициями, именно этот класс стал локомотивом промышленной революции девятнадцатого столетия.

Революционные движения образованы людьми из всех трёх классов, и они вдохновляются целями, простирающимися от стремления изменить людские ценности до желания что-нибудь съесть или надеть. Чем общество элементарнее, тем больше в нём доминирует материальная составляющая как первостепенный мотивирующий фактор социальной революции. Поэтому из аристократии к ней примыкают те, чья культурная чувствительность уязвлена существованием вопиющего неравенства, несправедливости и подлости жизни. Из среднего класса вливаются те, кто озабочен физическим благополучием вне связи с тем, как оно достигается. Разумеется, такое разделение на классы более-менее случайно, ведь невозможно так аккуратно всё разложить по полочкам в свете нагромождения уровней сложности переплетающихся интересов в реальной жизни.

Со всеми оговорками, принято считать, что эти три психологические установки характеризуют современное общество, представленное тремя классами — угнетаемыми, именуемыми в Америке «зарплатными рабами» и известными в Европе как пролетариат, средним классом, известным в Европе как буржуазия, и верхним или правящим слоем, в контексте современного индустриального общества называемым «классом капиталистов». Пролетариат ненавидит высшие классы, капиталисты презирают всех, кто ниже них, а средний класс не в ладах с ними обоими и оба их воспринимает как угрозу. В Америке, где преобладает «зарплатное рабство» и средний класс плавно угасает, доминирует психология среднего класса, с её комплексом «урвать на халяву», проходящим через всю канву экономической жизни.

В Америке характерные черты каждого из этих классов размываются по мере того, как они показывают себя в действии. «Зарплатный раб», что почувствовал бы себя уязвлённым при таком к себе обращении, не понимает, как ему распорядиться собой, когда он не занят работой.

У него паралич амбиций, он не расположен к творчеству, а потому у него нет хобби, он не способен к рефлексии и критической оценке и столь же неизобретателен. Привыкнув к исполнению приказов и к тому, что им всячески помыкают, он не уверен в себе и не агрессивен, предпочитая не высываться из толпы. Он понятия не имеет, как развлекаться, и никакой досуг или мимолётное увлечение не приносит с собой культурного развития, к которому он, как правило, не способен. Его лучшие потуги на ниве культуры сводятся к попыткам косить под богатых. «Работа» — вот всё, что ему нужно, ведь условием своего благополучия он считает монотонный труд.

Представитель среднего класса нагружен комплексом «дерзай и добивайся». И хотя уровень достатка не позволяет ему забыть о необходимости соблюдать рачительность, в целом ему зачастую вполне по карману всё то, что его не столь везучие собратья могли бы счесть излишествами, то есть книги, концерты, лекции и, может быть, поездки в отпуск. Нередко он проявляет особенный интерес к чему-то конкретному, возможно, у него есть пара хобби — фотография, домашняя мастерская, общественные инициативы. Он пытается «внушать уважение» и жить по средствам. Этот типаж прекрасно знаком каждому американцу.

Богатые, с их страстью к деланью денег, берут в оборот ещё и эпикурейство. Если перед нами нувориш, его закидоны поистине нелепы, но если процесс накопления был постепенным, он нередко успевает перенять фрагменты подлинной культуры. Часто богачи щедро жертвуют на цели, приверженность которым они исповедуют лишь на словах, — на образование, благотворительность или оперу. При этом для них характерен снобизм, в целом исключающий возникновение широких социальных симпатий.

Однако же во всех этих классах мы находим людей с революционными устремлениями, безусловно, различных по своему характеру и масштабу идей, хотя и с искренним порывом к фундаментальным преобразованиям общества, начиная с изменений в общественной психологии и заканчивая сменой материальных условий.

Революционеры из класса рабов учатся у своих же хозяев и, как и они, нередко демонстрируют безжалостность и в душе тоже являются тиранами. Такой революционер, в основу мотивации которого положены две эмоции — жажда власти и стремление к безопасности, не думает о свободе и с готовностью подчинится любой диктатуре и подпишется под любой патерналистской схемой, если она обещает ему трудоустройство и безопасность. Нет надобности что-то решать самому, если наверху обо всём позаботятся. Именно к этому классу апеллирует рузвельтовская система иждивенчества, примером чего могут служить те фермеры, которые охотно и без лишнего шума принимают подачки от Аграрного комитета. И конечно, этот типаж неизбежно впитывает материалистическую философию как единственно верную. Он пытается показать, что работа есть самоцель и занятие благородное. Обстоятельства сделали его невежественным, лежковерным и безграмотным. Именно среди выходцев из этого класса социалисты от марксизма, равно как и сторонники так называемых схем по распределению богатства, открыто вербуют своих адептов; коммунизм и патерналистские схемы отражают рабский подход к решению экономической и социальной проблем. Сентиментальность и попрошайнические замашки, часто ещё и с налётом невежества. А когда на короткое время открывается возможность достижения заявленных им целей, коммунист озабочен получением страховки от безработицы, пенсии по возрасту и чего угодно из разряда «социальных гарантий». Эту тенденцию — необоснованный грабёж одних во благо других, осуществляемый государством, — сложно переломить, особенно когда многие из выгодоприобретателей — это лакеи властей предрежащих, болваны на побегушках вроде солдат, полицейских и, конечно, бюрократической братии, облачённой в униформу. (Уже сама по себе униформа говорит о сервильности — о том, что человек *принадлежит* к некоей организации.) Революционеров с рабским менталитетом в шутку называют «революционерами от брюха». Главнейшим источником их революционного импульса является ненависть, а их цель состоит в установлении диктатуры.

Средний класс больше озабочен вопросами экономических возможностей и справедливого обмена. Эти демонстрируют больший индивидуализм в том смысле, что позволяют человеку самому печься о своём экономическом спасении. Среди экономических предложений преобладают те, что касаются способов проведения денежной реформы. Что касается философии, то, занимая промежуточное положение между высшим и низшим классами, они разделяют более «консервативные» предпочтения, чем пролетариат, и более «радикальные», чем капиталисты. Их революционные лозунги, похоже, сводятся к требованиям «Справедливости» и «Свободы».

Революционеры из класса хозяев не скрывают своей склонности к идеализму, и их предложения диктуются скорее эмоциями, нежели какими-то реальными потребностями. Нередко эти предложения несут в себе оттенок религиозного чувства.

Собственно говоря, в свете изложенного выше фрагментарного анализа мы могли бы составить суждение о мотивирующих идеях, положенных в основу анархизма. Хотя популярность анархизма не зависит от экономического и социального положения его сторонников, его идеи никогда не находят отклик у людей с рабским комплексом. По своему темпераменту анархист скорее хозяин, заявляющий, впрочем, о своих притязаниях лишь в отношении тех вещей и материй, которые касаются лично его.

Можно назвать четырёх великих анархистов — по-разному расставлявших акценты, — взгляды которых могут пролить свет на широту охвата анархистской мысли. Ницше апеллирует к аристократическому началу в человеке, Прудон — к чувству справедливости, Кропоткин — к щедрости, а Толстой — к способности сопереживать и милосердию, а также к стремлению воздерживаться от жестокости. Ницше выступал против государства, поскольку оно мешало воспитывать сильных духом, Прудон — потому что оно олицетворяло тиранию, Кропоткин — потому что оно эксплуатировало слабых, Толстой — потому что оно основано на насилии. Ницше полагал тщетными любые попытки удовлетворить запросы людей с рабской ментальностью; Прудон считал,

что такая ментальность уйдёт в прошлое после того, как восторжествует справедливый обмен; Кропоткин призывал рабов самостоятельно отвоевать себе свободу; Толстой считал, что рабство канет в лету, если отношения между людьми будут строиться по принципу братской любви — этого предлагалось достичь убеждением, а не принуждением. Первые двое больше зывали к логике, а двое последних — к эмоциям. Ницше считал, что ему выпало быть первопроходцем, встать впереди тех, кто желал или мог последовать за ним. Он не считал нужным кого-то принуждать или уговаривать. Его не заботило, если кто-то оставался рабом по собственной воле. В конечном счёте, утверждение о том, что человек добровольно решает стать рабом, было бы противоречивым.

Станет ясно, что анархизм относится к идеалистической философии, если вспомнить, что он основывается на вере в то, что свобода достижима сознательными усилиями людей. Её не принесёт никакой автоматический процесс. А кроме того, это философия индивидуализма, причём сразу в нескольких смыслах. С одной стороны, своим ранним успехом он обязан усилиям и эмоциям людей — разумеется, это было движение меньшинства, причём крайне немногочисленного, и такое положение дел было predetermined на многие годы вперёд. Идеи анархизма распространяют те, кто считает, что хозяином судьбы человека является он сам, что только сам человек вправе распоряжаться своей жизнью, — и ставит этот принцип выше всяких споров о социальной справедливости.

Опубликовано в мартовском выпуске «Man!» за 1936 г.

ГРЫЗНЯ И СКУДОУМИЕ

Никто не станет спорить с тем фактом, что людям нравятся опасность и борьба. В чём причина? В том ли дело, что в нашей любви к соревнованию и схватке отражается наше представление о том, что по каким-то причинам противостояние само по себе является важным фактором прогресса? И что конкуренция, как говорил Прудон, в широком смысле олицетворяет созидательную силу социальной экономии? Мне кажется, по итогам вдумчивого анализа мы ответим на этот вопрос утвердительно.

На ранних стадиях развития человека опасность подстерегала его на каждом шагу. Именно в умении преодолевать трудности заключалось искусство выживания. Люди сражались между собой, чтобы завладеть средствами к выживанию, которых в то время не хватало на всех. Успех в этой борьбе гарантировал процветание, а неудачники вымерли. Благодаря естественному отбору, в человеке сохранился дух борьбы и стремление побеждать. Людям нравится демонстрировать своё величие и превосходство на состязаниях, поскольку успех утоляет нашу первобытную жажду, стремление выжить.

В примитивных обществах успех одного зачастую означал проигрыш и гибель другого. Достижения человека нередко отражали его способность противодействовать конкурентам. Поэтому со временем, надо полагать, в силу некой извращённой логики закрепилось мнение, что страдания и проигрыш другого являются необходимым условием собственного успеха. И сегодня мы часто втайне радуемся, когда беда приходит к другим, ведь это значит, что нас она миновала. Однако лишь извращённой логикой можно объяснить убеждённость

многих людей, что их успеху всегда сопутствует неудача соперников, как и распространённость мнения, что конкуренция подрывает устои общества и должна быть объявлена вне закона. Здесь мы имеем дело с банальной близорукостью, объясняемой ограниченной выборкой изучаемых сообществ и не уместной в широком социальном контексте.

Что касается экономических аспектов, то конкуренция является созидательной силой, могущественным усиливающим фактором других важных прогрессивных тенденций: разделения труда, механизации, кредита, коммерции и свободы. Как известно, разделение труда способствует раскрытию человеческого потенциала, механизация заменяет труд человека и избавляет его от монотонной работы, кредит побуждает к взаимопомощи, делая коллективный труд более эффективным, коммерция стимулирует потребление и с ним — производство, а свобода поощряет инициативу. Но лишь конкуренция гарантирует ответственность, делает знание общедоступным и стимулирует прогресс. Она столь же необходима, как и её антипод — монополия, обеспечивающая производственную независимость. Любая программа улучшения социальных условий, не способная признать необходимость свободы реализации для каждого из созидательных принципов, достойна того, чтобы называться «утопической». Однако нечасто приходится слышать о предложениях по социальному переустройству, которые не сводились бы к требованию прописать в законе какую-нибудь очередную монополию или привилегию. (Возможно, следовало бы внести ясность, оговорившись, что монополия может быть обусловлена двумя различными причинами — естественными либо искусственными, когда монопольные привилегии государство закрепляет законодательно. Лишь против таких монополий выступает Анархизм.)

Именно Пьер-Жозеф Прудон первым продемонстрировал ту громадную роль, что отводилась этим элементарным принципам в эволюции экономического общества, как и, собственно говоря, их роль в истории цивилизации. Он показал, что человек, на своём

извилистом пути к прогрессу, в большей или меньшей степени оставался заложником своего невежества касательно экономических сил. Он предвидел, что однажды люди попытаются законодательно урегулировать процесс производства и распределения благ. А кроме того он продемонстрировал, что «это было бы худшее из того, что человек мог придумать или воплотить в жизнь». Здесь он имел в виду коллективизм. Можно сказать, что после Прудона никому не удалось столь же досконально исследовать экономические законы и оценить их влияние на человеческое общество.

Отсюда и разделение на реформаторов и революционеров, хотя и те и другие в той или иной степени увязли в утопии, опровержению которой Прудон посвятил свою жизнь. Маркс, подтыкивавший у Прудона идеи и применявший гегелевскую диалектику, безнадежно запутался всё в том же метафизическом жаргоне, в котором он упрекал Прудона, и построил на этом фундаменте своеобразную систему. Что же касается Кропоткина, то он явно не смыслил в экономических принципах почти ничего и пытался увязать экономику с эмоциями, построив на этом очередную систему. До Прудона все утописты сооружали системы, и все «плановые экономики», возникавшие после него, суть тоже системы. Системы неизменно возникают по одной из двух причин: из-за недостатка понимания или корыстного интереса. «Естественный экономический порядок» Гезелля — это система, предложенная либертарием, находившимся в плену серьёзных заблуждений насчёт природы денег и кредита; технократия — это система, выстроенная людьми, владеющими техникой производства, но не понимающими экономического закона; фашистское Корпоративное государство — это система, корыстно заинтересованная в сохранении статус-кво; что же до коммунизма, то он является итогом тщетных умственных усилий пролетариата, направленных на то, чтобы сформулировать некий идеал или «бесклассовое общество». Однако, в свете самого намерения, положенного в их основу, все они, по сути, являются утопиями. Иными словами, все они игнорируют важные и неискоренимые аспекты жизни, особенно — жизни

созидательной. Жизнь, во всей своей целостности, слишком сложна и неоднозначна, чтобы её можно было втиснуть в рамки системы. Различия во мнениях порождают такое же многообразие созидательных начинаний. Поэтому так называемая система «свободной экономики» по Гезеллю неизбежно потерпела бы крах в силу собственной логики.¹ Технократия обречена на неуспех в достижении своих целей, ведь она не принимает в расчёт все факторы, вовлечённые в процесс производства. Фашизм будет не в состоянии усмирить ход прогресса. Равно и коммунизму не приходится надеяться на лёгкий старт, поскольку здравомыслящие люди всегда будут ему противостоять. Тем не менее, в каждой из этих идеологий содержится зерно истины, как в том, что касается их критики текущего экономического режима, так и в том, что касается конструктивной части их программы. И в то же время всем попыткам их *системной* реализации будет неизменно сопутствовать долговременный и всё возрастающий разгул насилия и тирании. Нет никаких оснований считать, что любая из них могла бы просуществовать хотя бы так же долго, как торжествующий сегодня Капитализм, банкротство которого уже не за горами. И сколь благими ни были их намерения, все они — Гезелль, Кропоткин, Маркс и любые технократы вообще — представляют собой записных утопистов. У людей искушённых наивные попытки сравнивать любую из этих фигур с Прудоном в положительном ключе будут всегда вызывать лишь улыбку.

На сегодняшний день Пьер-Жозеф Прудон — не считая тех из его последователей, кто смог его понять, — единственный мыслитель, бескомпромиссно отрицавший любые системы. Насколько мне известно, только он осуществил всесторонний и исчерпывающий анализ того, как краеугольные принципы социальной экономики воплощаются в реальной жизни, *и он же доказал, что кооперация, этот фатальный и необходимый ингредиент любой утопии, не предписана неким естественным законом, не обусловлена игрой экономических сил и не может служить основой для обеспечения общественного порядка.* Иными словами, Прудон считал, что хотя к кооперации людей побудила беспомощность каждого

из них по отдельности, было бы ошибкой пытаться навязывать им представления о том, *какие формы* эта кооперация может принимать. По мнению Прудона, противоречие было неотъемлемым атрибутом самой жизни, *и в каком-то смысле* это означало, что ничто в этом мире нельзя изжить полностью, а социальная проблема сводится к проблеме согласования интересов и поиска равновесия. Он показал — и не в мечтательных возгласах, а на основе фактов и логики, — что справедливость и равноправие будут возможны, лишь если экономическим силам будет предоставлена полная свобода, и что средством и целью прогресса служит свобода, а социальный порядок достижим только в контексте позитивной Анархии. Прудон отождествлял Анархию с философией Перемен, и это отражается в том, что он предвидел те выводы, к которым пришли философы революции. Анархия понималась им не как предустановленная организационная форма, а как свобода экспериментировать с любыми формами. При этом свобода трактовалась в том числе и как равенство возможностей, всегда стремящееся к пределу абсолютного экономического равенства, хотя и едва ли имея шансы его достичь. Всеобщее равенство — таково бессознательное устремление, лежащее в основе всякого социально направленного законотворчества, однако это не следует ставить в вину человеку, если в силу своего невежества он не мог предвидеть, что такое законотворчество шло вразрез с теми самыми целями, которые оно имело перед собой.

В отличие от Кропоткина, находившегося под слишком большим влиянием своих гуманитарных побуждений, в отличие от Гезелля, ошибочные представления которого о природе денег не позволяли ему избавиться от посредничества государства, в отличие от Маркса, с его проблемами метаболизма и вызванной ими ядовитой ненавистью, возобладавшей над здравым рассудком, и в отличие от технократов, склонных искусственно преувеличивать значение преходящих явлений в жизни общества, Прудон не поддавался влиянию предубеждений. Достаточно проследить эволюцию его мысли, чтобы убедиться, что Прудон начал не с того, чтобы

сформулировать некий посыл, который он мог бы затем обосновывать, а поступал как настоящий учёный, то есть старался провести некое исследование. Как пренебрежительно отмечал Маркс, Прудон пытался отыскать социетарные принципы, и это правда. Но разве не к этому стремится любой настоящий учёный — проникнуть в тайны мироздания?

Прудон доказал, что экономическая наука существует. Он продемонстрировал, что экономические законы не зависят от воли человека, хотя человек мог бы извлечь пользу из понимания того, как они работают. Он самым исчерпывающим образом показал, что сформулировать коллективную волю в масштабе всего общества принципиально невозможно и что представления об обратном в целом бесконечно наивны. Таким образом, помимо демонстрации того, что государство возникло с целью грабежа, он показал, что деспотизм и грабёж являются неизбывными пороками государства — что любое правительство бессильно, навязчиво и реакционно. Прудон был первым человеком, доказавшим, что размер промышленной и коммерческой прибыли зависит преимущественно от стоимости кредита, а не наоборот. Он первым объяснил происхождение ссудного процента, считая его следствием исключительной монополии на выпуск денег вкупе с монополией на управление, вытекающей из привилегированного статуса золота. Он предвидел, что власть перейдёт к набиравшему тогда силу финансовому капиталу. Он первым, посредством логического анализа, разоблачил домыслы о производительности капитала. Прудон высветил полное невежество социалистов касательно природы денег и кредита и их полнейшую растерянность перед лицом проблемы распределения благ, которую все они пытаются решить путём законодательного произвола. При этом предлагаемые ими законы охватывают весь спектр отношений, включая и те, что восходят к прозрачной коммунистической максиме, «от каждого по способностям, каждому по потребностям», и те, что касаются случайных попыток увязать категорию ценности с такими факторами, как энергия (технократы) и время (обычный приём социалистов). Маркс был близок к тому, чтобы решить проблему

стоимости, когда дал ей конкретное абстрактное определение, и всё же он не смог отыскать ключ к её решению в общественном устройстве.

Эти выводы могут показаться слишком общими, и можно не сомневаться, что с ними не согласятся последователи некоторых из вышеупомянутых персон. И всё же их автор пришёл к убеждённости в их истинности благодаря литературе по экономике, представленной множеством томов утопической болтовни и немыслимой чуши, парой-тройкой достойных книг и, к счастью, четырьмя великими работами Прудона: «Что такое собственность?», «Система экономических противоречий», «Решение социальной проблемы» и «Общая идея революции XIX века». Действительно, чтобы понять Прудона, может потребоваться изучить большой объём дополнительной литературы, потому что он не всегда внимателен к мелочам. Да и его работы не назовёшь легко доступными для понимания — отчасти это обусловлено тем, что его мысль во многом парадоксальна, а отчасти тем, что написанное им отмечено печатью особой метафизики, как и тем, что он стремился исчерпывающе осветить каждую тему, завладевшую его вниманием в тот или иной момент. Однако коль скоро читатель готов свыкнуться с «манерой» его изложения и способен следить за ходом его мысли, он несомненно обнаружит в этих книгах множество ценных и глубоких социологических прозрений. Важно отметить свирепость нападок на него со стороны Маркса, свирепость человека, комплексом неполноценности которого пропитаны все его работы и который вдобавок, в силу своего немалого интеллекта и, к несчастью, безумного желания прославиться как величайший мыслитель-социалист, самым нелепым образом выплёскивал чернейшую злобу на каждого, кто мог бы успешно с ним конкурировать; я бы сказал, что и это может красноречиво свидетельствовать о масштабе гения Прудона.

Но разве мы не говорили о борьбе? Верно, пусть всё познается в сражении. Пусть наши идеи пройдут проверку огнём критики. Пусть разгорится битва, оружием в которой будут мысли и аргументы. И если наши выводы окажутся ложными, в этом конфликте

мы останемся в проигрыше, зато, к счастью, *мы* выживем, чтобы найти другие, лучшие идеи и впоследствии воплощать их в реальности. Залогом прогресса служат дискуссия, обмен мнениями и взаимные противоречия. Вовсе не требуется разбавлять это всё «товарищами» и тому подобной риторикой, тактичное использование которой может указывать на то, что человек разделяет самые нелепые представления о дружбе. Однако не будем лицемерить, ведь, что и говорить, когда дело доходит до противоречий, мы можем сцепиться, как кошки с собаками; чем больше высказывается критических замечаний и новых идей, тем более чётким и осязаемым становится обсуждаемый предмет. Только давайте всё же попытаемся сохранять беспристрастность и уважать оппонента как *личность*, признав, что каждый имеет право заблуждаться, а тот факт, что кто-то ошибается, не даёт повода считать этого человека злодеем. И хотя на деле это может быть не так просто, это вполне осуществимо.

Опубликовано в июньском выпуске «Man!» за 1936 г.

¹**Сильвио Гезелль** (17 марта 1862 г.–11 марта 1930 г.) — немецкий предприниматель и автор неординарной и незаслуженно забытой экономической концепции; в злополучной Баварской социалистической республике Густава Ландауэра занимал должность министра финансов. По причине того, что Гезелль был самоучкой, а его неортодоксальные экономические построения причудливо сочетаются с либертарной утопической риторикой, его трудно отнести к какой-то отдельной школе в истории экономической мысли или дать его взглядам политическую оценку. И хотя он разделял те цели, которые в его сознании ассоциировались с социализмом, Гезелль отвергал марксистское решение, основанное на коллективной собственности и централизованной государственной экономике, считая, что это выльется в «чудовищное засилье бюрократии и приведёт к упразднению личной свободы, индивидуальной ответственности и независимости». Среди друзей Гезелля были и анархисты вроде Густава Ландауэра, и социологи-антигосударственники вроде Франца Оппенгеймера (участвовавшего в разработке «завоевательной теории государства»), и между Гезеллем и анархистами того времени сложились достаточно плодотворные отношения. Однако Лабади не считал его последовательным анархистом и особенно критиковал предложенный Гезеллем план переустройства экономики согласно принципам «Естественного экономического порядка», поскольку в нём по-прежнему важная роль отводилась минимальному государству и институтам, определяющим монетарную политику (впрочем, в предисловии к последней из опубликованных им работ, изданной в 1927 году и посвящённой двум анархистам, Гезелль утверждает, что ему удалось найти решение «монетарной проблемы», позволявшее полностью обойтись без посредничества государства).

Библиография Гезелля весьма внушительна — она включает 18 томов, однако больше всего он запомнился вышеупомянутой работой, озаглавленной «*Естественный экономический порядок*». В ней Гезелль высказывает мысль, что сообщества, желающие предотвратить экономический коллапс, должны выпускать свою собственную «свободную» валюту. Чтобы ни у кого не было стимулов к накоплению этой валюты, она должна облагаться налогом (используя так называемый механизм демереджа), что равносильно отрицательной процентной ставке по кредиту. На обратной стороне каждой банкноты расчерчены 12 полей. Чтобы купюра оставалась пригодной, её владелец должен ежемесячно покупать специальную марку и наклеивать её поверх одного из полей. По прошествии года купюра считается выведенной из обращения. Такие деньги назывались марочными облигациями: это была частная валюта, которая тем больше обесценивалась, чем дольше вы её хранили (а это теоретически должно было стимулировать непрерывный экономический рост при отсутствии инфляции).

Одним из первых мест, где эти идеи были опробованы на практике в 1932 году, стал австрийский город Вёргль. Как и в большинстве европейских регионов того времени, после Великой депрессии 1930 года здесь бушевала массовая безработица и казна была абсолютно пуста. Город перешёл на «марочную» валюту, созданную в русле предложенных Гезеллем монетарных реформ, в результате чего циркуляция денег многократно ускорилась: люди спешили отоваривать их в магазинах. Вскоре из этих денег муниципалитет смог расплатиться по долгам. В общей сложности каждые тридцать дней купюры переходили из рук в руки до двадцати раз. В течение первых четырёх месяцев было произведено товаров и услуг на сумму более 100 000 шиллингов, безработица сократилась, а благосостояние рабочих выросло, однако вскоре Центральный банк Германии объявил этот эксперимент незаконным, а к власти пришли нацисты.

Как однажды признался Роберт Антон Уилсон, Гезелль был единственным из утопических экономистов, кто вызывал у него симпатию. (Примечание: Хорд)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПУБЕРТАТ (1937)

Кажется, именно господину Менкену принадлежит прозвучавшее несколько лет назад высказывание о том, что своими повадками американцы всё меньше походят на льва, и всё больше напоминают ягнёнка. То, что когда-то воспринималось как циничный комментарий, сегодня превратилось в нечто само собой разумеющееся. Есть что-то естественное и «слишком человеческое» в том, чтобы стараться добывать себе средства к существованию, прикладывая к этому как можно меньше усилий, что возводит подобную этику до уровня своеобразной добродетели. То, что американские пионеры прокладывали себе путь через дикие и заповедные места, полагаясь при этом лишь на собственную предприимчивость, отвагу и смекалку, объясняется простой необходимостью, и они не нуждались ни в какой организованной политической группе, которая сулила бы им землю обетованную.

В наши дни на смену этому духу независимости пришла привычка к нытью и ропоту. Весь мир перед нами в долгу, а государство — это папуля, который всех нас обеспечит. Государство — наш новый Господь, к которому общество обращает свои мольбы и которым оно восхищается к превеликой радости политических организаторов. «Вознесите нас на трибуны, ибо мы знаем путь», — увещевают спасители. Похоже, наш мир превращается в истинный рай для социальных мыслителей коммунистического и фашистского толка. Любой политический хлыщ может выбиться в люди, суля всем золотые горы и не слишком обнажая при этом свою жлившую сущность. Приходится терпеть этот поистине омерзительный спектакль, наблюдая, как невежество и легковёрность захлёстывает людей с головой.

Профессиональные решалы, как уже поднаторевшие в этом деле, так и те, кто ещё только набивает себе руку — сторонники «Нового курса», марксисты-социалисты, технократы и розовощёкие экономисты, указывающие на нашу «нищету посреди изобилия», сокрушаются по поводу того, что государство не справляется со своими обязанностями — не проявляет достаточной заботы о своих подданных. Будь то «требующие» по одну сторону баррикад, или «обещающие» по другую их сторону, — государство нуждается в них, чтобы сглаживать недостатки нашего общества и удовлетворять наши запросы. Не так уж и важно, где и как оно обретёт этот рог изобилия. Ожидается, что этот хищный и бесполезный спрут каким-то невообразимым образом станет демонстрировать чудеса доброты и немыслимой щедрости.

И вот получатели Социального кредита воинственно требуют от государства своих «дивидендов». По словам господина Коглина и его сторонников, государству следовало бы монополизировать чеканку монет и определять монетарную политику. Государство должно выплачивать пожилым людям 200 долларов в месяц, утверждает господин Таунсенд. ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО КОНТРОЛИРОВАТЬ ВСЁ, кричат коммунисты и их кровные братья, фашисты. А пыл и рвение, с которыми предполагаемые выгодоприобретатели сбиваются в стадо под началом своих пастырей, лишь демонстрируют умственную неполноценность американцев и моральное вырождение их общественного сознания. Лишь очень немногим приходит в голову бесхитростная и практичная мысль о том, чтобы упразднить этого привилегированного монстра, государство, выгнав поганой метлой всю эту орду политических упырей и предоставив каждому возможность сделать что-нибудь своими руками. С учётом такой легковёрности масс, поневоле начинаешь задумываться, не покажется ли нахальным заявление о том, что у коммунизма и фашизма, родственных в своём деспотизме, «здесь нет места». Голые факты говорят о том, что на столь плодородной почве они уже зацвели пышным цветом.

Откуда взялись эти, по сути, паразитические и лицемерные настроения в современном обществе?

Вероятно, мы сможем судить о происхождении этого «стадного инстинкта», предприняв небольшой воображаемый экскурс в древнейшую историю.

Воля к жизни, при условии недостатка ресурсов, порождает борьбу. Трудно представить себе какую-либо иную естественную причину для возникновения физического противостояния, кроме дефицита ресурсов. Вне всяких сомнений в древние времена сильные «сбивались в стаю», чтобы выступить против слабых и грабить их, а в конечном итоге поработить и эксплуатировать. Возможно, время от времени слабые объединялись, чтобы дать отпор, и, собравшись в большие группы, одерживали победу над более сильными. Однако в последующей схватке те, кто обладал хищнической смекалкой, подобно пене в бочке с вином, неизменно поднимались вверх; и столь же предсказуемым образом невежество и наивность всегда оседали на дно.

Неважно, определялись ли «неполноценность» и «превосходство» волей случая или личными усилиями. Имеет значение лишь тот факт, что слабые ненавидели и боялись тех, кто возвысился над ними в борьбе, ибо мы ненавидим лишь то, что внушает нам страх. И стоит нам одержать победу над тем, чего мы раньше боялись, мы начинаем испытывать к этому презрение. Поэтому кажется вполне вероятным, что расы и народы, ныне презираемые всеми, когда-то обладали превосходством в силу своего интеллекта и способностей. Быть может, сегодня мы наблюдаем повторный процесс — вверх выбиваются те, кто является экономическим и социальным изгоем, и к ним, подобно бумерангу, возвращается былое превосходство.

И разве есть желание более естественное, чем стремление к безопасности со стороны тех, кто чувствует себя беззащитным; и чего ещё могут желать эти «неполноценные», как не всеобщего равенства? Ведь для тех, кто лишён привилегий, равенство означает улучшение положения и является первым шагом на пути реализации их воли к власти. И вот, пока мы вслепую бредём к сомнительным целям, обыватель требует «законодательных привилегий» — страховки от безработицы, пенсии по старости, «социальной защиты», пособий,

субсидий, льгот и т. д. и т. п. Поэтому все мольбы к государству направлены на облегчение тяжёлой участи человека — то есть на достижение равенства, даже если это будет равно для всех рабство. Отсюда и массовое увлечение фашизмом и коммунизмом — оно коренится в желании принудительной унификации, навязанной кооперации, подчинения личности некоему общему благу. Налицо стремление разрушить разнородные элементы, чтобы построить однородное целое, словно дело обстоит так, что человек существует для общества, а не так, что само общество представляет собой спонтанное объединение свободных людей.

Пристальный и безжалостный взгляд обнаружит, что в основе этих движений лежит ностальгия, выраженная в патерналистском коммунистическом лозунге: «от каждого по способностям, каждому по потребностям», — семейный распределительный закон, основанный на представлении, что взрослые должны опекать своих детей. Предполагается, что общество превратится в одну большую семью и всякие недоумки смогут в своё удовольствие зачерпывать из общего котла. В этом — верх устремлений инфантильного ума. А политики достаточно сообразительны, чтобы понимать, что такие настроения для них — сущая благодать. Мы слышим, как они возвещают: «налогообложение сообразно с платёжеспособностью». Политики прекрасно понимают, что с тощих стад удою не будет. Сегодняшняя Америка с пугающей быстротой перенимает европейскую практику, основанную на законе дистрибутивности, характерном для экономической незрелости.

Сторонники коммунизма твердят о своей бескрайней любви к человечеству. Служба или работа — это радостный и самоотверженный вклад в общее дело, и эта повестка продвигается под видом гуманизма; образчик претенциозного символа веры из разряда безграмотных благоглупостей, неизменно производящих эффект на тупые умы. Личный интерес осуждается как нечто антиобщественное, соображения прибыли следует искоренить, заменив их, судя по всему, соображениями убытка, которыми следует руководствоваться людям талантливым. Но отчего же коммунисты так жаждут

своего благостного рая, если не в силу своей убеждённости, что при новом порядке они будут в выигрыше? Ведь из «прибыли» нельзя безнаказанно вычленить истинное значение этого слова — пользу, выигрыш. Кто ещё будет в *выигрыше*, кроме людей ни к чему не способных, тогда как «способные» будут принуждены к тому, чтобы заботиться о «нуждающихся»? Не будет ли превеличением сказать, что способности идут рука об руку с потребностями? Разве жизнь не должна воздавать человеку по его заслугам? Не получится вырастить общество способных людей, если «нуждающиеся» будут пользоваться привилегиями. Поистине, коммунизм — философия для неокрепших умов.

Независимо от гуманитарных устремлений, которые могут руководить этими людьми, по итогам реалистичной оценки фундаментального закона органической жизни — эгоизма, склонность наших подающих надежды социалистических освободителей к лицемерию и самообману буквально бросается в глаза. В работе одного современного экономиста приводится сатирический рассказ о собрании коммунистов, где свирепствовала эгалитарная и альтруистическая риторика. С каким рвением эти товарищи, с их любовью к своему собрату-человеку, готовы положить себя на алтарь этих возвышенных императивов! Сколь исполнены они страстью безвозмездно делиться и на практике воплощать высокие принципы равноправия! И вот некий упёртый участник озвучил идею, чтобы все они выложили имевшуюся у них при себе наличность в общий котёл, содержимое которого затем предлагалось распределить поровну между всеми. С прохладным энтузиазмом и возмущённым трепетом этого практичного человека поспешно заклеили смутьяном. Каждый из них с досадой подсчитал: «А что же из этого перепадёт лично мне?» Желаящих раскошиться не нашлось. И эта прекрасная идея была встречена неодобрительным гулом лишь в силу одного упорного факта — эгоизма. Реалистичные планы социальных преобразований не могут основываться на лицемерии.

Мысль о том, насколько контрпродуктивна коллективная собственность, с присущим ей размытием

ответственности (или потребностью в централизованном руководстве), не так давно посетила меня после того, как меня пригласили с визитом в коммунистическую колонию. Когда мне потребовалось воспользоваться туалетом, я обнаружил, что он засорён, причём это явно не помешало воспользоваться им другим уважаемым господам в количестве по крайней мере дюжины человек, насколько я мог судить, опираясь на своё не самое тонкое обоняние и не самое совершенное зрение. Я нашёл глубоко печальным тот факт, что эти дорогие товарищи не выказали ни «потребности», ни «способности» исправить эту ситуацию. Не то чтобы я ставил это в вину лично им, ведь разве туалет этот не находился в собственности коммуны? Значит, эту проблему надлежало решать всё той же коммуне. А коммуна — это же не какой-то конкретный человек. Свидетельства недобросовестного отношения находил я и в других частях колонии, и мне думается, что это было неизбежным итогом отсутствия индивидуализации, то есть частной собственности. Имелись и смягчающие обстоятельства, среди которых можно указать и на тот факт, что колонисты покусились на большее, чем было им по силам. Своим главным ресурсом они полагали добрую волю общественности (хотя мне, как индивидуалисту, казалось, что эта воля была ей по большей части «навязана»), а этого было мало, чтобы изжить все те недостатки, которые были присущи им в той же мере, как и любому другому предприятию, — я говорю о проблемах рентной ставки, налогов и неэффективности рыночного спроса. Это был удручающий опыт.

Основным мотивом экономического производства является желание распорядиться физическими и умственными усилиями таким образом, чтобы извлечь из них выгоду. Зависимость выгоды от вложенных усилий — естественный закон вознаграждения, управляющий жизнью взрослых людей; здесь мало общего с желанием получать выгоду независимо от приложенных усилий, о чём так мечтают обделённые социальные классы, обманывая при этом самих себя. Что по-настоящему нужно человеку, так это возможность заботиться о себе самом — так, как он сочтёт нужным, и,

если он сам того пожелает, полностью самостоятельно; не следует путать это с принудительной мобилизацией и подчинением круговой поруке. Речь о том, что корыстолюбие, естественным образом проистекающее из человеческой природы, следует признать главенствующим импульсом, положенным в основу производства и циркуляции благ. Добровольность обмена подразумевает, что обе стороны находят его выгодным для себя. В необузданном желании упразднить личный интерес, свойственном всем коммунистическим сектам, обнаруживается инфантилизм, присущий их программам. Неудивительно, что, принимая во внимание стремление человека к свободе — самый могущественный из людских инстинктов, за исключением разве что воли к жизни, — коммунисты вынуждены уповать на некий разрушительный катаклизм, который позволит им утвердить свою власть, и полагаться на устрашение и принуждение, чтобы эту власть удержать.

Если же мы, как взрослые люди, будем выступать за семейный экономический уклад, то мы будем вынуждены признать и вытекающую из него необходимость отцовского авторитета. Когда корыстный интерес будет якобы упразднён (если не для самих организаторов, то для всех остальных) в силу принудительной коллективизации и отрицания личной независимости, без государственного принуждения сделать будет нельзя ничего, как мы можем со всей ясностью увидеть на примере большевистской и фашистской версий райского благоденствия. Здесь корыстный интерес необходимо дополнять устрашением, принудительным трудом и вдалбливанием лицемерной этики, подслащивая всё это обещаниями привилегий и прочих сомнительных почестей, равно как и системами премиальных вознаграждений, и подгоняя при помощи стахановских передовиков и доносчиков — в общем, полагаясь на что угодно, лишь бы не предоставлять человеку свободу и независимость, чтобы он мог самостоятельно добиться экономического процветания на основе личного интереса.

Если мы обратимся к другому лагерю, к так называемой верхней прослойке доминирующего ныне

капиталистического мира, то мы обнаружим столь же неприглядную картину. Капиталисты, как правило, — люди исключительно просвещённые, и, тем не менее, они с превеликой охотой играют на политических предрассудках толпы, извлекая из этого выгоду для себя. Они располагают деньгами и с их помощью назначают на высокие посты тех, кто принимает законы, защищающие их интересы. Ведь нет ничего особенно преступного в том, чтобы быть богатым и потакать общественной морали. Вместо того чтобы упрекать в своих бедах свою же собственную тупость, выходцы из рабочего класса слишком охотно относят все свои неудачи на счёт богачей. Но разве богатых можно считать более алчными, чем бедняков? Едва ли. И в то же время именно богатые заварили всю эту кашу, когда под флагом свободы государство проявляет всё больше сноровки в том, чтобы умасливать и умиротворять угнетённые классы. И вот те, кому мы обязаны укреплением капитализма, разглагольствуют о «неистребимом индивидуализме», к которому не было бы никаких претензий, если бы они и в самом деле считали, что то, что хорошо для них, будет благом и для всех остальных. Чтобы не выходить за узкие рамки настоящей статьи, мы не станем останавливаться на вопросе о сущности и последствиях капиталистических привилегий — тех привилегий, что позволяют избранным жить за счёт тех, чьим трудом, по сути, и производятся блага. И всё же не будет лишним вспомнить весь тот спектакль — последствия коего можно было бы счесть довольно занятными, не будь они столь трагичными, — который разыгрывают те, о ком правительство проявляет самую нежную заботу, в то время как они шумно галдят о свободе и неистребимом индивидуализме.

Мы помним громогласные вопли и обличительный рёв всех этих политиков, ныне впавших в немилость и оттого озлобленных. Мы помним лица военных подрядчиков, мелькавшие среди членов Американской лиги свободы (так!). Мы читали кроважадные выпады шарлатанствующих публицистов, чьи угодыя охватывают тысячи акров, на границах которых выставлены

блокпосты, чтобы гарантировать, что на них не проникнет никто, кроме зажиточных землевладельцев. А вдобавок ко всему, и отнюдь не в последнюю очередь, у нас есть орда бюрократов, вскормленных «Новым курсом», с их полоумными схемами и готовностью испробовать все средства, чтобы спасти от краха нежизнеспособную экономику, лишь бы не затронуть при этом интересы опекаемых ими капиталистов.

Что и говорить, к несчастью, подобные настроения разделяет большинство людей. Думаю, каждому доводилось мечтать о богатенькой тётушке и о том, как она отправляется в мир иной, чтобы мы могли насладиться её баснословным наследством. Получить что-то задаром, о да!!! Мир населён недоумками, утешающими себя верой в то, что на государство возложена роль общественной няньки! Поистине, человеческий эгоизм граничит с паразитизмом. А наша социалистическая братия в силу общей скудости своих идей не способна понять, что своими утопиями она лишь способствует воспроизводству и усугублению всего того зла, что присуще режиму, который они так жаждут низвергнуть.

Поскольку единственным осмысленным стимулом для всякого производства может служить лишь желание потреблять, подавляющая часть экономических споров возникает по поводу вопроса о распределении. С этим сопряжена и проблема стоимости, без понимания которой невозможна никакая теория эксплуатации. Любая оценка предполагает некую систему отношений и основывается на сравнении; невозможно судить о том, какой метод производства является более или менее эффективным, или рассчитать относительную «стоимость» труда и его результатов, если изготовлением рассматриваемой вещи не занимаются два или более независимых производителей. Одним из следствий экономических привилегий стало то, что экономическое развитие привело к возникновению монополии. Монополия, опекаемая и поощряемая государством, приводит к эксплуатации и застою; конкуренция же способствует прогрессу, и, если она не встречает препятствий, выражается в бесконечном

снижении цен, пока они не сравняются с производственными затратами, а это гарантирует, что доступная продукция всегда будет наилучшего качества и по самой низкой цене. Мотивация людей не может служить надёжным критерием, на основе которого можно было бы судить о последствиях их деятельности. Неважно, идёт ли речь об эгоизме или альтруизме, — в условиях соревнования независимых производителей конечный результат будет одним и тем же. Ведь «выиграть» сможет лишь тот, кто предлагает лучшие товары и услуги. Эти рассуждения согласуются с философией анархизма.

Пока общество не научится игнорировать потребности своего желудка, чтобы пресытиться самодовольной чепухой философии Санта-Клауса, все эти проекты будут лишь пустыми мечтами. Пока мы чётко не осознали, чего хотим, и не станем этого добиваться, не прибегая при этом к насильственным методам, которые приводят к установлению деспотии, нам останется лишь мириться с несправедливостью. Пока мы не усвоим, что государство готово на всё, лишь бы по-прежнему сидеть на шее у тружеников, мы будем оставаться жертвами экономического грабежа. Задумайтесь: когда кто-то идёт на выборы, он собирается выбрать начальника не только для себя, но и для вас, для них и меня. Эти карликовые тираны, пособничающие политической власти, не просто являются рабами сами по себе, но и хотят приложить свою руку к тому, чтобы лишить свободы своих же соседей. Здесь есть над чем поразмыслить.

По мере того как я старею, я понимаю, что становлюсь всё более раздражительным. И поскольку в молодости я серьёзно увлекался философией — а в последнее время также социологией и экономикой, — многие из моих критических выпадов адресованы тем из мыслителей, кто, по моему мнению, в этих предметах безнадёжно увяз. Сдаётся, что если бы проблемы нашего общества были сформулированы, проанализированы и критически осмыслены с помощью тех же логических процедур, что применяются в физических науках, мы могли

бы извлечь из этого куда больше пользы. Однако на нас обрушивается шквал столь объёмистых фолиантов, что самые очевидные вещи ускользают от нашего взора и мы теряем способность выносить твёрдые суждения касательно самых насущных проблем. В итоге мы получили измождённого читателя, сбитого с толку и не способного разобраться в солянке разрозненных мнений.

Существует лишь два логичных способа организации общества: индивидуализм и коллективизм; и каждый из них требует определённого способа общественного управления — тоталитаризма или анархии. Как анархист, я не приемлю тоталитаризма ни в форме коммунизма (экономической теории), ни в форме фашизма (теории политической), которые на практике неразличимы как две капли воды лишь по той простой причине, что любая экономическая система должна регулироваться с помощью каких-то законов, а полностью коллективная собственность, таким образом, нуждается в централизованном управлении; так что любая политическая система подразумевает управление, и тоталитаризм всегда предполагает абсолютный контроль над каждым этапом и аспектом человеческой жизни.

ПО ПОВОДУ «ОБЩЕСТВА»

Все эти ваши реформаторы жаждут «преобразовать» государство, превратив это орудие угнетения, тирании и попрания прав в коллективное агентство по содействию в достижении общих Человеческих целей; анархисты государство хотят упразднить. Будучи анархистами, мы не выступаем против кооперативных агентств, о которых вы говорите; очевидно, в нашем понимании государство — это нечто иное. Такое различие интерпретаций восходит своими корнями к двум совершенно противоположным взглядам на то, как складываются отношения между людьми. Одна трактовка — коллективистская, а другая — анархистская. Первые пытаются **организовать** наше общество, тогда как вторые пытаются его **освободить**. Одни ищут подходящую **форму** организации, а другие — подходящий набор принципов. Если перед обществом стоит цель найти какую-то подходящую форму организации, то необходимо отыскать и какие-то средства, чтобы насильственно навязать эту форму. **Насильственная** организация означает принуждение и агрессию; тогда как **отстаивать** набор принципов не означает проявлять агрессию. В свободном обществе допускается множество форм организации. Анархия не является концепцией организованного общества. А поскольку при этом подразумевается, что общество существует в силу добровольного соглашения, то даже ассоциации, создаваемые с целью защиты его принципов, должны быть добровольными. Я настоятельно прошу вас принять во внимание, что правительство и защита — вещи взаимоисключающие и что организация подразумевает покорность, которая достигается либо путём принуждения, либо посредством консенсуса, и что без разграничения между агрессией и защитой

о научном подходе к общественному устройству не может быть и речи. Однако, возможно, я не вполне ясно выразил свою мысль, так что было бы не лишним объяснить происхождение двух столь различных подходов к пониманию общества.

У первобытных народов принадлежность к группе играла важнейшую роль с точки зрения выживания индивида. Люди были вынуждены организовываться ради всеобщего блага. Благополучие отдельного человека зависело от благополучия всей группы и при необходимости даже приносилось в жертву последней. К этой эпохе восходит возникновение того, что мы называем «стадным инстинктом». Его также можно назвать философией, центральной категорией которой были «мы». Сущность этого инстинкта заключается в стремлении к сплочённости. Возникла необходимость в строгих племенных традициях и принятии решений в интересах всей группы. Раскол при этом был бы равносителен катастрофе.

Вспомним также, что чем примитивнее эпоха, тем более схожи в своём строении организмы — мы можем видеть это и сегодня, наблюдая за муравьями и пчёлами, которые, с нашей точки зрения, лишены индивидуальных черт. Каждым из них руководят одни и те же импульсы, и по этой причине они вполне могли бы говорить о себе во множественном числе, выступая от имени коллективного «мы». Однако в ходе эволюции организмы обретали всё большую степень индивидуальности — иными словами, они становились всё менее похожими друг на друга.

По мере накопления практических знаний и углубления разделения труда возрастала и способность людей к организации более свободных сообществ — они встали на путь обретения личной независимости, а на практике это означает личную свободу и всё многообразие **взаимных** отношений, вытекающих из возможности свободного выбора и основанных на принципе личного интереса. Они могли распасться (взаимно дистанцироваться) без создания угрозы для кого бы то ни было. И по мере обретения большей индивидуальности (дифференциации) выяснилось, что наилучшим

способом устранения противоречий был раскол — освобождение каждого от бремени взаимных обязательств или необходимости перенимать чуждый образ жизни. С момента, когда люди это осознали, и начинается свою летопись философия анархизма.

По всей видимости, именно Макс Штирнер первым отважился заявить, что значение имеет лишь сам человек, а не группа, и что стоило человеку осознать свою ценность, проистекающую лишь из того, что он принадлежит к человеческому роду, он смог бы сбросить с себя оковы всех предрассудков, ограничивающих его свободу, после чего любые группы, если бы таковые остались, были бы образованы свободными людьми. Джосайя Уоррен объявил об открытии им того факта, что залогом всеобщей гармонии было **размежевание** людей с различными взглядами, а не их объединение. По мнению Прудона, общность не была обусловлена «социальным законом», а людей, пытавшихся отыскать некую систему для построения идеального общества, следовало бы называть утопистами. Впоследствии Герберт Спенсер провозгласил принцип равной свободы, предоставляющий каждому человеку максимальную свободу в той мере, в какой она не посягает на личную свободу других людей.

Короче говоря, вектор прогресса был направлен от коммунизма к индивидуализму, от общественного устройства, основанного на статусе, к устройству, основанному на договоре, от единоначалия к личной свободе. Однако «стадный инстинкт» так никуда и не делся. Мы по-прежнему слышим, как люди говорят от имени «нас», словно совокупность разных людей может похвастаться единством сознания, помыслов и устремлений. В этом — исток всякого коллективизма, национализма и вождизма. Едва ли не каждым из тех, кто уповает на государство, движет всё тот же стадный инстинкт. И суммарным итогом всех этих детально проработанных планов неизбежно является тоталитаризм — и вследствие этого личность как таковая теряет всякую ценность.

*Опубликовано в сентябрьском выпуске журнала
«Discussion» за 1937 г.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СВОБОДЕ

1. Проблемное поле

На стонущем человечестве паразитирует варвар, и имя ему — политик. Машина разграбления — государство, — с его неуёмным аппетитом к территориальной экспансии и власти, проявляет всё больше спешки в своём посягательстве на человеческие тела и души. Быть может, таков нормальный порядок вещей. Если бы только человек мог осознать всю глубину обмана и блефа, жертвой которых он стал! Сколь многие отчаянно всматриваются в горизонт, не желая вливаться в поток предрассудков и тупости, корыстолюбия и откровенного политического надувательства — не расставаясь при этом с надеждой на возможность предотвращения катастрофы! Быть может, условием достижения личной свободы является миролюбивая натура — как знать? И уж наверняка для этого требуется уважать личность своего соседа. Можно ли назвать любовь к свободе инстинктивной потребностью? Или она ждёт пробуждения рационального личного интереса?

2. О свободе

Что есть свобода? Будет ли открытием для многих самозванных либертариев тот факт, что они едва ли понимают как смысл свободы, так и причины возникновения этой концепции? Свобода стала *предметом для размышлений* лишь в силу самой природы личности, которая познаётся лишь в её уникальности. Будь мы все одинаковы и согласны друг с другом во всём, идея свободы никогда не пришла бы человеку на ум, а кроме того — и в этом не приходится сомневаться — *не было бы никакой социальной проблемы*. Поскольку мы разные и не согласны

во мнениях — и поскольку у нас разные вкусы, потребности, желания и убеждения, что служит неустранимым препятствием для всяких союзов, — мы должны быть свободны от посягательств со стороны окружающих. В силу этого важнейшим гарантом свободы *неизбежно* является право дистанцироваться от других. А быть свободным означает быть *независимым* в той степени, в какой этого желает сам человек, или иметь ровно столько независимости, сколько каждый, к своему удовлетворению, находит достаточным с точки зрения взаимной выгоды. Общность? Ах, разумеется! Общность общностью, но лишь с оговоркой, что в основу гармонии человеческих отношений и подлинной солидарности должен быть положен принцип разобщённости. Насколько парадоксально всё это звучит!

3. Безопасность или свобода

Весьма печально, что многие либертарики — если не большинство из них — *путают свободу с экономической безопасностью*. Поэтому, раз уж безопасность, как правило, достигается в группе, *практически каждая панацея*, предлагаемая во имя свободы, подразумевает ту или иную форму монополистического союза — чаще всего речь идёт о некоей монополии на отправление определённых функций государства! Вдобавок, свободу так часто смешивают с уравниловкой, не приемля при этом никакой независимости, как это принято среди социалистов и коммунистов, что такое смешение категорий стало, вопреки их намерениям, подпитывать оппозиционные настроения. Однако, хотя это может показаться не столь очевидным, голая правда заключается в том, что подобные предложения по сути исходят не из либертарной, а скорее из «безопаснической» философии. И довольно скоро выясняется, что на практике это означает вырождение в самые зловещие формы тирании.

4. Индивидуальность или коллективизм

В социальной науке обозначился конфликт между двумя полностью взаимоисключающими взглядами

на мир (или тем, что немцы называет *Weltanschauung*). В основу индивидуализма положен принцип автономии личности, тогда как коллективизм ставит во главу угла групповое мышление. В первом случае говорится о том, что человеку как *таковому* необходимо предоставить максимальную степень личной свободы, а во втором случае — о том, чтобы сделать человека счастливым в рамках какой-либо формы корпоративного бытия; находясь при этом в извечном поиске некой идеальной схемы общественного устройства, те, кто отстаивает эту точку зрения, по своей сути являются организаторами. Стремясь в первую очередь обеспечить материальное благополучие, коллективизм стоит на материалистических позициях, в то время как позицию индивидуалистов, исповедующих безусловную свободу личности, можно было бы назвать — за неимением лучшего термина — спиритуалистической или, быть может, идеалистической.

Индивидуализм не предлагает каких-либо конкретных форм ассоциации и вместо этого утверждает, что любые подобные формы — в той мере, в какой они уважают принцип личной свободы, — должны возникать на основе добровольного согласия участников, то есть исходя из принципов мютюэлизма; что же касается коллективизма, то он подразумевает необходимость круговой поруки, а поиск *форм* людской ассоциации в данном случае неизбежно исходит из неких озвученных взаимных обязательств, как в отношениях между участниками, так и в отношениях между всеми ними и самим коллективом. Такое принуждение к сотрудничеству — то, что мы обнаруживаем во всевозможных разновидностях коммунизма, социализма, синдикализма, кооперативных объединений, национализма и корпоративного государства (которые воплощают в себе не что иное, как всё ту же стадную идею) — находит своих сторонников, прячась под маской человеколюбия. Существует лишь две ментальные установки (и в этом кроется причина фундаментального различия между описанными мировоззренческими системами): коллективизм основан на органическом понимании общества, тогда как индивидуализм подразумевает

анархическую перспективу — и водораздел между ними проходит именно здесь, в вопросе о том, готов ли человек растворить свою индивидуальность в массе. (Было бы ошибкой считать, что все, кто *называют* себя «индивидуалистами», и впрямь разделяют убеждения анархистов. Многие из них преследуют лишь одну цель — оправдывать «демократический» статус-кво в глазах стадного обывателя.)

В этой связи можно отметить некоторые производные тенденции. Когда речь идёт о коллективной деятельности, чем менее подробно расписаны конкретные обязанности, тем более навязчивым и парализующим будет взаимный контроль, что, в конечном счёте, выльется в тотальное взаимное недоверие и приведёт к распаду группы. Любые правительства, схемы государственного устройства и формулы общественной ассоциации (социализм, коммунизм, фашизм и т. п.) суть не что иное, как манифестации стадного инстинкта, призванные подчинить личность так называемому общему благу, и всем им суждено потерпеть крах, как только личность сможет распознать свой собственный потенциал и обрести самоуважение и достоинство, присущие *уникальному* существу. Ибо личность невозможно разрушить, она существовала ещё до того, как возникли всякие институты и формы общественного устройства, она возвышается над ними — и, стоит ей *распознать свой потенциал*, она откажется признавать любые обязательства кроме тех, которые она согласится принять добровольно.

5. Об общественном развитии

Изучая историю человечества, мы не можем обойти вниманием процесс дифференциации. Как экономическая, так и политическая эволюция развивалась в направлении большей децентрализации, несмотря на тот факт, что этому сопутствовало неизменное усиление взаимной зависимости. В рамках общей тенденции акцент смещался от социального положения к договорным отношениям. И любые попытки обеспечить безопасность, *игнорирующие эту тенденцию*, столкнутся с непреодолимыми

препятствиями и не смогут окончиться ничем иным, кроме как сохранением статус-кво. В этом и заключается смысл фашизма, проводимого в жизнь на фоне всё более громких призывов к «коллективизации». Пытаясь бороться с отдельным проявлением зла, общество закрывает глаза на то, что это же зло просачивается на сцену из-за кулис. Вместо того чтобы попытаться *искоренить* монополию, сегодняшние социальные движения пытаются ею *завладеть*, и в этой спешке стираются все различия между политической и экономической сферами. Героем дня становится массовый человек!

Различия между марксизмом (и прочими схемами группового единства) и анархизмом проявляются в том, что в одном случае борьба идёт за удовлетворение физических потребностей человека, а во втором — за освобождение его души. Марксизм по сути своей — это «философия брюха», в рамках которой материальное благополучие ценится выше индивидуальных предпочтений во всём их многообразии, проистекающем из воли к жизни и потребности в самовыражении. Какое же отношение к индивидуальности имеет взаимопомощь, добровольная или принудительная? Никакого, если только она не воспринимается как *средство*. Потребность в ней продиктована стремлением к экономической безопасности, а не к личной свободе. Дело не в том, что анархистов не волнует материальное благополучие — это совершенно не так; однако личная свобода отнюдь не подразумевает ни свободу от заблуждений, ни свободу от брюха. Хотя рабу позволено нагуливать жир, свободный человек *рискует* умереть от голода. Но оставался ли бы такой риск, если бы доступность средств к существованию не зависела от закреплённой законами монополии, неважно — частной или коллективной? И разве они, свободные люди, не предпочли бы объединиться при условии, что это отвечало бы их общим интересам? Нуждаются ли они в *профессиональных* организаторах?

6. Равенство или лидерство

Лишь сходство поддаётся измерению. Однако люди имеют мало сходства друг с другом — все мы разные.

Все рассуждения о равенстве, не учитывающие индивидуальные особенности и способностей, — это пустые слова. Когда дело доходит до конкретных особенностей, люди не равны между собой, хотя это может быть и так, когда речь идёт об их ценности для общества. Для этого и нужна конкуренция, функция которой заключается в том, чтобы взаимно корректировать и уравновешивать социальные силы. Всякая общественная активность сознательно или бессознательно служит подтверждением тому факту, что общественным идеалом является равенство. Однако исключает ли равенство идею лидерства? Едва ли.

Для совместной деятельности необходимы направление и цель. И отбор лидеров является одной из функций разделения труда. Всё обстояло бы точно так же, даже если бы люди были в равной степени наделены способностью к управлению, поскольку любая организация требует согласования усилий. Но и в этом отношении люди не схожи между собой. Кому-то недостаёт инициативности, чтобы отдавать команды и координировать. Впрочем, опять-таки, это вовсе не означает, что эти люди недостаточно ценны для общества. Повторюсь: это компенсируется конкуренцией и балансом спроса и предложения. Разве художники, поэты, изобретатели и прочие пионеры и новаторы будут столь же эффективны, скажем, в решении задач, связанных с управлением промышленным предприятием? Маловероятно.

В свободном обществе каждому найдётся своё место, поскольку человек будет двигаться в том направлении, где его таланты и заслуги будут оценены в полной мере, а если он будет проявлять способность к координации общих усилий, в нём признают рождённого лидера, независимо от конкретной сферы деятельности, в которой он продемонстрирует свои навыки. Из всего многообразия ролей этот человек выберет функции руководителя. Исходя из самого факта всеобщей свободы, он не сможет монополизировать эту функцию, как и не будет он обладать и властью к принуждению, поскольку он сможет руководить лишь теми, кто признаёт его компетенцию. Кроме того, ему придётся выдерживать конкуренцию со стороны

других лидеров, которые смогут подорвать его авторитет, продемонстрировав большее умение в этой сфере. Поэтому коллективная деятельность будет претерпевать постоянные изменения. Ведь свободное общество — это общество изменчивое, и никто не в силах предвидеть те конкретные формы, которые оно сможет принять.

7. Фатализм или свобода воли

Наука постулирует неизбежность, заложенную в саму природу вещей. Она открывает законы, но не изобретает их. Изобретать — значит приспособливать знания к потребностям человека. Однако, судя по всему, люди обладают способностью выбирать. Человеку претит мысль о том, что его воля подчинена судьбе. И такое неприятие, как и сопутствующее ему представление о свободе воли, по всей видимости, имеет под собой реальные основания. Таким образом, проблема человека заключается в том, чтобы примирить свою волю с неизбежностью, а этого можно достичь, только осознав природу последней. Та же проблема возникает в рамках общественных отношений. Лишь самому человеку по силам исследовать и понять те законы, что управляют людскими сообществами, — законы, вознаграждающие личную инициативу, ответственность и гармонию, — чтобы затем применять их в контексте любых *форм* общественных отношений, которые, по его убеждению, будут наилучшим образом соотноситься с текущими целями. Это станет возможным, лишь если мы будем вступать в отношения и дистанцироваться от них по своему усмотрению — то есть при условии личной свободы или, если угодно, анархии. Человек учится путём проб и ошибок, а это возможно лишь в свободном обществе и никогда — коль скоро речь идёт о самостоятельной личности — в обществе, управляемом сверху. Поэтому общественная гармония так и останется недостижимым идеалом, пока будет существовать государство — и его упразднение должно быть конечной целью любых социальных преобразований.

Прогресс подразумевает сглаживание противоречий и общественной напряжённости ради достиже-

ния равновесия и гармонии. Вне всяких сомнений, это *сознательный* процесс, не отмеченный печатью детерминизма. Скорее уж именно вера в целительное провидение — будь то в форме судьбы или некой сверхъестественной силы — тормозит устремлённое вперёд развитие общества.

8. Об экономике

В одном сомневаться не приходится: свобода, как и жизнь вообще, должна основываться на таком экономическом фундаменте, который не будет вступать в конфликт со стремлением личности к независимости. Ибо те, в чьих руках находится экономическая власть, обладают всей полнотой власти, и никакая свобода не достижима при отсутствии свободы экономической — главной из всех свобод. А «коллективное управление» — синоним коллективной тирании. Свобода человека должна реализовываться *ценой его же усилий*. Только невежды *проповедуют* жертвенность, и только кретины пытаются воплотить её на практике.

Как *область научного знания*, экономика затрагивает проблему взаимоотношений между людьми, участвующими в производстве и распределении благ. *Эти отношения должны быть взаимными*, то есть добровольными и заранее согласованными, а *единственной возможной альтернативой* этому выступает произвольное делегирование функций и столь же произвольное распределение по усмотрению правящей верхушки. В этом случае экономическое управление более не соотносится с взаимодействием на основе добровольного договора и переходит в разряд деспотических *капризов*, лишаясь всякой научности или предсказуемости, как и сам ход деятельности, подвергаемой рациональному анализу в контексте социологических изысканий. С точки зрения автора этих строк, никакая из форм коллективизма — включая коммунизм, социализм, корпоративное государство, равно как и монополистический капитализм — не поддаётся рациональному анализу, исходя из принципов, выводимых из экономических законов, поскольку важнейший управляющий

и выравнивающий фактор — конкуренция — в каждой из них полностью или частично утрачивает силу.

В реальной жизни те принципы, действие которых можно ощутить, лицезреть и осмыслить, порождают последствия, противоречивые по своей природе. Поскольку противоречие — нечто фундаментальное и неизбежное, социальная проблема сводится к проблеме *согласования интересов и достижения равновесия. Гармоничный синтез противоположностей достигим лишь при условии личной свободы — только свобода различать желаемые и нежелательные последствия и выбирать между ними позволит решить проблему социальной гармонии.*

Объединение не возникает в силу естественного закона. Само по себе объединение является злом, поскольку оно умаляет свободу, которая, в силу фундаментальной причины, обуславливающей социальную проблему, то есть самой природы личности, подразумевает некоторую степень обособленности. Коль скоро человек сам волен решать, в какой степени он готов поступиться личной свободой, чтобы извлечь для себя выгоду из вовлечённости в общественную деятельность, на его естественную свободу ничто не посягает. А значит, поскольку коллективизм и независимость абсолютно несовместимы, социальная проблема перестаёт быть проблемой организации (или объединения), превращаясь в проблему взаимной выгоды, возникающую только среди свободных людей, которые сами решают, *принимать* им или *отвергать* какие-либо условия. *В свободном социуме эффективность общественного управления зависит не от навязанной системы отношений, а от способности от них дистанцироваться (посредством того же бойкота).*

Конкуренция — могущественная уравнивающая и сглаживающая сила. Выражаясь в давлении добровольных и независимых или полунезависимых производительных групп, которые в совокупности образуют общество кооперации, она регулирует разделение труда, соразмеряет производство, социализирует знание, подстёгивает прогресс и служит гарантией независимости. *С углублением разделения труда управление кооперацией принимает иную форму, чем прямой надзор, и эта форма называется конкуренцией.*

Монополия, как и частная собственность, в некоторых практических областях является злом, то есть сдерживающим фактором производства и одновременно причиной несправедливого распределения благ. Его сущность — исключение, неотъемлемый принцип независимости, однако неразборчивое его применение приводит к ущемлению свободы. *Смысл монополии должен заключаться в сохранении независимости без посягательства на свободу.* Монополия также может возникнуть в ходе естественной реализации экономического закона при условии личной свободы. Однако если и когда это происходит, она неизбежно сталкивается с потенциальной конкуренцией, предотвращающей возможность злоупотреблений. *Законодательная монополия сразу же порождает коррупцию и эксплуатацию.*

9. Частная собственность

Идея частной собственности возникла как неизбежное следствие принципа личной свободы, однако неправомерное распространение этой идеи в тех областях, в которых исходные предпосылки для неё отсутствуют, является главной причиной экономических конфликтов, возникающих в мире.

Частная собственность существует *не потому*, что материальные блага производятся в процессе труда. Она является вспомогательным средством, гарантирующим право на независимость. Труд всего лишь указывает на то, *кто* и *чем* должен владеть. Даже если бы благосостояние (или, говоря иначе, материальное благополучие) могло быть достигнуто без всякого труда и даже если бы кругом царило полное изобилие — несмотря на то, что собственнический инстинкт был бы в этом случае в значительной мере ослаблен по причине всеобщей удовлетворённости, — необходимость в частной собственности по-прежнему никуда бы не делась, потому что *ради обеспечения общественной гармонии при наличии множества точек зрения требуются разделение и независимость.* Общественная собственность и различия во мнениях приводят к неудовлетворённости, принуждению или борьбе.

Люди работают на результат; бремя расплаты за неудачи должно быть возложено на них самих и ни на кого другого. Поскольку в одном месте и в одно время конкретными благами может пользоваться лишь ограниченное количество людей, трудовая составляющая частной собственности необходима для поощрения *инициативы* и призвана гарантировать личную *ответственность*. Чтобы считаться свободным, человек должен быть свободным в том, чтобы поступать сообразно своей воле, хотя и *на свой страх и риск* (то есть отвечая собственной жизнью и собственностью). В условиях общественной собственности льготы и санкции распределяются столь неразборчиво, что это чаще всего выливается во всеобщую безответственность и взаимное недоверие (и ещё чаще — в централизованную или мафиозную тиранию).

Прикрываясь высоким идеалом свободы, коллективная повестка продвигается под предлогом того, что технологическое развитие достигло той стадии, когда можно уже говорить о ситуации полного изобилия для всех. С политической точки зрения такие проекты могут принимать две формы: речь идёт либо о таком общественном устройстве, где проблемы производства и распределения решаются «технократами», то есть по указке сверху в иерархии корпоративного государства, либо о таком, где управление осуществляется снизу, как это видится «анархо-коммунистам», в понимании которых закон экономического распределения выражается лозунгом «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Во втором случае заявляется, что стимулы к производству будут сохраняться, поскольку человек обладает таким избытком энергии, который ему всё равно надо как-то растратить, а ещё и по причине «творческого начала», заложенного в человеке самой природой. Независимо от того, насколько справедливо такое утверждение, оно игнорирует различие между игрой и работой. Работа — это *необходимость*, почти всегда она *утомительна* и продиктована нашими *потребностями*; в то время как игра — это то, чем мы занимаемся *добровольно*, она почти всегда *непродуктивна* и продиктована нашими *желаниями*. Работа должна вознаграждаться

сообразно её результатам, игра же является вознаграждением сама по себе. И сколько бы переодетые эгоисты ни молили языком (в том духе, что «результаты труда принадлежат не индивиду, а обществу»), это различие никуда не денется. Как только нарушается базовый закон *зависимости выгоды от затраченных усилий*, служащий *принципом построения общества*, начинает утрачиваться стимул к производству. В контексте экономических отношений между взрослыми людьми принцип семейного патернализма должен изменить свою полярность. Поистине, коммунизм — это философия для незрелых умов.

10. Обмен: неотлучный спутник разделения труда

Общество развивается через разделение труда, отношения между людьми всё более зависят от того, без чего разделение труда было бы невыносимо, — от Обмена. Тот, кто контролирует выпуск платёжных средств или условия их выпуска, контролирует то, как складываются наши взаимоотношения, диктует тот способ, посредством которого осуществляется обмен (то есть кооперация) между нами, и даже санкционирует подобный обмен. Посредством такого контроля у нас не только отнимаются плоды нашего труда, но и происходит монополизация земли и всех прочих ресурсов в интересах финансистов.

С точки зрения кооперации изобретение денег и, в особенности, денег кредитных, несомненно, является одним из величайших открытий. По всей видимости, без этого было бы невозможным хоть сколько-нибудь глубокое разделение труда, даже при условии всеохватного государственного контроля над промышленностью, поскольку и в этом случае потребовалось бы что-то подобное, чтобы управлять производством и регулировать потребление.

Государства всегда отдавали народ на откуп финансовым головорезам — будь то прямо или опосредованно. От этого существует только одно лекарство — предоставить любому человеку или группе людей возможность свободно выпускать собственную

валюту и кредитные инструменты и использовать их для расчётов с кем угодно при условии, что те выражают своё добровольное согласие на то, чтобы обменивать их на материальные блага. И вследствие этого, посредством неограниченной конкуренции между финансовыми институтами, имеющими самую разную репутацию, те из них, кто не сможет завоевать всеобщее доверие, будут вытеснены, *а ссудные, то есть отягощённые ссудным процентом, деньги, как и сопутствующая ростовщическая власть, распространяемая на всё, что можно купить*, уйдут в прошлое. Коль скоро банковская монополия охраняется законодательно, какую бы форму она ни принимала, она никогда не достигнет той же цели — в силу самой природы вещей.

Возможно, одна из величайших угроз личной свободе исходит от всевозможных полоумных схем проведения денежных реформ, педалируемых государством с тех самых пор, когда философия свободы (именуемая анархизмом) была дискредитирована некоторыми благонамеренными ревнителями от филантропии, которым давно уже следовало бы усвоить для себя смысл пословицы «благими намерениями вымощена дорога в ад». Однако если человек не в состоянии осознать могущество, которым наделены деньги, равно как и их полезность и необходимость, или не способен понять, что решение монетарной проблемы должно предшествовать всем прочим решениям для едва ли не каждой фундаментальной проблемы нашего общества, он демонстрирует вопиющую степень невежества и не стоит ожидать, что он сможет внести хоть сколько-нибудь ощутимый вклад в дело обретения человечеством социального благоденствия и всеобщего счастья, — такой человек предстаёт не просто смехотворным утопистом, но и невольным пособником реакционных сил в глазах тех, кто со всей серьёзностью изучал проблему личной свободы в условиях кооперации.

11. О стоимости

Представление о стоимости могло возникнуть только в процессе обмена. Когда два человека собираются

совершить обмен, они субъективно *оценивают* относительную стоимость сопоставляемых предметов. Если они приходят к соглашению по поводу курса обмена, эти предметы становятся мерилom стоимости друг для друга. *Стоимость любой вещи измеряется относительно того, что вы можете за неё получить.*

Говорить об общественной стоимости можно только в условиях рыночной экономики, основанной на товарообмене, только в условиях конкуренции и только при существовании частной собственности. Вещь наделяется стоимостью лишь тогда, когда она находится в чьей-либо *собственности*, и она должна обладать *практической ценностью* в глазах того, кто может предложить в обмен на неё что-то ценное с точки зрения другой стороны.

Стоимость — *субъективная величина*; она измеряется психологически, исходя из соотношения между *желательностью и нежелательностью*. Их интенсивность обусловлена множеством факторов, и именно изучение этих факторов и их влияния на человеческую психологию — а значит, и опосредованного их влияния на механизм распределения благ — составляет предмет экономической науки в её самом фундаментальном смысле.

Труд не является определяющим фактором стоимости. Вещь может обладать стоимостью, даже если владение ею не предполагает никакого труда. Но когда и поскольку в игру вступает *свободное производство*, труд *становится* одним из факторов стоимости. Стоимость определяется на основе свободного соглашения, сопряжённого с нетривиальным процессом уравнивания желательности (практической ценности) и нежелательности (труда) при участии каждой из вовлечённых сторон.

Как правило, стоимость не является хорошим критерием для определения цены. По справедливости, цена на товары и услуги должна определяться исходя из трудозатрат. Труд «измеряется» сообразно со степенью его непривлекательности (и вовсе не в зависимости от затраченных времени или энергии, поскольку и то и другое является лишь дополнительным фактором для оценки степени непривлекательности) и с величиной его полезности пропорционально выгоде. При условии

свободного доступа к природным ресурсам и всем современным ноу-хау, а также при условии равенства в том, что касается использования средств обмена безотносительно к ограничениям, связанным с государственными границами, равно как при сохранении права использовать любые доступные деньги или кредитные инструменты к удовлетворению каждой из сторон, короче говоря, *в условиях свободной экономики стоимость неуклонно снижается, приближаясь к величине затрат на производство*, и в таком случае можно говорить о том, что стоимость вещи измеряется согласно *полезности труда*, затраченного на её производство.

Стоимость вещей невозможно установить в процессе их производства. Фактор полезности определяется лишь в ходе обмена, когда стоимость тех или иных вещей вычисляется на основе взаимной договорённости. По сути, о стоимости как о чём-то конкретном можно говорить лишь при наличии *как минимум двух совпадающих мнений* — мнения производителя товара и его потребителя.

Стоимость вещей «определяется обществом» *только* под влиянием конкуренции, то есть *при участии множества* производителей данной вещи и множества покупателей, заинтересованных в её приобретении. Об «общественном определении» стоимости не может быть и речи, когда товар производится в условиях монополии, ведь в таком случае конкуренция, которая делала бы всеобщим достоянием те преимущества, что вытекают из повышения эффективности производства, сводится на нет. Денежная стоимость (цена) может расти или падать в зависимости от спроса и предложения, в силу чего меняется и размер вознаграждения, причитающегося производителям, и поэтому они всегда тяготеют к наиболее привлекательным рынкам, стараясь соответствующим образом скорректировать линейку предлагаемых ими товаров, а это приводит к более эффективному перераспределению производственных мощностей сообразно с потребностями общества и, при содействии конкуренции, к установлению справедливого размера вознаграждения за производительный труд.

Стоимость постоянно колеблется в силу изменения потребностей (привычек, обычаев, мнений и т.п.) и технологического прогресса, что отражается на способности достигать поставленные цели. *При условии свободы* соблюдается правило: при снижении затрат человеческого труда уменьшается и стоимость произведённой продукции.

Можно составить некоторое представление о том, насколько сложно рассчитать стоимость, приняв во внимание некоторые из влияющих на неё факторов: сырьё, субъективные суждения, риск, время, энергию, личные предпочтения (нужно учитывать личную инициативу и ответственность, ведь от них зависит качество оказания услуг) — всё это определяет стоимость с точки зрения производителя (то есть с точки зрения труда или с учётом фактора нежелательности); уровень дефицита, эстетические соображения, личные и общественные ожидания, половые различия, индивидуальные амбиции, сложность подделки, потребительские предпочтения, привычки, традиции, мода, религия, время, место, климат, топография, долговечность и т. п. — всё это определяет стоимость с точки зрения потребителя (то есть с точки зрения полезности или с учётом фактора желательности).

Нужно в достаточной степени осознать значение и влияние факторов, которые *необходимо* учитывать при определении стоимости, чтобы понять характер пропорционального распределения, осуществляемого в условиях свободной конкурентной экономики. Можно с уверенностью утверждать, что именно влияние законодательных ограничений на экономику является главной причиной существования неравенства и эксплуатации человека человеком.

12. О законе и государстве

Столь плачевным своим состоянием наше общество обязано ничему иному, кроме как законодательно охраняемой монополии, подавлению конкуренции со стороны правительства, законам, законам и ещё раз законам и, конечно, правительству — как ещё можно

донести эту избитую истину до всех тех скудных умов, что без устали требуют введения всё новых законов, запретов и цензуры. Во имя Закона и Государства! Поразмыслите над природой этих афер. Личная свобода или закон и централизация: в этом — зерно тех проблем, с которыми столкнулось человечество, и предмет, достойный самого пристального изучения, поскольку выбор остаётся за самим человечеством. Что же касается социума, пожалуй, самый яркий из всех афоризмов принадлежит Прудону:

Свобода — не дочь, а мать порядка.

Полезно иметь в виду, что *любое поползновение к тому, чтобы препоручить государству заботу о человеческой судьбе, лишь ускоряет ход событий и приводит к тому, что сегодня мы называем Фашизмом*. И, на мой взгляд, этому отнюдь не препятствуют те филантропы, что предлагают в виде решения коммунизм, ожидая при этом, что поставленная ими цель будет достигнута с помощью «революции», в ходе которой они рассчитывают «захватить средства производства». В отсутствие чётко сформулированных целей на ближайшее будущее, но ускоряясь при этом на волне всеобщего оппортунизма, текущий ход событий вызывает нешуточную тревогу. Ибо, несмотря на то, что надежда на лучший исход остаётся при любых обстоятельствах, как показывает история, дело всегда может принять оборот куда более зловещий.

13. Анархизм

Общество всегда находится в процессе становления — этот процесс также можно было бы назвать «организацией». Анархизм — это не состояние, но *сила или тенденция*, направленная к обретению свободы по мере этого становления. Можно сказать, что *анархия* — это *состояние свободы*, к обретению которого стремится общество, тогда как *анархизм* следовало бы считать *динамической силой*, неустанно подталкивающей его в этом направлении. В свете этого следующее выражение

приобретает большую вразумительность и ясность: «Хотя сегодня у нас меньше свободы, чем было вчера, но зато теперь прибавилось анархизма».

Утопист — это тот, кто пытается добиться чего-то, не обладая полнотой знания о сопутствующих фактах. Как правило, утопист желает достичь некоего *состояния* — ему хочется, чтобы общество «прибыло» в некую конечную точку. Многих, если не всех, анархистов *действительно* можно назвать утопистами, и это во многих отношениях справедливо. Однако анархизм не является утопичным, как и не является он «научным», разве что будучи понятым как метод; *анархизм — это данность*. Анархизм — это сила, импульс, инстинкт (называйте его как угодно), направленный на освобождение личности от массового контроля.

В каком-то смысле — и это печальный факт — анархизм не является и не когда не станет *массовым движением*. Главным источником его силы всегда будет меньшинство, и чем прогрессивнее, тем малочисленнее оно будет. Человек с массовым сознанием — чаще всего вредитель и деспот. Черты последнего ясно прослеживаются в сегодняшних диктатурах, истязавших человеческий дух и искоряющих любые зачатки надежды, дерзаний и энтузиазма. Каждый демагог считает себя альтруистом, суля утешение массам — этим скептическим поборникам альтруизма.

Очевидно, что идеал анархизма, сообщества добровольного, недостижим посредством насилия или междоусобной войны (ибо всё это чуждо анархии как таковой), однако на пути к этой цели неизбежно придётся преодолеть периоды мятежа и изжить преобладающие нравы и нормы. Освободительная революция — это революция духа, осуществляемая при условии и по мере того, как человек пробуждается, чтобы утвердить себя *в качестве человека*, то есть Сверхчеловека, возвышающегося над любыми его предками, когда-либо населявшими эту планету. Впрочем, материалисту всё это покажется непостижимой метафизикой.

Анархисты практически в любой ситуации остаются оптимистами, ибо они всегда будут осознавать, что,

какими бы ни были текущие обстоятельства, пространство свободы всегда можно *расширить*.

14. О коммунизме

Тут мы имеем дело с такой «наукой», эффективность которой на практике подтверждается с помощью пистолетов, штыков и тюрем. Как и упразднением Великой хартии вольностей, которую удалось выторговать у короля лишь по истечении долгих лет и по итогам массовых судебных расправ и жёсткого противостояния. Надо полагать, *предмет нашей дискуссии* имеет «буржуазный» характер, как и многие из тех прогрессивных достижений нашего общества, что были отвоёваны ценой кровавых жертв!

Неоправданность объединения как принципа построения общества со всей очевидностью проявляет себя даже на таком элементарном примере, как институт брака. Законный или церковный брак является формой взаимной монополии, которая нередко оказывается вынужденной, а значит, тиранической. Точно так же дело обстоит со всеми принудительными союзами. Единственный «выход» заключается в том, чтобы дополнить принцип объединения возможностью отделения, а заодно сделать так, чтобы свобода и конкуренция (естественный отбор) стали руководящими силами в обществе.

Возводить коммунизм, или практику случайного распределения вознаграждений и наказаний, в ранг *экономических принципов* означает ставить невежество в один ряд со смекалкой. Это приведёт к появлению новой формы аристократии, довлеющей над всем обществом, — аристократии невежества. Ещё одно доказательство в пользу того, что коммунизм — это философия невежд. Впрочем, у этой идеи есть и одно преимущество, которое заключается в том, что таким аристократом можно будет стать без особых хлопот. В итоге бессознательная цель общества — равенство — будет и в самом деле достигнута, однако выравнивающий вектор будет направлен ВНИЗ. Не приходится рассчитывать на спасение мира путём замены одной формы паразитизма на другую.

«Права» *даруют*, а «обязанности» — *возлагают*. Рассуждать в терминах прав и обязанностей — значит мыслить в категориях власти. Остерегайтесь демагога, рассуждающего о ваших правах, ибо вскоре он с готовностью начнёт возлагать на вас обязательства.

Уничтожив личность, ты уничтожишь и общество; но если завтра общество будет рассеяно, личность никуда не денется. Когда же стадный инстинкт и все вытекающие из него политические предрасудки, наконец, выветрятся из людского сознания?!

К ВОПРОСУ О «ЛИГЕ ЛИБЕРТАРНЫХ СОЦИАЛИСТОВ»

[Ответ на критику Мельхиора Сила в отношении «Манифеста», изданного Лигой либертарных социалистов (см. выпуски «Ман!» за декабрь 1938 г., февраль 1939 г. и апрель 1939 г.)]

Что в имени — или — много шума из ничего

Как пишет Шопенгауэр в одной из своих работ, судить о том, насколько удовлетворён человек своей судьбой, можно по тому, на что он жалуется. Я вспомнил об этом афоризме, когда мне на глаза попалась критическая статья Мельхиора Сила, писателя весьма способного, выпущенная в ответ на манифест Лиги либертарных социалистов. В своей статье Сил, очевидно, задался целью объяснить, что смысл анархии заключается в том, чтобы безмятежно плыть по течению. Однако в контексте обсуждения того, можно ли считать членов этой лиги анархистами, были озвучены довольно интересные мысли. Быть может, выбранное ими название, со всей его двусмысленностью, куда лучше характеризует их, чем ярлык «анархистов». Впрочем, как бы то ни было, в этой статье я не собираюсь дискутировать на сей счёт, а вместо этого хотел бы прокомментировать содержание первого пункта их манифеста, касающегося организации, проблеме которой господин Сил освещает весьма подробно.

Как признаёт Сил, для большей ясности было бы полезней использовать термин «организация» в отношении авторитарных форм объединения, а объединения добровольные называть «ассоциациями». Впрочем, эту терминологию необходимо согласовать со всеми участниками данной дискуссии. Совершенно ясно, что в подлинно анархическом обществе «организация» — в трактовке, предложенной Силом, то есть когда люди приравниваются к неодушевлённым предметам, которыми, подобно пешкам, по своему усмотрению помыкают сверху, — не сможет и не будет

существовать. Однако несмотря на то, что в данный термин чаще всего вкладывается именно этот смысл, довольно очевидно, что члены лиги не подразумева-ли ничего подобного, хотя в дальнейшем им скорее всего пришлось бы использовать этот термин именно в таком значении. Было бы не вполне справедливо приписывать этой лиге авторитарные черты, исходя из одних лишь формулировок, содержащихся в их манифесте. Дело, однако, в том, что он едва ли допускает осмысленную интерпретацию. По итогам всех дискуссий, о содержании которых мы можем только гадать, их конечный итог — манифест — представляет собой лишь немногим большее, чем набор двусмысленных обобщений, достойных профессиональных политиков и, похоже, демонстрирующих интеллектуальное бесплодие его авторов, а что касается постороннего читателя, то он волен трактовать его так, как ему вздумается. Критика подобного текста требует настоящей отваги. На мой взгляд, Силу можно поставить в заслугу его попытку избавить анархический дискурс от пустопорожней бессодержательности тезисов, с которыми мог бы согласиться кто угодно, даже Рузвельт.

При этом необходимо найти ответы на самые насущные вопросы: кто и что должен делать, когда, где и как? Создаётся впечатление, что авторы манифеста даже не в курсе их существования; Сил пытается их обойти, но безуспешно, даже когда он переключается на обсуждение «ассоциации». Было бы куда полезнее, если бы он объяснил различие между тем, как распределяются функции в «организациях» и «ассоциациях». Однако Силу не удаётся уйти от этих вопросов, когда он заявляет, что речь идёт об организации вещей, а не людей. Вещи, то есть продукты и средства производства, не существуют отдельно от людей. Лишите человека произведённых им вещей и его машин — и вскоре вы останетесь ни с чем; связь между людьми и вещами, необходимыми для жизни, вполне естественна и неизбежна, а значит, неизбежен и союз между людьми и вещами. А если вещи нужно организовывать, я утверждаю, что и люди, владеющие или управляющие этими вещами, будут также организованы.

Полемика между Силом и Лигой сводится к его критике манифеста, лишённого содержания и сулящего что угодно, причём его авторы упорно уклоняются от использования слова «анархизм», а слово «организация» означает для них инструмент достижения своего идеала. Действительно, в тексте манифеста нет больше практически ничего, что поддавалось бы критике. Все важные проблемы он обходит молчанием.

Как отмечает Сил, стадное сознание мыслит в терминах толпы, словно отдельная личность существует лишь для того, чтобы состоять в организациях, группах, союзах и кооперативах. И независимо от того, принадлежит ли человек к «ассоциации» или «организации», он свободен лишь в том, чтобы идти на уступки. Он обязан учитывать интересы окружающих; он должен идти на компромиссы, чтобы приобрести что-либо взамен. Он может быть вынужден делать что-то против своей воли, чтобы получить что-то, чего он желает. Он будет действовать тогда, когда суммарная удовлетворённость превысит суммарную боль. Волеизъявление отдельной личности будет абсолютно свободным только в том случае, когда человек одинок и не зависит ни от кого. Поэтому в самых экзальтированных текстах — особенно в тех, где высказываются либертарные идеи, — мы раз за разом находим примеры умышленного уклонения от основополагающих проблем или их поверхностного рассмотрения. Мне кажется, главную трудность представляет здесь то, что практически во всех подобных случаях авторы пытаются отыскать или сформулировать некий общий принцип организации (или ассоциации) применительно к социуму. А с другой стороны, как мы видим на примере господина Сила, есть те, кто осознаёт, что без потери свободы данную задачу решить невозможно, и впадают в другую крайность, вообще отвергая организацию как принцип, необходимый для построения общества и выводимый из него. Похоже, оба лагеря столкнулись с неразрешимой загадкой.

Независимо от того, говорим ли мы об «ассоциации» или «организации», возникают всё те же вопросы:

кто и что должен делать, когда, где и как? В контексте социума вообще эти вопросы решаются с помощью конкуренции. Однако для совместной деятельности требуются другие методы.

В качестве первой аксиомы социологии следует признать, что социальная проблема встаёт перед нами только после возникновения разногласий. Если стратегия действий согласована, людям не нужно решать проблемы взаимоотношений, то есть социальная проблема, которую можно было бы противопоставить проблеме технологической, отсутствует. Социальная проблема, по сути, сводится к поиску метода улаживания противоречий и выработки консенсуса. В природе не существует универсального способа урегулирования разногласий, за исключением самой крайней меры — согласия не соглашаться. А в отсутствие универсального метода единственный выход — действовать независимо, а не сообща. Именно это и проглядели многие известные анархисты. Наиболее видные исключения в этом смысле — Прудон, Штирнер и Уоррен. А независимая деятельность, при которой преимущество отдаётся мютюэлизму или товарному обмену на основе свободного договора, подразумевает конкуренцию. Лишь когда отдельная личность или группа людей может действовать исходя из своих предпочтений, а другие личности и группы — исходя из своих, участвуя в обмене в условиях свободного рынка, наилучшие методы — то есть те, которые гарантируют максимальные объёмы и качество при минимальных затратах, — будут неизменно вытеснять менее эффективные методы, отправляя их на свалку истории. Поэтому конкуренция, если она свободная, в самом широком и общем контексте (то есть в рамках всего социума) стимулирует взаимное сотрудничество. И в этом же заключается ответ всем социалистическим недоумкам, предлагающим объявить конкуренцию вне закона ради построения «кооперативного содружества» или иной разновидности плановой экономики. Достаточно всего лишь пять минут побеседовать с коммунистами и прочими коллективистами, жаждущими отменить частную собственность (безоговорочно) и свободный

обмен (в пользу «свободного распределения»), чтобы понять, насколько высоко они ценят личную свободу.

Будут ли в свободном обществе коммунистические ассоциации? Вполне возможно. А как насчёт трудовых синдикатов, контролирующих производство и сбыт через своих представителей? Почему бы и нет. Акционерные общества? Скорее всего. Частные предприятия? Наверняка.

Но свободное общество не тождественно обществу коммунистическому, синдикалистскому, акционерному или любому другому, построенному на основе какой-либо условленной организационной формы. Напротив, оно будет включать в себя всё мыслимое многообразие форм.

Сможем ли мы понять, что имеет в виду человек, утверждающий, что в самом широком смысле он является анархистом, а в более узком — монархистом, сторонником олигархии, аристократии, демократии и т. п. вплоть до плутократии? Подразумевая при этом, что хотя он и желал бы установления анархии в обществе в целом, но не имеет конкретного плана в отношении лиц, готовых к добровольной самоорганизации, то есть искренне считает, что любые их планы достойны реализации?

Например, на всеобщем собрании не помешало бы назначить председателя и делегировать ему абсолютные полномочия в том, что касается назначения спикеров, контроля продолжительности и графика выступлений и необходимости следить за тем, чтобы каждый выступающий придерживался заявленной темы. В противном случае, скорее всего, начнётся вавилонское столпотворение. Разумеется, этого председателя необходимо выбирать, исходя из его рассудительности, честности и чувства такта, как и готовности соблюдать заранее установленные правила.

Опять же, почему бы право решающего голоса не предоставить богачам, то есть тем, кто рискует своим имуществом, вкладываясь в любое предприятие? Конечно, следует оговориться, что в данном случае под имуществом следует понимать лишь то, что нажито законно, то есть результаты трудов или их эквиваленты, полученные в процессе свободного обмена. По справедливости,

тот, кто оплачивает банкет, волен и выбирать музыку. А тех, кому эта музыка не по вкусу, силой никто не удерживает.

Аристократия может означать, что решения принимаются мудрейшими представителями общества, а демократия — что власть принимать решения делегируется большинству, и так далее.

Эти примеры должны проиллюстрировать, что подразумевал Прудон, заявляя, что принципы отменить невозможно и что проблема лишь в том, чтобы постичь философию вещей — то есть понять, когда, где и как работают эти принципы. Ему же принадлежат слова о том, что ассоциация не продиктована неким органическим законом, то есть обществу не предписана какая-либо конкретная форма организации. Всякий принцип может быть обращён и во вред, в зависимости от того, как, когда и с какой целью он применяется. То, что в одних обстоятельствах будет благом, в других может быть совершенно неуместно.

Человечество уже испробовало монархистские, иерархические, представительские и иные способы организации, призванные упорядочить процесс принятия решений. Все они применимы в зависимости от природы задач, стоящих перед обществом в данный момент, а также от времени и средств, доступных для их решения. К примеру, кажется весьма очевидным, что коль скоро речь идёт о способности достигать поставленных целей, наибольшую эффективность демонстрируют монархическая или диктаторская формы организации. Их недостаток лишь в том, что в вопросах того, что и как следует делать, мнение самих исполнителей никак не учитывается, поскольку такие решения принимать могут только диктаторы. Здесь мы имеем дело с самыми чистыми формами рабства, полностью игнорирующими предпочтения организуемых людей. Было бы грубой ошибкой воспринимать подобные методы как принципы построения социума, а не как способы организации, каковыми они являются в действительности. В основе любого применения этих методов мы находим склонность уподоблять человечество стаду — мнение, положенное в основу коммунизма

и любого государственного устройства. Таким образом, государство «воплощает в себе принцип угнетения отдельной личности или группы людей, полагая себя представителем или повелителем всех, кто населяет ту или иную территорию». Иными словами, государство, по собственному или всеобщему мнению защищающее коллективные интересы, всегда пыталось организовать социум, отождествляя людей с «вещами», и этот процесс Сил наглядно объяснил в своей работе. Однако общество не нужно организовывать, ему нужно лишь предоставить свободу. А что касается людей, то они могут организовываться сами, исходя из любых принципов или их комбинаций, по поводу которых они смогут прийти к согласию.

На мой взгляд, было бы грубой и непростительной ошибкой пытаться отыскать универсальные принципы для всего социума. И в то же время, именно эту задачу и ставят перед собой 99 реформистов и революционеров из 100. Возможно, коммунизм, синдикализм и прочие схемы, основанные на государственном управлении, действительно отвечают интересам тех, кто предлагает реализовать их на практике, однако схемы эти оказываются поистине тираническими, когда их пытаются распространить на всё общество в целом. Мютюэлизм — это способ координации отношений обмена между отдельными личностями или группами, каждая из которых может избрать ту форму организации, которую считает удобной лично для себя, однако способ этот не предполагает всеобщей принудительной организации или ассоциации. Уже по определению анархическое общество будет строиться на принципах мютюэлизма, не являясь при этом коммунистическим, синдикалистским или каким угодно иным социумом, основанным на любой отдельно взятой форме экономической организации.

Я убеждён, что сказанное мною способно пролить свет на природу проблемы, с которой сталкивается общество в своём стремлении к свободе. Загвоздка в том, что те формы промышленной организации, что существуют на сегодняшний день, не вызывают никаких нареканий, и вопросы возникают лишь в том случае,

если какую-нибудь отдельную из этих форм пытаются распространить на такую организацию, как государство (в том смысле, в котором это понятие используется в данной статье). Экономическая составляющая социальной проблемы не затрагивает вопроса о формах организации, а касается лишь отношений между людьми и природными ресурсами, а также обмена произведёнными ими товарами. Иными словами, она касается проблемы земли и денег (кредита).

В отличие от муравьёв или пчёл, людям не свойственно действовать, полагаясь на одни лишь инстинкты и полностью исключая рассудок. Они не подобны роботам, как и не похожи они между собой и имеют разные предпочтения, потребности, мнения и способности. В контексте организации, или ассоциации, наименее способные в силу самой своей природы будут с готовностью подчиняться более способным. Для большей ясности не будет лишним обсудить проблему «равенства», туманные отсылки к которой мы находим в работе господина Сила. Нет никакой заслуги в том, чтобы отрицать бесспорные биологические факты. {Я вовсе не желаю, чтобы это заявление превратно истолковали как проявление расизма с моей стороны, и говорю здесь лишь о различиях между людьми вообще.}

На основе негласного или письменного договора и с помощью тех механизмов, что будут сочтены подходящими, на более способных будут возложены такие функции, которые предполагают доверие, ответственность и готовность управлять. На мой взгляд, это должно быть достаточно очевидно для каждого, кто не готов слепо отрицать насущные, жизненные факты. Какими должны быть эти механизмы — личные предпочтения, голосование большинства, единогласное решение или что угодно ещё, — вам не скажет ни один анархист. Если же он не желает признавать какие-либо из этих методов, он заходит слишком далеко и переступает черту, за которой свобода обростает некими условностями. И если я правильно понимаю господина Сила (а в противном случае я выражаю надежду на то, что он меня поправит), по моему мнению, он заблуждается, отказываясь признавать в иерархической форме ассоциации

допустимый принцип коллективного действия в анархическом обществе. Господин Сил совершенно справедливо критикует иерархию как принцип построения общества; однако отвергая её как принцип, который, вероятно, найдёт достойное применение в контексте добровольного объединения людей, на мой взгляд, он совершает грубейшую ошибку. Что касается Сталина, Муссолини, Гитлера или Рузвельта, то никого из тех, кто готов подчиняться им по собственной воле, упрекнуть не в чем; возмущение вызывает лишь то, что эти диктаторы претендуют на то, чтобы говорить от имени всего народа или каждого его представителя, включая и автора этих строк, — обнажая своё невообразимое лицемерие, тупость и, что хуже всего, бандитизм, когда они намереваются обратить всю военную мощь государства против тех, кто не разделяет их взгляды. То же самое можно сказать и о схемах, реализация которых предполагает принуждение со стороны государства, — иначе как преступными эти замыслы не назовёшь.

Любая форма ассоциации является деспотической, если человеку не позволяется дистанцироваться от неё по своему усмотрению; никакая форма организации не является деспотической для того, кто участвует в ней добровольно. Кому какое дело до того, как должны поступать другие? Мыслить логически — значит уметь рассуждать конкретно, а также осознавать, когда подобная конкретизация является неуместной или излишней. Отсутствие конкретики делает манифест Лиги либертарных социалистов слабым и несостоятельным.

*Опубликовано в шестом выпуске
журнала «Ман!» 20 июня 1939 г.*

АНАРХИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ (ЗАМЕТКИ ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО МАНУСКРИПТА)

1. Сколь героическую миссию возлагает на себя радикал! Разве не пытается он побудить людей мыслить о материях, доставляющих им дискомфорт? Изменить образ мыслей другого человека — задача поистине титаническая. Пробудить от апатии чувство самоуважения и независимости человека, достигая при этом неосязаемых результатов. Мало того, разве не должен бунтарь всколыхнуть инертную социальную — или, может быть, *асоциальную* — массу, развенчать предрассудки, укоренившиеся в сознании людей? Невзирая на то, что тем самым он может навлечь на себя не только глубокую ненависть «властей предержащих», но и проклятия со стороны тех самых невежд, ради которых он так старается. Таков удел анархиста. Сложность распространения идей индивидуализма вызвана прискорбным нежеланием людей полагаться на собственные силы и брать на себя ответственность, равно как и преобладанием коллективистских¹ установок в сознании общества. Воздух пропитан патернализмом. Умы наших современников захвачены столь же легковесной, сколь и коварной идеей альтруизма, а эгоизм объявлен вне закона.

¹В настоящей статье под коллективизмом понимается форма организации, основанная на принуждении к сотрудничеству.

2. Революционной философии, приправленной сентиментализмом, куда проще вербовать сторонников, чем весомой доктрине, сформулированной твёрдо и сухо. Наибольшую проблему для анархического движения представляет количество энтузиастов, идеалистов и утопических мечтателей в его рядах. Чаяния людей, подпитывающих свои надежды бесплодными фантазиями, предпочитая их чёткому пониманию жизнеспособности

идеи личной свободы, можно объяснить естественным для человека влечением к свободе.

Всеобщее пренебрежение к вопросу конкуренции проистекает из уверенности в её антисоциальной природе. Считается, что конкуренция сеет раздор, приводит к обнищанию неспособных и позволяет избранным сконцентрировать в своих руках богатство и власть. Однако по итогам тщательного анализа выясняется, что подобный взгляд представляет собой не более чем причудливую инверсию истины.

Философия конкуренции

1. Прогресс в первую очередь подстёгивается ленью, любопытством, неудовлетворённостью и страстью, а также конкуренцией. Каждым изобретением и ноу-хау мы обязаны извечному людскому желанию увильнуть от работы. В основе всякой экспериментальной науки лежит человеческое любопытство. Неудовлетворённость и страсть, возникающие из опыта и воображения, служат катализатором для всяких реформ. Конкуренция воплощает собой стремление человека достичь совершенства, дабы снискать почтение и покровительство.

2. Экономические и социальные постулаты анархизма до такой степени завязаны на принцип соревновательности, что без неё попросту невозможно рассуждать о личной свободе и свободной конкуренции. Фактически, анархизм предполагает столь широкое применение конкуренции, что есть все основания считать её ключевым элементом всех анархических практик. Разумеется, среди участников любого движения есть люди, в сознании которых избитые фразы и революционные слоганы заменяют идеи. В социалистической литературе время от времени предпринимались попытки дать научные определения используемым терминам. Однако в таком случае стала бы слишком очевидна абсурдность, увы, присущая этой идеологии. К примеру, можно выделить коллективистов особой политической масти, на которых слово «кооперация» действует успокаивающе, тогда как слово «конкуренция» приводит их

в иступление. Кооперация означает совместную деятельность. Однако люди вступают в кооперацию по множеству причин. Они могут кооперироваться для того, чтобы обирать других, подобно тому, как это делают сегодняшние фирмы. Или даже для того, чтобы убивать других людей на войне. Люди могут сотрудничать добровольно, или их можно принуждать к сотрудничеству. Очевидно, можно говорить о методах кооперации — добровольных или принудительных, а также о целях кооперации — агрессивных или неагрессивных. Люди могут добровольно сотрудничать как с целью нападения, так и в целях обороны. Аналогичным образом, их можно принудить к сотрудничеству для того, чтобы осуществить вторжение или противостоять ему. В свете этого становится очевидной нелепость слепого почитания «кооперации». Всё зависит от её целей и способов.

3. Доктрина анархизма постулирует, что каждому человеку положено столько свободы, сколько возможно, при условии равнозначной свободы для всех. Это исключает вторжение, под которым анархисты понимают любое насильственное ограничение свободы.

4. Конкуренция означает усилие, прилагаемое двумя или более людьми к тому, чтобы удовлетворить потребности других наилучшим образом. Конкуренция агрессивна не в большей степени, чем кооперация, поскольку победитель любого открытого конкурентного состязания *не посягает на личную свободу* остальных его участников. Только когда речь идёт об ограничении свободы других, то есть в случае *насильственного подавления* конкуренции, такое поведение может считаться агрессивным. (Ибо такое посягательство не позволяет никому, кто уверен, что он может наилучшим способом решить стоящие задачи, доказать свою правоту — на свой страх и риск.)

5. Анархизм ставит перед собой цель упразднения навязанной власти, опирающейся на политическое насилие, то есть, собственно, государства. Свободное общество основано на естественном отборе,

а в условиях анархии свобода выбора (в том, что касается производства и обмена, интимной жизни и всех коллективных начинаний и форм ассоциации) принадлежит самим людям, а не политическому органу, силой проводящему в жизнь свои предписания. В будущем, каким оно видится анархистам, каждая общественная организация или институция должна будет доказать своё право на существование, исходя из степени добровольной поддержки со стороны всего общества и в условиях гармоничного сосуществования с другими свободно конкурирующими индивидами или группами. В ожидании того времени, когда общественные условия и человеческий интеллект достигнут достаточной зрелости, чтобы изжить хищнические и антисоциальные инстинкты, ничто не мешает анархистам применять свою доктрину для создания ассоциаций с целью самообороны.

Когда необходимость коллективной самообороны становится очевидной, некоторые люди могут предлагать свои услуги тем, кто готов за них платить. Однако когда потребность в защите от коллективных угроз не очевидна, логично ожидать, что недостаточный спрос приведёт к снижению числа добровольцев, а выживание самих защитников может оказаться под вопросом; следуя той же логике, всевозможные организации будут появляться и исчезать сообразно с потребностями здорового общества. Выражения агрессии менее всего вероятны в тех случаях, когда организации в своей деятельности опираются не на принудительное налогообложение, а на добровольный договор с их участниками, который может быть немедленно расторгнут в тот самый момент, когда, по какой угодно причине, он будет сочтён дискриминирующим или невыгодным. Человек учится на личном опыте — методом проб и ошибок, а для этого необходима свобода, а не режим принуждения и закона. Ибо всегда и везде закон представлял собой закостенелую систему предписаний и норм, которые неизбежно служат тому, чтобы сохранять привилегии и власть избранной клики.

Действительно, анархисты разделяют веру в то, что человек способен вести себя достойно без всякого

принуждения, и считают тщетными любые попытки переубедить невежественных людей, которые *возводят в принцип* врождённую безнравственность человека, равно как и его тупость и неготовность добровольно поддерживать какую-либо институцию ради своего же блага. Общество, устроенное по науке, допускает самый широкий простор для личной инициативы и экспериментирования, исключая при этом возможность монополизации науки бюрократическим официозом. Свобода не нуждается в чиновниках, поскольку не предполагает никаких чинов.

6. Никакая наука об обществе не может обойтись без чёткого разграничения между защитой и агрессией. Не существует объективных, социально обусловленных причин для того, чтобы запрещать неагрессивные формы коллективного поведения, независимо от его возможных последствий для добровольных участников. У нас нет никакого права на то, чтобы принуждать человека воздерживаться от *асоциальных форм поведения*, которые он находит допустимыми для себя, ведь, по сути, на этом зиждется его право быть асоциальным, то есть право бойкота, табу, остракизма и неучастия, которое является единственным обоснованным и неагрессивным методом общественного контроля. В каком-то смысле можно сказать, что анархизм сводится не к упразднению государства, а к обобщению его основополагающего принципа, постулируя необходимость децентрализации или делегирования его функций тем, кто в этом более всего заинтересован. Покровительство — это способ голосования, прямыми альтернативами которого являются «инициатива, референдум и право отвода». (Мы сотрудничаем непосредственно с теми, чьи взгляды мы разделяем.) Равная свобода подразумевает равенство возможностей в том, чтобы оказывать покровительство или бороться за него. Совершенно очевидно, что люди никогда не будут обладать такой возможностью — управление на основе свободного выбора для всех заинтересованных сторон, — пока существует государство. Ведь оно опирается на монополию и принуждение — на теорию,

согласно которой отдельный человек или группа людей имеют право силой проводить в жизнь свои решения под тем предлогом, что это в общественных интересах.

7. Вопрос о том, отдают ли они предпочтение конкуренции или монополии, приводит в полнейшее замешательство наших коллективистских друзей, безотчётно забывших о том, что производство и товарный обмен всегда осуществляются исходя либо из одного из этих принципов, либо из них обоих. Создаётся впечатление, что они не способны осознать, что обе эти категории представляют собой лишь два разных аспекта одного и того же явления, ведь, в каком-то смысле, все конкурирующие стороны, взятые сообща, обладают монополией в рамках своей узкой сферы влияния.

8. Итак, очевидно, что поскольку люди не способны жить в изоляции, им приходится участвовать в тех или иных формах кооперации. Ошибка наших ранних коллективистских друзей заключается в их неспособности осознать, что конкуренция и кооперация не исключают друг друга, а являются разными аспектами одного феномена. Оба эти утверждения корректны: «мы конкурируем ради кооперации» и «мы кооперируем ради конкуренции». Если люди согласны на кооперацию с целью построения эффективного и гармоничного общества, необходимо даровать им свободу конкуренции, которая представляет собой лишь ещё одну форму естественного отбора — что касается этого последнего термина, то он вошёл в обиход в самой узкой трактовке и сегодня охватывает только экономическую деятельность. Необходимо гарантировать свободу конкуренции в каждом из аспектов жизни — в том, что касается права на ассоциацию и отказа от неё, в сфере личных убеждений, свободы совести, слова, печати, образования и любви, равно как и в экономических областях, касающихся вопросов производства и обмена. Конкуренция связывает монополию ограничениями, вытекающими из научного прогресса и принципа равенства возможностей, — в ином случае конкуренция не может считаться

свободной, и такое подавление свобод приводит к законодательному закреплению монополии. Неважно, назовём ли мы такую монополию трестом или коммуной, — это никак не влияет на тот факт, что неагрессивным (а скорее даже прогрессивным) индивидам и группам не остаётся иного выбора, кроме как смириться с отказом от права на независимое суждение, то есть с отрицанием индивидуалистического способа производства. Конкуренция есть тот фактор общественной организации, посредством которого — через взаимное дистанцирование — кооперация в масштабах общества оставляет пространство для индивидуальности, разногласий, вариативности и личной свободы. Если бы мы не могли констатировать фундаментальное тождество конкуренции и кооперации, то было бы невозможно совместить свободу собраний и свободу мнений — то есть кооперацию и личную свободу.

9. Конкуренция предполагает, что двое или более людей соревнуются между собой ради достижения общей цели, и когда эта цель заключается в том, чтобы снискать благосклонность третьих лиц, то, руководствуясь свободой выбора, мы получаем систему общественного контроля, в рамках которой каждый из участников сохраняет свою индивидуальность, свободу и ответственность, возлагаемую исключительно на него самого. В такой ситуации не требуется участие законодателей, поскольку вмешательство закона само по себе предполагает жалование привилегированного статуса одной из сторон. Ввиду этого, мы можем сформулировать проблему следующим образом: следует ли препятствовать людям в том, чтобы они могли действовать сугубо в интересах своих сотоварищей, причём исходя из собственных убеждений? Можно ли утверждать, что в таких обстоятельствах наименее способным придётся мириться с естественным ограничением, вытекающим из необходимости производить лишь ради удовлетворения своих же потребностей или обмена с другими, столь же неприспособленными, в рамках их ограниченной компетенции? Следует ли принудительно изымать у наиболее способных

плоды их труда, чтобы компенсировать неспособным их неэффективность? Коллективисты (социалисты, коммунисты и т. п.) зачастую склонны отрицать, что они разделяют авторитарную философию, пытаясь затушевать этот факт своими апелляциями к чувству долга и филантропии, тогда как другие открыто исповедуют эти принципы, апеллируя к необходимости.

10. По утверждению некоторых коммунистов, их конечная цель — анархизм, однако ввиду того, что анархизм основан на добровольном соглашении, возникает вопрос: как будет организовано разделение труда в «свободном коммунистическом» обществе? Следует ли исходить из того, что это общество будет единодушно в вопросе о том, кому и чем следует заниматься? Будет ли относительная потребность в производимых товарах вычисляться бюрократами? В таком случае, кто будет этих бюрократов назначать? Кто будет принимать решения о способах производства? Кому будет делегировано право назначать экспериментаторов, изобретателей, новаторов и учителей? Кто будет определять всеобщие критерии эффективности? Прежде чем обещать всеобщее изобилие, это изобилие необходимо гарантировать! Если же единодушного согласия не предвидится, то как примирить множество оппозиционно настроенных групп? Так вот в чём загвоздка! Независимо от заявленных намерений, все эти восторженные декларации больше смахивают на утопические молитвы. Индивидуализм снимает эти противоречия, гарантируя свободу конкуренции для всех. Однако коммунисты, отвергая частную собственность и конкуренцию, либо предлагают отнести их к компетенции правительства, либо вообще отказываются предложить какое-либо решение на этот счёт. Своей неприязнью к частной собственности, конкуренции и системе наёмного труда они демонстрируют невежество касательно сущности и причин эксплуатации, а вместе с тем, как это ни странно, и касательно сущности свободы как таковой. Наёмный труд уже сам по себе подразумевает такую систему распределения, которая основана на добровольном

договоре. В противовес распространённому заблуждению, наёмный труд как таковой не предполагает стремления к эксплуатации ни от одной из сторон. Как и не допускает он даже *вероятности* возникновения эксплуатации при условии равенства возможностей для всех. Ведь при отсутствии привилегий у эксплуататора работник не станет мириться со статусом обездоленного и неимущего человека, которым он является сегодня вовсе не благодаря конкуренции, а по причине её отсутствия. Стоит упразднить монополию на возможности, как вскоре работник превратится в человека имущего, и если у него будет выбор — стать наёмным работником или нанимателем, конкуренция за рабочую силу будет уравниваться конкуренцией за рабочие места. Человек неимущий находится в фатально невыгодном положении с точки зрения его личного интереса. Он *пролетаризирован*, поскольку сегодня предложение на рынке труда всегда превышает спрос, и это обусловлено тем, что экономические привилегии позволяют узкому кругу людей концентрировать в своих руках чрезмерное количество ресурсов, исключая тем самым равномерное распределение богатства.

11. «Анархо-коммунисты» относятся к тому типу коллективистов, ошибка которых — не столько в выбранных ими целях, сколько в их предпосылках. Их представление об общественной организации основано на идее согласования множества точек зрения, невозможностью которого в первую очередь и объясняется целесообразность анархии. Отвергая частную собственность, конкуренцию и наёмный труд, они идут по следам марксистов, но при этом наивно полагают, что люди готовы будут добровольно со всем этим расстаться. Однако подобный утопизм, вероятно, будет с негодованием отвергнут. Коль скоро существует свобода выбора, различие во мнениях будет порождать раскол между отдельными людьми и сообществами, которые — явно или неявно — будут стремиться к взаимопомощи и кооперации. Разумеется, это и есть конкуренция, свобода которой предполагает наличие частной собственности. Если исходить из того, что коммунизм,

построенный на добровольных началах, жизнеспособен, то возникает вопрос: почему же люди до сих пор не организовали производство подобным образом? Ничто не мешает уже сейчас создавать предприятия исходя из принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Разница между принуждением и личной свободой заключается именно в различии между коммунизмом и акционерными компаниями. Коммунизм означает совместную и *неотчуждаемую* форму собственности, тогда как акционерные компании — совместную и *отчуждаемую*. В последнем случае человек сохраняет свою независимость. Почему же люди не прельщаются коммунистической формой организации, а вместо этого *участвуют* в акционерных компаниях, имея возможность продать свою долю участия и тем самым от них дистанцироваться, забрав свой капитал, чтобы примкнуть к другой организации, которая покажется им более привлекательной? При коммунизме подобное невозможно, а отрицание возможности долевого участия делает такую форму кооперации принудительной.

12. Разумная организация возможна только в условиях конкуренции, вытесняющей некомпетентность. Таким образом, коммунист, презирующий конкуренцию, своей эмоциональной неприязнью демонстрирует поощрение некомпетентности. С психологической точки зрения, коммунизм воплощает в себе страх и ненависть, которые человек неспособный испытывает в отношении тех, кто стоит выше него. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с атавистическим импульсом, восходящим к эпохе, когда нехватка ресурсов порождала борьбу за обладание средствами, необходимыми для выживания. Однако речь идёт не о том, что все коммунисты поголовно некомпетентны. Их некомпетентность может проявляться лишь в неспособности осознать, что в своих базовых предпосылках их философия исходит из фатального искажения истины. И хотя можно допустить, что каким-то отдельным кооперативным предприятиям наилучшим образом подходит именно

коллективная форма собственности, в общем и целом этот факт скорее должен вызывать сожаление, нежели восторг.

13. Авторитарные коммунисты полагают, что, упразднив частную собственность, им удастся решить проблему эффективного управления. «Каждому человеку полагается столько-то пищи и такое-то количество одежды», — триумфально заявляют они, хотя сложно понять, что именно это доказывает. Вне всяких сомнений, это в той же мере справедливо и в отношении нашего текущего режима. Их ошибка заключается в том, что они низводят человека до уровня машины потребления, которая нуждается в достаточном количестве топлива, чтобы функционировать. Люди с подобным складом ума склонны считать, что человек есть не что иное, как фаллос, прикреплённый к пищеварительному тракту. Исчезнет ли деспотизм в случае предположительного (хотя и не осуществимого) выравнивания доходов принудительным путём? Разве не тщетно вступать в диалог с теми, для кого такие понятия, как справедливость, свобода и честь, являются голыми и непостижимыми абстракциями? с теми, кто клеймит эти понятия как «буржуазные» предрассудки? В результате подмены этических категорий у этих людей «буржуазное» ассоциируется со злом, а «пролетарское» — с добром. Для тех, кто склонен считать, что жизнь сводится к сексу и еде, такие понятия, как благоразумие, любознательность, воля к власти и знанию или подлинное общественное сознание, — лишь пустые слова. Чтобы опровергнуть их свинскую философию, необходимо отметить, что величайшие гурманы и сладострастники не внесли заметного вклада в дело прогресса, а величайшие мыслители и филантропы, как правило, вели очень умеренный и даже аскетический образ жизни.

14. Бездёдность попыток преобразования мира с помощью одних лишь проповедей и нравучений должна быть очевидна после 2000 лет христианства. Что и говорить, его интерпретации по большей части высосаны

из пальца и лицемерны, однако даже они не могут скрыть его глубинную несостоятельность. На место философии любви к ближнему должна прийти этика, запрещающая хищническое отношение к другим и позволяющая человеку собственноручно добиваться «спасения». Но даже этого не достаточно. Необходимо изжить ложную и упадническую веру в патерналистскую опеку посторонних сил и прийти к осознанию фундаментального закона личного интереса. Социальные связи не могут быть выстроены **принудительно**, а должны произрастать на основе таких экономических преобразований, которые будут их поощрять. Во всех остальных случаях «социальные связи» будут построены на лицемерии.

15. Коллективизм — это доктрина «разума толпы». Тех, кто постоянно проигрывает в неравной, привилегированной, деспотичной борьбе за существование, кто не испытывал триумфа и удовлетворения от преодоления препятствий и достижения целей, — таких людей успокаивает и очаровывает мысль о мире и безопасности. Однако жизнь — по сути своей борьба, и мир в определённом смысле означает стагнацию и смерть. Мы говорим о мёртвых, что они покоятся с миром.

Желание мира обусловлено страхом и недостатком уверенности в своих силах. Социальная проблема заключается в том, чтобы создать предпосылки к честной борьбе. Ответственность гораздо предпочтительнее умиротворённости патернализма, который суть не что иное, как поощрение наименее приспособленных. «Любовь к ближнему» нередко мотивируется стадным инстинктом, а взаимопомощь воспринимается как потакание невежеству. Всё это — риторика в духе «каждый имеет право на жизнь» и «как же насчёт меня, такого бедного и несчастного»: так рассуждают те, кому недостаёт уверенности в себе и напористости и кто боится оказаться наедине с собой на вершине, предпочитая раствориться в толпе. Он обожает социальные пособия, пенсию по старости и страховку от безработицы, по скудоумию своему предпочитая благотворительность справедливости, не имея, однако,

ни малейшего представления ни о первом, ни о втором. Когда дело касается приспособленцев, мысль о личной свободе заставляет их трепетать, ибо она предполагает ответственность и осмотрительность. Они чуждаются философии Ницше, провозглашающей «войну каждого против всех», свободное столкновение точек зрения и соревнование в интеллекте и предприимчивости. Бесчисленным попыткам, череде триумфов и поражений, достижений и неудач участников, возлагающих на себя всю ответственность, он предпочитает философию, основанную на принципе «всем нам нужно действовать сообща». Однако парадоксальным образом, вопреки распространённому мнению, эта война каждого против всех, это столкновение различных точек зрения оказывается на руку как раз тем, чьё мнение не было услышано, поскольку они были отвергнуты обществом. Конкуренты участвуют в кооперации в том смысле, что они ставят перед собой цель отыскать наилучшие и наиболее эффективные способы удовлетворения потребностей общества, чтобы каждый из них мог стать самому себе арбитром и судьёй и принимать решения сообразно своей воле, отвергая покровительство общества или любой его страты.

16. Было бы ошибкой исходить из того, что людьми движет сознательное стремление к всеобщему благу, ибо движет ими стремление к благу личному. Свободная конкуренция исподволь начинает работать к всеобщей пользе, а сопутствующий ей материальный достаток автоматически снижает остроту борьбы за существование, что позволяет смягчить эгоистический импульс и обратить сочувственный взор на невзгоды соседа. Однако независимо от того, положен ли в основу конкуренции мотив любви или ненависти, результат будет одинаковым. Природа мотивации человека не играет особой роли. Имеют значение лишь *последствия* его действий. Социалистами и коммунистами определённо движут гуманные устремления, однако, к несчастью, заявленные ими цели сопряжены с наихудшей формой бюрократической тирании из тех, что когда-либо видел мир. И это неизбежно, когда вся власть сосредоточена

в руках централизованного органа, уполномоченного применять насилие во исполнение своих директив.

17. Поскольку в основе личной свободы лежит конкуренция, мы можем осознать её созидательную силу только в свете её практических результатов. Отсутствие личной свободы и конкуренции означает торможение прогресса и возвращение рабства. Таким образом, имеет смысл изучить то влияние, какое оказывает конкуренция на различные сферы общественной жизни.

Именно по причине пагубного смещения утопической бессмыслицы с идеями анархизма, впервые озвученными Прудоном, подлинная доктрина за прошедшую четверть века была зарублена на корню.

«Всё принадлежит всем»: сколь бы прекрасным (и бессмысленным) ни был этот лозунг — а я могу оценить, сколь заманчива возможность делать то, что хочется, получая при этом от общества всё, что требуется, — противостояние государству на том основании, что оно не позволяет подобную неразборчивость, является предприятием поистине инфантильным.

Практические аспекты конкуренции

1. Защитники *свободы слова* исходят из того, что точка зрения, озвучивать которую запрещено, может оказаться верной, но даже если она будет верной лишь отчасти, она может отражать некий важный аспект истины, необходимый для того, чтобы оспорить устоявшийся консенсус; и если даже эта точка зрения окажется ошибочной, её необходимо озвучить для того, чтобы существующие мнения сохраняли свежесть и актуальность, не превращаясь в заезженные и оторванные от жизни банальности. Нельзя позволить какой-либо группе затыкать рты своим оппонентам, поскольку в обществе не должно быть какой-то привилегированной клики, что выносила бы непогрешимые суждения об истинности или ложности тех или иных предложений. Человек может не принимать чужую философию, «-изм», религию или мнение, но может при этом желать выслушать точку зрения, с которой он

не согласен, и с негодованием отвергать любые заявления по поводу того, что можно и что нельзя говорить. Отказывать кому-либо в праве на возможность выслушать чужое мнение — значит публично усомниться в его интеллектуальных способностях или желать, чтобы он оставался невеждой. Ощущаешь себя зрителем странного назойливого спектакля, когда люди наиболее невежественные пытаются ограничить свободу слова или фактически её запретить. Эти недоумки заправляют каждым авторитарным цензурным комитетом. Различие во мнениях — необходимое условие прогресса, ведь несхожие точки зрения могут оказаться разными аспектами одного и того же феномена, требующего примирения разногласий. Этот этап развития анархистской мысли хорошо освещён в книге «О свободе» Джона Стюарта Милля. В контексте этой дискуссии будет нелишним отметить, что любая попытка отстоять как новую, так и старую точку зрения в свете вновь открывшихся обстоятельств есть не что иное, как *конкуренция* в части выражения мнений, свободу которого необходимо гарантировать не только в интересах прогресса, но и с точки зрения развития свободной личности. К сопутствующим свободам относятся также свобода совести, свобода собраний, свобода печати и возможность неограниченного самовыражения и демонстрации любых произведений искусства.

2. Свобода *образования* обладает столь же оздоровительным эффектом. Вслед за увеличением личного благосостояния по итогам упразднения правительства и его болезнетворных эксплуататорских привилегий анархисты предлагают отменить принудительное образование и организовать свободно конкурирующие школы. Чтобы снискать расположение покровителей, каждая школа должна будет полагаться лишь на качество оказываемых услуг. Инструментом для непосредственного и эффективного измерения обоих этих параметров будет служить степень разнообразия качества и содержания образования. Неэффективность и некомпетентность будут изжиты. С индоктринацией и «муштрой» будет покончено. Конкуренция — это способ, которым

общество организует разделение труда с целью повышения эффективности и развития потенциала, причём достигается это без каких-либо авторитарных декретов и без отказа личности в праве на свободу выбора и трудоустройства.

3. Идея *свободной любви* повергает в ужас умы, извращённые веяниями современной «цивилизации». Однако вопрос о том, предпочли бы они свободную любовь или принудительную, обнажает их крошечную тупость. Истина в том, что на свете есть лишь одна разновидность любви, и эта любовь — *свободная*. Это не способны понять люди, оболваненные пропагандой церкви и государства — институций, пытающихся принудить людей к общежитию независимо от того, любят они друг друга или нет. Официальная и религиозная система бракосочетания, построенная на принципах обоюдного рабства, лицемерия и узаконенной проституции, и есть причина наших страданий и вырождения. Анархисты желают со всем этим покончить. Они верят в свободу любви, или, если угодно, в свободу *конкуренции* в любви. Сложно вообразить, сколь плодотворны будут такие условия с точки зрения облагораживания любви и дружбы между полами. Ни один мужчина не сможет добиться расположения и любви со стороны женщины, если он не будет обходиться с ней подобающим образом. Как и ни одна женщина не сможет удержать мужчину, демонстрируя повадки мегеры или белоручки. Каждому и каждой придётся приложить всё своё усердие, чтобы поддерживать себя в наилучшей форме — в физическом, умственном и этическом отношении, — дабы снискать расположение партнёра. Не будет никаких юридических оков, удерживающих людей вместе. Бойкот и остракизм могут преподнести самый серьёзный урок тем, кто позволяет себе опуститься ниже общего культурного уровня. Естественный отбор будет восстановлен в правах. Как и в остальных случаях, упразднение государства выльется в образование такого общества, где ни у кого не будет никаких привилегий и где каждый сможет наслаждаться плодами лишь собственного труда.

4. Однако первоочередную важность представляет проблема производства и распределения благ, и свободная конкуренция в этой сфере будет премного способствовать достижению всех прочих целей. Для обеспечения свободы конкуренции нужно гарантировать всем настолько равный доступ к природным ресурсам, насколько это возможно с учётом общего порядка вещей, не говоря уже о свободе распоряжаться полезными знаниями и праве участвовать в свободном обмене, сообразуясь лишь со своими предпочтениями касательно того, где и когда, с кем и на каких условиях будет осуществляться этот обмен. В целом, товары и услуги будут обмениваться исходя из объёма равно трудоёмкой работы, затраченной на их производство и оказание.

5. В условиях личной свободы и конкуренция, и монополия возникают естественным образом. Если о каждом человеке можно сказать, что он обладает монополией в отношении своих индивидуальных талантов, то же самое можно сказать и о монополии башмачников. Однако конкуренция может существовать только внутри этой монополии, а монополия подразумевает возможность конкуренции. И только когда конкуренция сдерживается законодательно или, что то же самое, когда монополия возникает на основе дарованных ей законодателем привилегий, появляется эксплуатация. В условиях свободы монополия сохраняется по причине своей эффективности и полезности, а не в силу привилегий. И если конкуренция не осуществляется фактически, это не значит, что она невозможна. Поэтому только так получится добиться рационального разделения труда и упразднить эксплуатацию. С гарантией личной свободы (свободы выбора в условиях конкуренции) организация производства может осуществляться в следующем порядке: отмежевание, объяснение сути проекта, привлечение капитала и состязание с прочими предприятиями за наёмный труд. Этот процесс может длиться бесконечно. В отсутствие привилегий, когда наёмный работник является также и собственником, если он волен решать, использовать ли свой капитал

для найма или не рисковать, вкладываясь в предприятие, в успехе которого он сомневается, в сфере наёмного труда сохраняется баланс между предложением и спросом, благодаря чему эксплуатация становится практически невозможной.

6. Говоря об участвующих в обмене сторонах, если не учитывать их нравственные убеждения, которые могут влиять на обменные курсы (хотя последствия этого влияния весьма неоднозначны), в общем и целом люди стремятся к тому, чтобы получить как можно больше с минимальными затратами. Если каждому человеку предоставить равные возможности для удовлетворения его потребностей, с единственной оговоркой касательно его врождённых способностей к тому, чтобы реализовывать свои цели самостоятельно или в составе группы, никто не станет платить за единицу товара больше (в пересчёте на трудозатраты), чем величину, определяющую количество усилий, которые ему пришлось бы затратить для производства того же товара. Право частной собственности в отношении продуктов труда необходимо, чтобы обеспечить сосуществование различных точек зрения и возможность свободного выбора — именно эти факторы стимулируют производство благ и их обмен. Желание обладать является первичной мотивацией к производству и лучшей гарантией бережного отношения к благам после их производства. Тот факт, что коллективисты презируют частную собственность, объясняется неверным анализом природы эксплуатации. Рассуждая о явлениях, возникающих под влиянием множества факторов, они находят причину эксплуатации лишь в тех из них, что не играют первостепенной роли. Можно привести достаточно примеров, демонстрирующих, что, обличая частную собственность и конкуренцию вместо того, чтобы критиковать условия, в которых осуществляется конкуренция, они доходят до абсурда. Пуританское осуждение секса, марксистская ненависть к личной свободе и отвращение прогибационистов к пиву сопоставимы с презрением, которое коммунисты питают к частной собственности, конкуренции и

системе наёмного труда. Общественная собственность могла существовать, когда людям было достаточно пользоваться дарами природы, но ей определённо пришёл конец, когда люди стали полагаться на свой труд, чтобы производить вещи, которые природа предоставить не могла. Примеры, доказывающие, что причиной эксплуатации является не частная собственность, а *привилегии*, обнаруживаются в изобилии. К примеру, фермер является землевладельцем, однако подвергается нещадной эксплуатации со стороны банкира, не обладающего никакими средствами производства. То же самое верно и для всей промышленности, которая вынуждена делиться большей частью своих доходов с этой привилегированной группой за право пользоваться кредитными инструментами, которыми распоряжается только одна эта группа. Марксизм и прочие коллективистские схемы сплошь состоят из поверхностных выводов и голых рассуждений. Именно условия, при которых осуществляется обмен услугами и материальными благами, порождают эксплуатацию человека человеком. Неравенство привилегий в сфере производства и обмена (хорошими примерами здесь служат патенты и тарифы) неизбежно приводит к накоплению нераспроданных товаров и, как следствие, невостребованного капитала.

7. В контексте обмена материальными благами возникает вопрос: как определяется количество благ, которое человек должен предложить в обмен на те, что предлагаются другой стороной? И здесь возникает концепция ценности или меновой стоимости, соизмеряющей вещи относительно друг друга. В условиях свободы и конкуренции стоимость (величина, определяемая психологически) воплощает в себе баланс между нежеланием прибегать к труду ради производства данной вещи и желанием потреблять. Иными словами, меновая стоимость вещей главным образом определяется исходя из количества равно трудозатратной работы, воплощённой в товарах. Но когда производителю искусственным образом начинают осложнять доступ к производственным возможностям,

стоимость товаров перестаёт определяться естественными ограничениями, которые требуется преодолеть, и к этим затратам добавляются затраты на преодоление искусственных препятствий, в результате чего стоимость всё в большей степени определяется исходя из полезности товаров в глазах тех, кто, в конечном счёте, приобретает и потребляет эти товары. То, что Карл Маркс не моргнув глазом обозвал «прибавочной стоимостью», возникает именно благодаря искусственным и законодательным преградам, а вовсе не по причине существования частной собственности. Стоимость невозможно определить, всецело полагаясь на такую единицу, как «количество труда» (термин весьма туманный), поскольку отсутствуют факторы, способные гарантировать относительную полезность труда и грамотно распределить его между разными сферами производства. В силу поверхностного понимания экономики коллективисты вынуждены перекладывать задачу определения пропорций между сбытом и производством на бюрократию, уничтожая тем самым всякую экономическую свободу и «производственную анархию». Стоимость товаров постоянно меняется вслед за изменением способов производства и обработки земли, а также сменой привычек и предпочтений человека. Однако реальная «цена» труда не может быть определена иначе, кроме как посредством свободного выбора спроса и предложения в рамках системы свободной конкуренции, в принципе допускающей выбор. В условиях свободной конкуренции человек быстро осознаёт степень своей полезности. Общественная полезность отдельного человека или группы людей может определяться, только когда плоды их труда участвуют в свободном обмене на конкурентном рынке, посредством чего они выясняют мнение общества или, по крайней мере, той его части, которая непосредственно заинтересована в результатах их труда. Определение стоимости законодательным путём — задача реакционная. Прудон говорил о необходимости «растворения власти в экономическом организме», то есть полного устранения политиков и государства из сферы производства благ и их обмена.

Опишем вкратце некоторые из аспектов экономической свободы. Исходя из РАВЕНСТВА ВОЗМОЖНОСТЕЙ в вопросах занятости и в том, что касается исключительного права владения землёй, а также свободы производства и обмена, мы получаем следующую картину:

ИЗОБИЛИЕ достигается благодаря тому, что каждый человек от природы склонен ожидать вознаграждения, сообразного его усилиям.

КАЧЕСТВО определяется эффективным покупательским спросом.

ГЛУБИНА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ — В то время как чрезмерная специализация сопряжена с отупением человека и превращением его в робота, недостаточная специализация приводит к сокращению производства материальных благ. Баланс обеспечивает личная свобода, дарованная каждому человеку, а также его разум и возможность выбирать такую работу, где, по его мнению, он получит максимальное вознаграждение, работая наиболее естественным для него способом.

ССУДНЫЙ ПРОЦЕНТ упраздняется вместе с монополистической привилегией золотого стандарта как единственного вещественного основания для выпуска денег, а также благодаря обеспечению свободной конкуренции в сфере страхового кредита.

РЕНТА (монополистическая) упраздняется, поскольку исключительное право на пользование землёй предоставляется только с целью проживания и землепользования.

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — Следует ожидать, что отмена особых привилегий (неизбежных спутников государственного устройства) и равенство возможностей в том, чтобы распоряжаться своими талантами к своей собственной выгоде, позволит распределять накопленный капитал между всеми производителями примерно в равной степени. Такое относительное равенство в вопросе обладания капиталом, готовым в любой момент

вступить в конкуренцию за участие в любом предприятии, сулящем хороший доход, станет действенным фактором, позволяющим снизить стоимость всех материальных благ до уровня затрат на их производство.

РАЗМЕР КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ — В условиях свободной конкуренции закон возрастающей и убывающей доходности будет действовать таким образом, что размер коммерческих предприятий будет стремиться к величине, обеспечивающей наибольшую доходность при наименьших затратах и бюрократизации, что гарантирует максимальную эффективность. Как только какая-либо организация разрастается настолько, что начинает демонстрировать зловещие признаки парламентаризма, под давлением конкуренции, в которой не участвуют государственные предприятия, а также при отсутствии привилегий, которые в наши дни дают некоторым сторонам неестественное преимущество перед конкурентами, эта организация будет вынуждена выбирать между банкротством и необходимостью разукрупнения до размеров, наиболее отвечающих требованиям осмысленного и эффективного управления. Ещё одним фактором, препятствующим чрезмерному разрастанию предприятий, является невозможность капиталистического накопления.

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И УСТОЙЧИВОСТЬ — По мере отказа от малодушного упования на Бога или государство в надежде на «заступничество» с их стороны каждый человек, в стремлении к личному достатку и благополучию, будет всё больше полагаться лишь на собственные таланты. Благодаря этому человечество изменится до неузнаваемости, а цивилизация достигнет немыслимых высот развития. Впрочем, это не подразумевает каких-либо ограничений касательно свободы вероисповедания.

ПРОГРЕСС осуществляется при содействии корыстного интереса. В промежутки между переходными периодами, когда конкуренты внедряют более эффективные способы производства, новаторы могут временно

извлекать небольшую прибыль, эквивалентную естественному вознаграждению за те дополнительные издержки, которые они понесли в связи с изысканиями и интеллектуальным трудом. Эта «прибыль», безусловно, является справедливой, олицетворяя собой тот способ, которым общество вознаграждает тех, кто способствует последовательному повышению его благосостояния.

ОБРАЗОВАНИЕ — Следует ожидать, что упразднение обязательного образования, увеличение личного благосостояния и усиление конкуренции между различными учебными заведениями самым положительным образом скажутся на качестве образования в целом. Неэффективные и нежизнеспособные учреждения не смогут выдержать давления конкуренции в том, что касается предложения образовательных услуг, отвечающих самым высоким требованиям при наименьшей стоимости. Принудительной индоктринации или «дрессуры» со стороны государства больше не будет.

ГОСУДАРСТВО И ЗАКОН — Исчезновение государства, а с ним и поддерживаемых им тирании и грабежа, повлечёт за собой увеличение всеобщего благосостояния на фоне минимальных препирательств насчёт того, что и кому должно причитаться. Вместо того чтобы наживаться на простом народе и укреплять положение власть имущих, политики, юристы, военные и силы правопорядка будут зарабатывать себе на жизнь, занимаясь полезным трудом.

РИТМ ЖИЗНИ — Когда все члены общества в равной мере смогут рассчитывать на безопасность и комфорт, никто не станет мириться с бешеным ритмом жизни, диктуемым современностью. Хотя богатым можно быть и в отсутствие личной свободы, люди вряд ли останутся бедными, получив свободу и возможности для самореализации. Индивидуальность и различия сделают жизнь более разнообразной и насыщенной.

КУЛЬТУРА — Подлинная культура несовместима ни с глубокой нищетой, ни с чрезмерностью, сопутствующей

незаслуженному обогащению, и проистекает из радости творческого труда. Следует ожидать, что искоренение возможностей для эксплуатации повлечёт за собой повышение всеобщего уровня культуры.

Подводя итоги:

Вышеперечисленные тезисы призваны продемонстрировать, что все попытки улучшения мира с помощью проповедей и упования на людскую благодетель останутся тщетными и утопичными, а чтобы добиться твёрдых и долговременных результатов, достаточно лишь изменения экономической системы в форме упразднения неэффективного распределения благ и проистекающих из этого бедности, преступности и социальной деградации. Поскольку предложенные изменения предполагают повышение эгоистической сознательности, а повышению сознательности и интеллекта в наибольшей степени сопутствуют изобилие, личная свобода и ответственность, вышеуказанные реформы следует проводить в жизнь исключительно постепенным, эволюционным путём.

Конкуренция и государство

1. Конкуренция — это естественный способ общественного управления и самоконтроля. Следовательно, государство, или правительство, опирающееся на деспотичную власть и силу, то есть отрицающее или ограничивающее конкуренцию, является антиобщественным институтом и наиболее могущественным врагом прогресса. Если бы на определённом этапе истории не наступила эпоха всеобщего дефицита ресурсов, мысль о создании правительства, скорее всего, никому не пришла бы в голову, как и идея государства. Однако прямое следствие закона самосохранения заключается в том, что в случае нехватки ресурсов начинается всеобщая борьба. Грабёж становится одним из способов добычи пропитания, а кровопролитие расчищает дорогу убийцам на пути к неограниченной власти. Удерживают они её и поныне, а государство выступает в качестве инструмента грабежа.

2. В свободном обществе конкуренция (наравне с убеждением, остракизмом и отказом от кооперации) стала бы главным способом общественного управления. (Тогда речь могла бы идти о подлинной демократии как обобществлении принципа управления посредством децентрализации.) Конкуренция подразумевает избрание на должность «по протекции», а непосредственными рычагами при этом выступают «референдум» и «право отвода». Однако участник голосования наделяет полномочиями лишь себя самого.

Речь идёт о добровольной кооперации с согласия участвующих сторон — в этом обнаруживается сущность свободы и средство прогресса. С её помощью устраняется бюрократия, гарантируется выражение индивидуальных интересов в рамках кооперации и обеспечивается единственный способ поощрения частной инициативы, позволяющий избежать как принуждения, так и любых ограничений. Конкуренция невозможна в отсутствие права на частную или персональную собственность.

3. В обществе, построенном на принципах государственности, всё обстоит совершенно иначе. Если не считать тех, кому оно дарует особые привилегии, государство является единственным институтом, существование которого не зависит от его эффективности. Любой другой институт, фирма или предприятие держится на плаву лишь благодаря добровольной поддержке со стороны своих участников. Существование всех прочих институтов или фирм зависит от вашего мнения об их эффективности, а также от добровольных платежей, осуществляемых вами за оказываемые ими услуги. Все прочие предприятия, за исключением тех из них, которым предоставлены особые привилегии, существуют в условиях свободной конкуренции. Однако всё меняется, когда речь заходит о государстве. Оно может даровать своё покровительство, диктовать вам ваши потребности и устанавливать цену, с которой вы обязаны соглашаться, и чаще всего это делается под знамёнами демократии и «от имени народа».

Разумеется, государство функционирует в некоторых границах, которые оно время от времени прощупывает и нарушает. Впрочем, как правило, оно ощущает себя вполне комфортно, располагая богатым инструментарием для вправления мозгов и возможностью в случае необходимости полагаться на устрашение и насилие. Функция государства заключается в том, чтобы охранять класс господ и эксплуататоров от посягательств на их привилегии и власть. Всегда и при любых обстоятельствах оно служит интересам богатых, хитрых и сильных. Иначе и быть не может, а любые попытки измыслить совершенное государство обречены оставаться утопическими и бесплодными.

4. Каждый из нас старается осуществить свою волю. Стоит только предоставить кому-нибудь власть над своими братьями, как он сразу же попытается вынудить их делать то, чего он хочет или что он считает выгодным для себя. А если они надумают или осмелятся воспротивиться его воле, такое самоуправство вызовет у него раздражение или даже гнев, побуждая его обрушить на них всю имеющуюся у него мощь с целью их вразумления. Их воли вступают в противоборство, решающее преимущество в котором будет на стороне того, кто располагает всей полнотой могущества. Во исполнение своих желаний он полагается не на дар убеждения и здравомыслие, но на устрашение и насилие. Разве всё, что мы знаем об истории государства, не убеждает нас в справедливости этих очевидных слов? Но что если мы представим себе человека, обладающего только благими качествами, наделённого острым умом и даром предвидения, человека, ревностно хранящего верность идеалам правды и справедливости и не желающего поступаться ими даже под грубым напором со стороны своего окружения и толпы. Что будет, если мы даруем такому гипотетическому чудаку неограниченную власть? Затем представим себе, как на наших глазах вырастает целое поколение умиротворённых и смиренных граждан, освобождённых от всяких обязанностей и забот, при этом такие качества, как умение полагаться на собственные силы и талант, подавляются, а миром

правят слабохарактерность и серость. Что за безжизненное, бесцветное и бессмысленное существование! Кто пожелал бы такого? Разумеется, сама мысль об этом абсурдна, поскольку эволюция способствует большему разнообразию, а воля к самовыражению будет отчаянно сопротивляться такому ходу вещей.

5. Сторонники авторитаризма считают необходимым насаждать «прогресс», не брезгуя применять дубинку для увещевания тех, кто не разделяет их методы и цели. Ценность или устойчивость достигнутого такими средствами «прогресса» весьма сомнительна. Насилие уже по самой своей природе предполагает навязывание чужой воли, в то время как принуждение к конкуренции — побуждение посредством личного примера, а также исходя из права на неучастие в кооперации, права на табу и ostracism — является либертарным и ненасильственным. Сторонники авторитаризма не готовы идти ни на какие уступки и желают во что бы то ни стало командовать парадом, тогда как либертарианцы хотели бы позволить каждому/каждой идти своим курсом, не навязывая никому свою волю. В моей интерпретации, любые формы коммунизма, фашизма, демократии и т. п. могут существовать и в условиях анархизма с той оговоркой, что ряды их сторонников будут пополняться *исключительно на добровольной основе*. (Впрочем, сдаётся мне, вряд ли бы им удалось кого-нибудь завлечь в условиях конкуренции с либертарными объединениями.) Однако апологеты этих систем не готовы идти на подобные компромиссы. Их девиз: всё или ничего. Они желают взять в свои руки *бразды правления*. Но никакая институция не является аппаратом управления с точки зрения тех, кто поддерживает её добровольно.

6. Стремление даровать личную свободу всем в сочетании с требованием предоставить равное количество свободы каждому являет собой полную противоположность попыткам втиснуть личность в некую заведомо спланированную систему общественного устройства и предполагает революцию в человеческом сознании.

Осознавая, что насилие лишь замедляет процесс распространения личной свободы, анархисты осуществляют свою революционную деятельность путём разубеждения в необходимости к нему прибегать, полагаясь вместо этого на такие прогрессивные инструменты, как личный пример и образование, — при содействии конкуренции. По этой причине в условиях конкуренции между различными организациями и свободы выбора в том, что касается возможности дистанцироваться от одной из них и вступить в другую, естественным образом гарантируется, что выжить смогут лишь организации, в наибольшей степени отвечающие потребностям своих участников. В отличие от государства, институции, пытающейся сохранить свой статус (стазис) вопреки самой логике эволюционного процесса, анархия допускает бесконечное разнообразие и постоянное изменение форм. Возможность свободно экспериментировать и видоизменяться в согласии с природой и сообразно с уровнем развития научной мысли — это и есть порядок как таковой.

Ничто не в силах противостоять изменениям, и чем могущественнее государство, тем более шокирующим будет его неизбежное обновление, осуществляемое уже революционным, а не эволюционным путём: в ходе беспорядочной, грубой и кровопролитной схватки, исход которой, в конечном счёте, может повлечь лишь незначительные реальные изменения, если они наступят вообще.

7. Было бы заблуждением считать, что так называемое «бесклассовое общество» можно реализовать при помощи государства. Всё, на что способна кровопролитная революция, это заменить одну кучку тиранов на другую. Те, кто мечтают свергнуть существующие режимы силой, играют на руку таким же диктаторским кликам, поскольку в наши дни вероятность того, что революция приведёт к установлению диктатуры, на порядок превышает возможность обретения личной свободы. По крайней мере, можно смело утверждать, что если бы набралось достаточно людей, способных осуществить успешную либертарную революцию, то этими

силами можно было бы с тем же успехом осуществить мирный переворот. Разумеется, всё зависит от обстоятельств, однако если люди в состоянии понять, что путь к их спасению лежит через обретение личной свободы, они получают эту свободу, но коль скоро «революционеры» возлагают свои надежды на благотельные государства, эти государства они и получают. К сожалению, в большинстве своём люди мечтают вовсе не о личной свободе, а о безопасности, так что ради второй они с лёгкостью пожертвуют первой. Немногие способны оценить все достоинства личной свободы, ведь большинство людей, эти милые робкие существа, воспринимают ответственность, сопряжённую с этой свободой, как слишком тяжкую ношу. Как это ни омерзительно, люди чрезмерно подвержены комплексу «урвать что-нибудь на халяву», а поэтому всё, на что они способны, — это либо облапошивать своих ближних в открытую, либо полагаться в этом на какую-нибудь патерналистскую государственную машинерию.

8. Марксистская философия основана на отчаянии, ненависти и насилии. Можно подумать, что её приверженцы приписывают все пороки богатым, а все благодетели — бедным. Словно они более всего заинтересованы в том, чтобы низвести зажиточный класс до уровня бедноты, нежели в том, чтобы поднять бедноту до уровня людей с достатком. Они получают наслаждение, фантазируя, как богачи выполняют какую-нибудь грязную работу. Во всём этом просвечивает желание низов *опустить* верхи до своего уровня. При этом я имею в виду исключительно умонастроения и вовсе не хочу сказать, что богатые действительно стоят «выше» бедных. В уповании марксистов на «диктатуру пролетариата», которая по определению будет насаждаться небольшой группой лиц, обнажается вся глубина их недоверия к людям, да и к самим себе. Они предпочитают верить в удобную доктрину, а не в ту, на стороне которой истина. Однако их опасения не оправданны. Как только «раскроется» блеф, на котором основано государство, от его могущества не останется и следа. Существование государства возможно

только благодаря иллюзии, поддерживаемой в сознании людей. Конечно, эта иллюзия, в свою очередь, поддерживается благодаря существованию государства, исчезновение которого, впрочем, будет возможно лишь после развенчания самой этой иллюзии.

9. Все государственные схемы сводятся к попытке *принудить* человека к вступлению на путь добродетели, в то время как либертарии лишь *позволяют* ему избрать такой путь. Соответственно, первые исходят из того, что человек по своей природе порочен, вторые же полагаются на заложенную в человека добродетельность и его потенциал к самосовершенствованию. Большинство из тех замечательных психологических изменений, на которые уповают коммунисты, возможны лишь при изобилии справедливо распределённого богатства. Вне всяких сомнений, неограниченная личная свобода будет способствовать достижению этих условий, а потому коммунизм не может предложить ничего осмысленного сверх того, что в равной степени справедливо и для индивидуализма. Основное различие между ними заключается в том, что при описании способов достижения указанных условий индивидуализм опирается на общеизвестные факты, тогда как коммунизм — главным образом на гипотезы и спекуляции. Коммунизм берёт на себя слишком много, утверждая, что я, дескать, должен приглядывать за своим ближним и нести ответственность за его благополучие. Это служит оправданием для всевозможных невежд и проходимцев, желающих навязать свою волю другим. Либертарии же считают, что куда хуже, чем отказывать в помощи нуждающимся, было бы навязывать свою помощь тем, кому она не нужна. Таково фундаментальное различие между двумя этими точками зрения.

В мире, где не найти двух одинаковых вещей, где процесс дифференциации не прекращается ни на мгновение, где, в полном согласии с природой вещей, не может быть двух одинаково мыслящих людей, а различие во мнениях абсолютно неизбежно, коллективистское видение социального порядка противоречит здравому смыслу. Вместо насильственного объединения

этих различных элементов социума и принуждения их к кооперации, результатом чего неизбежно станет всеобщий разлад, необходимо двигаться в совершенно противоположном направлении — допустить максимальную степень независимости, реализуемую на практике. В случаях, когда люди смогут прийти к согласию, они будут добровольно объединяться для достижения тех целей, которые каждый из них находит отвечающими своим интересам. Для этого не требуется никакое начальство. И уж если мы исходим из того, что каждый человек уникален (и что так будет всегда), что у каждого имеются свои привычки, предрассудки и представления о добре и зле, единственный способ избежать открытого столкновения — это даровать каждому наибольшую степень личной свободы. Всякое принудительное объединение людей провоцирует вражду и распри, ибо индивидуальность задушить невозможно.

ЧАСТЬ 2

ЭКСПЕРИМЕНТЫ С АНАРХИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

События в мире происходят не случайно, но являются закономерным следствием удовлетворения национальных интересов или же результатом экономических процессов, срежиссированных и направляемых теми, в чьих руках находятся финансовые ресурсы.

— Денис Хили, бывший министр обороны Великобритании и канцлер казначейства.

Идеи анархизма в целом считаются «маргинальными», однако выпады анархистов против правительства редко ассоциируются с *теорией заговора*. Но в действительности именно американские анархо-индивидуалисты были предвестниками современной конспирологии, и на страницах «Liberty», едкого журнала Б. Такера, бурлили оживлённые дискуссии, в которых землевладение, выпуск денег, инфляция (и другие экономические процессы), налогообложение, аренда, процентные ставки, централизованная банковская деятельность и война рассматривались как варианты заговора привилегированной верхушки. За любой политической партией и системой стоит группа теневых олигархов, разбогатевших благодаря этому сговору *элит* и тайно контролирующих государственную машину, вкрадчиво направляя её в нужное русло и блокируя любые законы, которые могли бы навредить их интересам и привилегиям. Остро чувствуя опасность закулисного тандема финансовой аристократии и продажных эшелонов власти (при помощи которого некие бизнес-империи используют государство в заговоре против конкуренции, чтобы сосредоточить в своих руках единоличный контроль над максимальным объёмом материальных благ), американские индивидуалисты из круга Бенджамина Такера ясно видели, что капитализм никогда не мог и не сможет функционировать без государства. «Свободный рыночный» капитализм — это надувательство, направляемое

невидимой рукой олигархического меньшинства, осознавшего, что кратчайший путь к стяжанию немых богатств лежит через использование полицейской власти государства, с тем чтобы удерживать за собой частную и принудительную легальную монополию в сфере экономики (и тем самым навязать свою волю всему социуму).

Американские индивидуалисты также были одними из первых радикалов, заговоривших о коммунизме и государственном социализме без прикрас, открыто объявив их формами заговора *против* пролетариата. Коммунизм был не просто частью исторического процесса, в ходе которого обездоленные, бесправные и немущие слои восстали в праведном гневе и отправились в крестовый поход на своих господ; коммунизм был к тому же и средством захвата государственной власти с помощью манёвров революционной риторики и обещаний скорой расплаты и возмездия, исходящих как от безучастного ядра Партии (видящего в марксизме лишь инструмент для удовлетворения своей тайной одержимости властью), так и от *правых* социалистов (считавшихся наиболее опасными и влиятельными, поскольку широкая публика не воспринимала их как социалистов, а сами они называли себя *капиталистами, индивидуалистами, частными предпринимателями* и т. д., исповедуя слепую веру в «свободный рынок»). В те времена к правым социалистам причисляли себя многие ведущие промышленники, меркантилисты, банкиры и политические деятели, так что Такеру и его сторонникам казалось очевидным, что государственный социализм в США коренится не в чём-то столь экзотическом, как марксистская идеология, но в стремлении американских бизнесменов сбежать от тягот реальной конкуренции путём вступления в конспиративные союзы с государством (которое отменило политику невмешательства, взяв под своё крыло определённые династии финансистов и могущественные картели). От взгляда анархо-индивидуалистов не ускользнули зловещие контуры насаждаемого социального порядка, предусмотренного коммунистами, как и неизбежная потребность в новом классе, который возьмёт на себя контроль над

коллективной деятельностью и сгонит миллионы рабов в трудовые лагеря (одна из самых больших ошибок социологов — попытка совместить анархистскую философию с коммунизмом, который с точки зрения идеологии является её полной противоположностью). Вместо того чтобы *наделить властью* пролетариат, марксизм становится способом преодоления фрустрации — религиозной системой и объектом поклонения, шатким каркасом, призванным скрашивать бессмысленность жизни: он позволяет бессильным отдаться иллюзии особого предназначения и мессианской службы человечеству и заполнить внутреннюю пустоту пространственными квазирелигиозными баснями коммунизма, пока партийные вожди эксплуатируют чувства незащищённости и тревоги, а с ними и растущую напряжённость пролетариата, путём моделирования всё более монолитных систем государственного порабощения. В этом смысле индивидуалистов не приходится упрекать в чрезмерной параноидальности, ибо они принимали как данность тот факт, что большинство людей преследуют в основном эгоистические интересы и что все теории социальной организации, не предусматривающие *добровольного* участия, найдут отклик у наиболее агрессивных диктаторов, стремящихся манипулировать массами в своих корыстных целях.

Среди всех одиозных организованных картелей власти индивидуалисты придавали наибольшее значение банковской гоп-компании, «кассе», заправлявшей, по их мнению, всей промышленностью и торговлей. Лоренс Лабади вырос на подобных конспирологических фантазиях и, развивая собственные идеи, несколько своих провокационных работ посвятил всё той же благодатной теме. В 1930-е годы, с характерным для него пренебрежением к популярным вкусам и моде, он в общих чертах описал свою концепцию монетарного заговора. В ней подразумевается, что наибольшую пользу идеям индивидуализма и свободы способна принести одна-единственная реформа — и это отделение денег от государства! Довольно смелое утверждение, которое на первый взгляд может даже показаться смехотворным, но в представленной ниже паре статей Лабади

удаётся элегантно опровергнуть любые встречные аргументы о непродуманности и абсолютизме его подхода.

По какой-то неопределённой причине экономические процессы глубоко завораживали американских анархо-индивидуалистов (вероятно, не последнюю роль в этом сыграла их одержимость идеей бесконечного расширения, *вечного прогресса*), став для них чем-то сродни трансцендентальной проекции — богоподобным идеалом, творящим социальные чудеса. Вполне закономерно, что даже в экономических теориях Лабади местами просвечивает теология, со всеми её априорными допущениями, которые читатель должен вроде как принять на веру. Как это ни парадоксально, даже такой убеждённый эгоист и антиморалист, как Лабади, незаметно для самого себя скатывается в употребление моралистской лексики и категорий именно тогда, когда он начинает говорить об экономике (и это неизбежно, если человек воспринимает экономику не как абстракцию, а как нечто реально существующее). Из-за того что к обоснованной критике капитализма Лабади примешивает некие фантомные гипотезы, его собственная курьёзная страсть к экономике теряет остроту (хотя, что характерно, даже наиболее метафизические увещевания Лабади пестрят неожиданными поворотами и щедро одобрены его безжалостным чёрным юмором). Конечно, народ, познавший свободный обмен, — это освобождённый народ, хотя благодаря вмешательству государства такой народ едва ли когда-то жил на свете, — но действительно ли гипотетические «законы» экономики настолько просты... да и *существуют ли они вообще?* Очевидно, в условиях общей анархии рынки как таковые *никуда не денутся*, впрочем, Лабади, кажется, слишком преувеличивает их возможную роль. И всё же, если учесть, что в сороковых и пятидесятых годах никто кроме Лабади не брался за эту тему, его нельзя упрекнуть в отсутствии оригинальности (а вот в упрямстве и повторении — может быть), и его дерзкая эксцентричная методология наверняка выведет из себя тех, кто привык полагаться на унаследованные от предков инструкции и догмы.

Кроме того, Лабади довольно спорно высказывается о конкуренции, считая её важнейшей силой,

способной оживить отношения между людьми, стимулируя разум и воображение, и сделать жизнь динамичной и увлекательной. Но при этом он не учитывает, что экономику, которая требует известной *стандартизации* социальных отношений, лучше всего можно понять, если рассматривать её как **укрощение** и обуздание конкуренции. Говоря об увлечённости Лабади экономическими категориями, можно отметить другой достойный критики аспект: его всецелую преданность идее *частной* собственности. Вероятно, он говорил о личном имуществе, однако в своих рассуждениях не смог дистанцироваться от риторики государственной власти, с её привычным разграничением между *общественным* и *частным*. Поскольку понятие «общественного» используется в отношении того, что отождествляется (или должно отождествляться) с государством, — данная категория является абстрактной, в отличие от своего антонима — «частного». Этимологически слово «private» («частный») восходит к латинскому глаголу, который переводится как «лишать»; соответственно, *частная собственность* — это имущество, которое государство разрешило человеку изъять из сферы «общественного» (или из «госсектора»), то есть собственность, которой общественное лишено. Но если мы признаём «общественное» фантазией, вымышленной категорией (на что Лабади столь чётко указывал во многих своих текстах), становится очевидно, что это общественное не может быть лишено чего-либо, и тогда понятие *частной* собственности теряет всякий смысл.

Приступая к анализу денежного вопроса, Лабади справедливо обличает абсурдность коммунистических взглядов на обмен, но в то же время полностью упускает из вида главенствующую роль денег на протяжении многих веков, когда они выступали орудием и символом *завоевания*. В Древней Греции мы находим множество примеров того, как деньги использовались в качестве инструмента имперской экспансии, символа военного превосходства, позволяющего заявить о военном захвате той или иной культуры (эпоха правления Александра Македонского характеризуется беспрецедентной степенью единообразия денег в большей части известного

мира, где вместо привычных ликов богов на монетах чеканился профиль самого Александра — это один из первых примеров использования монет для государственной пропаганды). Римские императоры вывели эту форму идеологической борьбы на новый уровень, и один историк даже утверждал, что «основной функцией монет является трансляция сообщений, которые император и его советники желают донести до своих подданных». Историк нумизматики Глин Дэйвис говорит, что «в эпоху до изобретения механического печатного станка монеты были наилучшим пропагандистским оружием в распоряжении идеологов греческой, римской и любой другой цивилизации». Если же мы взглянем на ещё более давние периоды, то заметим, что Лабади, кажется, совсем позабыл о религиозном, *священном* характере денег: ведь впервые они появились в храмах древней Месопотамии, когда вожди-жрецы ввели в обращение глиняные таблички, подтверждающие, что такой-то человек внёс свою лепту в дело повышения благосостояния храма-государства (между прочим, это было ещё и первое государство в истории).

Тот факт, что Лабади, вслед за Бенджамином Такером и его сторонниками, настойчиво придерживался принципов трезвого экономического анализа (к счастью, избегающего таких раздутых терминов, как *валоризация*, *маргинальная полезность*, *диалектический материализм* или *непрозрачность*), можно отнести к его главным заслугам, однако сегодня это можно рассматривать и как один из величайших его недостатков, поскольку со времён своего зарождения капитализм, вызывавший столько критики со стороны анархо-индивидуалистов первого поколения, в наше время стал настолько вездесущим и ужасающим в своём могуществе, что разум перед ним пасует — и кажется, что уже невозможно предложить ничего, что могло бы умерить ненасытное бешенство мировой экономики (на это можно возразить в том духе, что у капитализма и государства была отличная форма в виде централизации экономической и политической жизни, и идеи анархо-мютюэлистов просто не успели получить должного развития). Однако теории Лабади не были преданы полному забвению: в трилогии «Иллюминатус!»,

написанной Робертом Ши и Р. А. Уилсоном, встречается множество отсылок к экономике «по Лабади», и сам он несколько раз упоминается в приложениях к третьей части, «Левиафан».

— Хорд

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ДЕНЕГ (1948)

Шопенгауэр как-то сказал, что если вы не цените одиночество — вы не любите свободу. Это глубокая мысль. Потому что лишь в одиночестве человек по-настоящему свободен. При этом он может делать всё что пожелает, не мешая другим и не раздражаясь из-за их присутствия. Социальная проблема была бы полностью решена, если бы каждый человек мог быть совершенно независимым от всех остальных.

К сожалению, это невозможно, ведь для этого необходимо, чтобы каждый мог самостоятельно обеспечивать все свои потребности. Для этого требуются время, энергия, знания и возможности, а кроме того нужно быть буквально мастером на все руки — что, разумеется, не по силам никому из людей. Вдобавок, некоторые задачи можно решить только в ходе совместной работы и в условиях разделения труда, ну и конечно же, для зарождения новой жизни требуются объединённые усилия двух людей, мужчины и женщины. В общем, так или иначе, кооперация абсолютно необходима для продолжения человеческого рода.

Однако не стоит обделять вниманием тот факт, что кооперация по самой своей сути враждебна свободе. Чем больше людей вовлечены в одно дело, тем меньше у каждого из них личной свободы, ведь каждый должен считаться с желаниями и целями остальных участников. Получается, само определение индивидуальности предполагает, что увеличение числа людей, участвующих в какой-либо деятельности, или рост потребности в такой кооперации неизбежно приводит к пропорциональному ограничению личной свободы каждого из них. В конечном итоге мы приходим к огромным предприятиям, в которых каждый должен растворить

и подавить свою индивидуальность, чтобы служить цели этого предприятия и гарантировать, что действия каждого участника будут согласованы с действиями всех остальных. А для этого требуется заранее согласованный генеральный план, которым следует руководствоваться при принятии решений, обязательных для выполнения каждым членом коллектива. Короче говоря, для обеспечения эффективной координации любое совместное начинание должно задействовать принцип централизованной власти. В противном случае всякая совместная работа нацело утрачивает смысл.

В других очерках мы уже показали, что индивидуальная инициатива и индивидуальная ответственность опираются на закон последствий, согласно которому каждый может делать что желает, но на свой страх и риск. Это условие подразумевает, что каждый может требовать столько независимости, сколько сочтёт нужным. Сущность личной свободы — в праве и возможности отказа от кооперации. Все коммунистические схемы полностью аннулируют это право — наоборот, они провозглашают слияние индивида с группой, отказывая ему в свободе независимого действия. Однако нельзя не заметить, что говорить о личной свободе, не включая в это понятие индивидуальную и частную собственность (ограничиваясь вместо этого выборочным применением принципа непосагаемости, необходимого только для защиты и гарантии индивидуальной собственности), — означает нести откровенную чушь. Так называемых «анархо-коммунистов», а также коллективистов любого иного толка, которые распинаются о полном отказе от частной собственности и одновременно воспевают личную свободу, можно привести в качестве примера того, с какой непроходимой тупостью человеческий ум может отдаваться абсолютной бессмыслице.

Итак, поскольку, как мы видим, некоторая степень сотрудничества между людьми абсолютно необходима, а сотрудничество по своей сути враждебно свободе, мы сталкиваемся с противоречием, которое, однако, может быть устранено. И хотя при коллективной кооперации централизованная власть является основополагающим

принципом функционирования предприятия, в отношениях обмена — как между индивидами, так и между предприятиями — этот принцип не обязателен. Это объясняется тем, что стороны участвуют в обмене добровольно, и любая из них может отказаться от него по своему усмотрению.

Надеемся, нам нет нужды подробно останавливаться на описании всех неудобств и общей неосуществимости простого бартера, за исключением простейших сделок между двумя людьми, один из которых владеет чем-то, что нужно другому. Мы также воздержимся от комментариев по поводу сентиментального бормотания тех, кто полагает, что решение социальной проблемы зависит от распространения любви и дружбы во всём мире. Если у вас есть листок бумаги или иное платёжное средство и вы идёте с ним в магазин и обмениваете эту банкноту или долговую расписку на определённые товары, вас не должно волновать, кто их изготовил и жил ли он в Тимбукту, — неважно, если его характер покажется вам отталкивающим до такой степени, что вы не захотите иметь с ним никаких личных дел: для поддержания мира кооперации, где выигрывают все участники процесса, достаточно того, что он предлагает качественный и необходимый вам продукт по удовлетворительной цене, принимая во внимание, что по всему миру есть другие такие же производители товаров, востребованных другими людьми.

На этом месте читатель, не углублявшийся в основные аспекты производства и обмена, может задаться вопросом: почему, если в сегодняшнем мире функционирует модель, очень похожая на описанную выше, мы наблюдаем такую пропасть между богатыми и бедными. И почему тогда на всём протяжении истории происходят кровопролитные промышленные, торговые и территориальные (между государствами) схватки и войны?

Я полагаю, что деньги — это один из величайших инструментов кооперации, изобретённых человечеством. Они входят в троицу, состоящую из личного интереса, централизованного управления и кредитно-денежной политики. При помощи денег можно избежать прямого персонального надзора и

авторитарного принуждения к выполнению предписанных решений в пользу индивидуального выбора, поскольку посредством денег каждый может сотрудничать с бесчисленным количеством людей в любом месте планеты, без необходимости того, чтобы все они были между собой знакомы. Мы не знаем и не хотим знать всех этих людей — наш личный интерес заключается только в том, что кто-то где-то производит что-то, нужное нам самим, как и в том, что мы имеем на руках достаточный объём платёжных средств или денег, выступающих гарантией или доказательством того, что мы произвели нечто, имеющее ценность для кого-то ещё, и что мы можем обменять эти знаки на выставленные на продажу вещи, нам необходимые. Именно так и может быть решена фундаментальная социальная проблема, которую можно сформулировать так: кто и что должен делать, когда, где, почему и как, и сколько каждый должен получить за свой труд? Ведь когда мы приобретаем какую-либо вещь на рынке, мы фактически подтверждаем выбор призвания и предприятия, совершённый человеком, который изготовил эту вещь. Вся эта процедура является исключительно добровольной, и каждая из участвующих сторон вправе отказаться от неё в любой момент.

Коммунисты обещают удовлетворить потребности каждого, но пытаются достичь этого, отказывая всем в праве на личную свободу и независимость. Некоторые (анархо-)коммунисты сдуру провозглашают это свободой — явно не от большого ума. Своими неприкрыто хищническими поползновениями они рассчитывают принудить «способных» заботиться о «нуждающихся», отказывая первым в иных альтернативах и тем самым полностью отрицая саму идею свободы выбора. Таким образом, они явно демонстрируют уверенность в том, что у них самих больше потребностей, чем способностей, и по неразумению своему провозглашают некомпетентность большей части человечества. Коммунизм, как сказал Прудон, — это «философия страдания». Коммунистам не нужно так сильно бояться личной свободы.

Вместе с тем, контроль над выпуском и оборотом денег является одним из величайших инструментов

эксплуатации, когда-либо изобретённых человеком. Зачастую деньги наделяют монополистов, контролирующих их оборот, даже большей властью, чем та, которой обладают властные структуры принуждения, то есть само государство, дарующее им привилегии. Такая монополия позволяет банковским системам взимать непомерную плату за свои услуги под предлогом «процента» за простое действие — одобрение кредита для клиентов. Эта грабительская операция послужила примером для действительного капитала с его способностью назначать сходную спекулятивную наценку, или «прибыль».

Именно эта первоначальная монополизация основных факторов производства и товарообмена, а именно земли и денег, порождает неисчислимы бед, с которыми мы впоследствии пытаемся справиться — да только не с того конца. Одна из главных напастей, которым сегодня подвергаются люди, — это механизмы психического вытеснения и подавления, отмечаемые психологами. К сожалению, поскольку профиль этих специалистов не позволяет им учитывать всю массу факторов, влияющих на поведение человека, психологи не способны понять, что все эти неврозы и психозы, которыми они так обеспокоены, вызваны преградами на пути естественного творческого самовыражения человека, в частности в отношении способов заработать на жизнь. Ведь основное зло, проистекающее из эксплуатации людей вследствие монополизации земли и денег, — не эксплуатация как таковая, а искусственное создание дефицита, что влечёт за собой все виды безумной грызни. Ибо вымогать таким манером деньги или притязания — значит вытеснять подлинные возможности и требования, основополагающие с точки зрения свободы производства и обмена благами. Более того, созданный таким образом искусственный дефицит влечёт за собой всевозможные формы вражды и раздора, среди которых отнюдь не последнее место занимает не что иное, как война.

Если бы те, кто стремится облегчить страдания людей, внезапно одумались и перестали лечить симптомы,

а вместо этого тщательно отследили их основные причины, они бы сэкономили массу усилий, в противном случае совершенно бесплодных. Ведь пытаться устранить последствия в обход коренных причин абсолютно бессмысленно. Я говорю о людях и профессиях, чьи экономические интересы или заработная плата зависят непосредственно от всех тех горестей и безумств, что обрушиваются сегодня на человека. К несчастью, лечение симптомов только на руку профессиональным моралистам и религиозным ханжам, политикам, врачам, психологам, пацифистам и так называемым социальным работникам всех мастей, ведь тем самым они зарабатывают себе на жизнь, не отваживаясь на радикальные попытки искоренения того самого зла, что обуславливает существование их профессий. Кроме того, перед нами невежественные и скудоумные люди — такие, как Фрейд или Райх, всякие хитроумные изобретатели идеальных социальных и политических систем или проповедники значимой и простой жизни, не считая бесчисленное множество других, которые в основном хлопочут над отчуждением человека от его среды обитания и от природы, толкая его к состоянию полного распада — в конце концов обрекая того на самоуничтожение. На данном историческом этапе развития человечества мы наблюдаем зарождение некой фатальной тенденции, некоего inferнального процесса или цепочки событий, невольными зачинщиками которых были древние люди и невольной жертвой которых является современный человек, заложник привычки. Похоже, нам не выпутаться из этих обстоятельств без какого-нибудь чуда или новшества, не имеющего известных аналогов в истории. Между тем, как мы видим, лучшее, на что оказался способен человек перед лицом всё усугубляющихся мучений на фоне зыбкой возможности более-менее райского существования, — это чтение проповедей о доброй воле и любви, как будто это они нужны для создания гармоничного мира, а не плоды и последствия свободы как таковой. Можно даже поверить в то, что добрая воля и любовь — это законодательные или конституционные

приказы, обязательные к соблюдению жертвами какого-то безумного мира.

По крайней мере, именно к такому выводу, судя по всему, приходят в итоге разномастные коллективисты, которые рассуждают о группах или стадах и верят, что судорожный захват власти, принудительное управление и вербовка сторонников на основании якобы привлекательных моральных принципов помогут им впоследствии расслабиться и «самоустраниться», после чего люди заживут долго и счастливо... Вся эта схема представляется чем-то вроде светской интерпретации религиозных доктрин, основанных лишь на иррациональных предрассудках, в которых сплетаются самообман и фантазии. Иными словами, подавление свободы должно чудесным образом привести к её воскрешению, подобно фениксу, встающему из пепла. Свобода действительно воспринимается как система социальных взаимоотношений, а не прерогатива потенциально независимых индивидуально-стей. Такова логика стадного ума.

КАК ДЕНЬГИ СООТНОСЯТСЯ С СОЦИ- АЛЬНОЙ ПРОБЛЕМОЙ

Суть проблемы

В чём заключается социальная проблема? Проще говоря, в чём именно заключается ценность монархии, ограниченной монархии, конституционного правления, парламентаризма, разделения властей, советов, пау-вау, дум, сенатов, пропорционального представительства, различных форм голосования и т. д. и т. п.? К чему сводится ключевая проблема, общая для коммунизма, демократии, социализма, анархизма и всех прочих форм общественной кооперации, какие только можно вообразить? Мы слышим о социальной проблеме, проблеме политической, экономической и т. д. Я утверждаю, что в действительности в каждом из этих случаев подразумевается одна ключевая проблема, и она сводится к *вопросу о том, как принимаются решения*. Похоже, этот очевидный факт ускользает от внимания публики на фоне шумной пропаганды, постоянно льющейся на неё со всех сторон.

Потребность в кооперации

Нет сомнений, что люди участвовали в кооперации на протяжении сотен тысяч лет. Тем самым они могли извлечь максимум пользы, объединяя лучшие качества из тех, что присущи отдельным людям, дабы их способности, опыт, инициатива и т. п. служили общему благу, взаимопомощи. В каком-то смысле, разделение труда обнаруживается даже в отношениях между полами. Всем известно, что в условиях дикой природы человеческие младенцы — одни из самых незащищенных существ. Совершенно ясно, что без взаимопомощи, в той или

иной её форме, человеческий род вообще не имел бы шансов на то, чтобы выжить.

Неизбежная проблема

Итак, когда группа людей объединяет свои усилия ради достижения некоей общей цели, они сразу же сталкиваются с проблемой: *что* им нужно делать, *зачем*, *где*, *когда* и *как*, и перед каждым из них встаёт вопрос о том, какой вклад ожидается лично от него и что причитается ему в конечном итоге. Естественно, по мере углубления в разбор отдельных деталей и частных будут высказываться всё новые и новые мнения. Участники неизбежно столкнутся с дилеммой, вытекающей из *вопроса о том, как будут приниматься решения*. Кто и на основании чего будет выносить суждение о том, что, где, когда, как и т. д.?

Необходимость координации

Очевидно, возникает потребность в некоем едином механизме принятия решений, чтобы после того, как эти решения приняты, все понимали, что решения эти отражают коллективную волю и все участники должны ей подчиниться. Но с какой стати? Да потому, что гарантировать эффективность кооперации, не поставив при этом под сомнение её обоснованность и целесообразность, можно лишь при условии *координации* деятельности участников в согласии с *последовательным* планом.

Простейшая альтернатива

Конечно, самое простое и очевидное решение — это передать бразды правления какому-нибудь компетентному дяденьке, назначив его боссом или королём, исходя из того, что решения, принятые одним человеком, не могут быть взаимно противоречивыми, что кому-то по силам сформулировать и реализовать общий план и что отдельные положения этого плана, каким бы он ни был, по определению не будут друг с другом конфликтовать.

Неискоренимые пороки

Увы, как показывает опыт, бездумное делегирование власти и вера в непререкаемый авторитет, способный выносить окончательные суждения по существу всех принимаемых решений, неизменно оборачивается злоупотреблениями, эксплуатацией, тиранией и всеми видами коррупции — неискоренимыми пороками любой централизованной формы правления. Отсюда и все попытки ограничить абсолютную власть при помощи всяческих уловок, ни одна из которых, впрочем, не ставит под вопрос саму *необходимость* абсолютной власти, в виде таких институций, как, например, государство, проводящее свою волю под угрозой применения насилия. Ситуация не меняется, даже в случае попыток принимать решения так называемым «демократическим путём».

Наконец, несколько отклоняясь от сути рассматриваемого здесь вопроса, я хотел бы высказать общее соображение о том, что реальные причины возникновения государства и его цели значительно — и даже радикально — отличаются от общепринятого мнения о таковых.

О ключевых аспектах проблемы

Для решения стоящей перед нами проблемы коллективного принятия решений целесообразно начать с перечисления нескольких факторов или принципов, которые следует учесть при планировании человеческой деятельности.

Бесспорно, решающую роль играет *индивидуальность* — то есть все те различия во мнениях, вкусах, потребностях, желаниях и т. п., что порождают социальную проблему как таковую. Ведь коль скоро царит всеобщий консенсус, социальная проблема (в отличие от проблемы технологической) возникнуть не может. Она возникает лишь в том случае, когда имеются *разногласия относительно* целей и средств.

Следующий фактор — *эгоизм*, поскольку ни у кого не вызывает сомнений, что предметом первостепенной

заботы для каждого является его собственное благополучие и что личный интерес и инстинкт самосохранения служат источником мотивации практически каждого живого существа, и всякий организм следует по пути наименьшего сопротивления, двигаясь к своей цели в меру сил. (В свете этого, выводить основу человеческих взаимоотношений из любви было бы, мягко говоря, легкомысленно.)

Ещё раз: *принцип целесообразности* — это фундаментальный закон, направляющий человеческую деятельность, выше которого только воля к жизни. По возможности, каждый стремится жить в согласии с общепринятыми нормами поведения; при необходимости каждый готов эти нормы нарушить. Человек всегда будет демонстрировать то поведение, которое кажется ему оптимальным в текущих обстоятельствах на основании собственной оценки возможных *последствий*.

Социальная проблема обусловлена и иными факторами, на которых мы не будем останавливаться. Как мы знаем из практики, все попытки решить указанную проблему в обход этих соображений обречены на провал.

О распространённых заблуждениях

Здесь мне хотелось бы уделить внимание некоторым из тех факторов, что чаще всего выпадают из поля зрения или сбрасываются со счетов, когда дело доходит до обсуждения природы социальной проблемы и поиска её решения.

Один из них заключается в том, что не существует такого понятия, как *групповое сознание*, и можно говорить лишь о совокупности отдельных сознаний. Тенденция к тому, чтобы рассуждать о людях в терминах групп или оперировать такими категориями, как «социум», «нация» и т. п., *словно они являются реальными сущностями* (воистину, в таких рассуждениях и проглядывает стадный инстинкт), олицетворяет собой, пожалуй, грубейшую из ошибок, свойственных социологической мысли. На этом споткнулись все без исключения утопические схемы, восходящие ещё к доплатоновским временам. По-видимому,

органическое толкование общества почерпнуто из патернализма, что объясняет столь глубокую убежденность в необходимости государства.

Ещё один, и весьма примечательный, фактор заключается в том, что *залогом всякой гармонии является возможность отмежевания*. Оспорить это не сможет никакая форма коммунизма. Джосая Уоррен, обнаруживший этот факт, сформулировал следующий принцип: логика социального порядка диктует, что «*в основу всякого общества должно быть положено право на отказ объединяться*». Он выяснил, что бездумное объединение людей без оглядки на их желания и мнения провоцирует рост внутренней напряженности и может обернуться всеобщим раздражением, трениями и конфликтами. Уоррен, как впоследствии и Прудон, считал, что принуждение к сотрудничеству не поможет решить социальную проблему, утверждая, что оно допустимо лишь в строго оговоренных границах и оправданно лишь в тех случаях, когда недостаточно усилий отдельных людей. Участие в ассоциациях — когда они совершенно необходимы — должно быть добровольным и всегда предусматривать право участников на отмежевание. (К слову сказать, государство — это единственная общественная институция, в которой запрещено не состоять.)

Завершая этот обзор, мы переходим к третьему фактору, уже упомянутому мной выше, — он касается естественного закона *причин и следствий*. Любое общество обрекает себя на проблемы, если оно игнорирует, обходит стороной или иным образом пытается оспаривать тот факт, что каждый человек должен нести персональную ответственность за *естественные последствия* всех его действий. В этом состоит фундаментальная ошибка, свойственная всем без исключения политическим системам — они позволяют одному человеку или группе лиц принимать решения, затрагивающие других людей, причём, как правило, без ведома последних или без согласия с их стороны. Деморализующий и разрушительный эффект подобной политики должен быть очевиден даже для самого поверхностного наблюдателя. К слову сказать, здесь мы снова имеем дело с аспектом, выпадающим из поля зрения абсолютно всех теоретиков коммунизма.

Две формы социального контроля

Вероятно, теперь читатель испытывает замешательство: «Мне казалось, что речь будет идти о деньгах». Так и есть, но всему своё время: прежде чем мы перейдём к этой теме, нам следует составить чёткую и непротиворечивую картину того, что воплощает в себе социальная проблема, а она, по сути, сводится к *проблеме принятия решений*.

При таком взгляде на вещи мы видим мир, населённый потенциально независимыми индивидами, убеждёнными, что независимость и кооперация не просто возможны, но и необходимы с точки зрения всеобщего благополучия.

Эта форма сотрудничества, известная уже тысячи лет, называется прямой кооперацией и *требует прямого контроля*. По крайней мере, до тех пор, пока между *независимыми* производителями не установятся отношения обмена, после чего *контроль, осуществляемый посредством конкуренции, становится непрямым и безличным*.

Как показал Ламберт Скайлер в своей брошюре «Америка, соображай быстрее» (*Think Fast America*) — причём, на мой взгляд, довольно убедительно, — своим расцветом цивилизация и культура обязаны *торговле*, которая стимулировала разделение труда до тех пор, пока первостепенные потребности человечества не были удовлетворены настолько, чтобы высвободить *свободное время* для деятельности, связанной со сферой культуры. Распространение знаний началось как раз в то время, когда люди стали путешествовать с целью торговли, обмениваясь не только товарами, но также идеями и опытом, полученным в самых разных местах.

Социальная функция денег

И теперь мы переходим к самой сути — к деньгам. Нет смысла перечислять все неудобства, присущие натуральному обмену. Достаточно понимать, что *большинство* считало деньги приемлемым *средством* для обмена товарами. И не нужно повторять здесь историю того,

как возникли кредитные деньги и как со временем они стали использоваться наряду с деньгами товарными. Необходимо усвоить лишь одно: перед нами лист бумаги, олицетворяющий объём уже выполненной работы или требование о выполнении работы другими, а кроме того предположительно подтверждающий, что лицо, выпустившее эту бумажку в обращение, обладает или владеет ценностями, на которые её можно обменять, и что её обладатель произвёл нечто ценное, чтобы эту бумажку получить, и может рассчитывать на приобретение у кого-либо чего-то, имеющего эквивалентную ценность.

И здесь мне хотелось бы подчеркнуть один важный момент. Легитимным *источником* этой банкноты может быть только *производитель*. И под производителем я не имею в виду какого-то дядю, не имеющего за собой ничего, кроме печатного станка и бумаги. Никакое частное лицо или институция не вправе претендовать ни на какие ценности кроме тех, что были произведены ими самими. Поразмыслите над этим и сделайте свои выводы. (Вопрос о том, как функция выпуска денег и управления ими была узурпирована монархией, монополиями под протекцией государства и государством как таковым, — тема, достойная отдельного обсуждения, включающего историю узаконивания грабежа и всех сопутствующих этому революций и войн, что, разумеется, выходит за рамки настоящей статьи.)

И вот, мы переходим к сути рассматриваемой нами проблемы: каким образом вы, как индивид, можете распорядиться деньгами? Вы можете прийти с ними на рынок — в мир вещей, воплощающих в себе плоды чужих усилий, — и купить что-нибудь из предлагаемых там товаров. Поступая так, что вы, собственно говоря, делаете? Вы делаете выбор, принимаете *решение*, причём *исключительно от своего лица, а не от имени кого-либо ещё*. Вы не идёте на выборы, чтобы проголосовать за кого-то, кто будет помыкать *мною*, как не делаю этого и я. Фактически вы *отдаёте свой голос* за кого-то, одного человека или нескольких людей, изготовивших купленную вещь, подтверждая этим лишь совокупность функций или работ, самостоятельно выбранных ими и необходимых вам. Разумеется, если им не удаётся получить

ни единого «голоса», им приходится «баллотироваться» на другую «должность». Их служебное соответствие напрямую зависит от их способности выполнять свою работу на должном уровне, и они будут вынуждены немедленно сложить с себя полномочия, если их квалификация окажется для этого недостаточной, равно как и в случае, если кто-то сможет доказать на деле свою способность лучше решать те же задачи.

Итак, *общую сумму всех этих индивидуальных выборов олицетворяет общество кооперации, полностью исключающее централизованный контроль* и не знающее бюрократии, диктаторов, королей, президентов, комиссаров, сенаторов и т. п., как и всей той несметной официозной орды политических упырей, которых обществу приходится терпеть с начала времён. Именно это можно назвать основным принципом сохранения личной свободы в контексте социальных отношений, и в этом же, на мой взгляд, лежит ключ к пониманию знаменитого изречения Прудона: «Свобода — не дочь, а мать порядка».

Такое положение вещей складывается почти автоматически *благодаря изобретению денег*. Я считаю, что с точки зрения кооперации и личной свободы открытие этого способа обмена ознаменовало собой историческое событие. Значимость этого открытия с трудом укладывается в голове, а его последствия в том, что касается социальной проблемы, нередко ускользают от внимания даже самих денежных реформаторов. По их словам, этот вопрос имеет значение лишь применительно к проблеме «экономической».

Однако этот способ *исполнения обещаний*, поощряющий циркуляцию денег, обеспечивает тот самый питательный раствор, из которого рождаются решения, принимаемые в условиях личной свободы.

Попытки убедить наших современников в необходимости вырвать денежную функцию из лап монополии могут показаться тщетными. Неважно, будет ли эта монополия частной или государственной. Мы уже и так передали слишком много полномочий институциям государства, позволив ему играть роль большого папочки, принимающего за нас все решения и избавляющего нас от проблем. При всей своей очевидности,

мысль о том, что государственная машина и породила все нынешние проблемы, едва ли приходит кому-нибудь в голову. Что и говорить, достаточно исключить концепцию государства из построений почти любого реформатора или революционера, озабоченного спасением мира, и его мысль сразу же заходит в тупик. Денежные реформаторы наиболее подвержены подобному эскапизму. Это глубочайшее политическое суеверие всех времён столь прочно укоренилось в человеческом сознании, что большинство людей не отдают себе отчёта, что ответить на вопросы о том, кто, что, когда, где и почему должен делать, можно, лишь допустив неограниченную свободу деятельности, когда решающим фактором будет конкуренция. Ведь и в самом деле, когда денежный механизм контролируется государством, люди, обладающие хоть каплей здравого смысла, вскоре обнаруживают, что это они работают на государство, а не государство на них. Я умышленно воздержусь от всяких упоминаний слова «анархия», чтобы мои читатели не выстроились в очередь на выход. Мы столь тесно завязаны на этот аппарат по раздаче каши под названием государство, что большинство из нас приходят в ужас, услышав, что мы сможем выжить и без него. Мы едва ли готовы понять, откуда же взялся государственный рог изобилия.

Ввиду нехватки времени мы также вынуждены опустить рассуждения о том, как денежная монополия порождает эксплуатацию человека человеком, снижает объём промышленной активности, провоцирует экономические депрессии, банкротства, неэффективный труд — не говоря уже о ВОЙНЕ. Монополия на управление деньгами во все времена означала самое масштабное вымогательство в мире, и наша эпоха — не исключение. Сегодня ни одно государство не способно даже развязать войну, пока оно не завладело печатными станками для выпуска денег или облигаций.

Я попытался показать, сколь значимой и важной является денежная проблема. Должно быть достаточно очевидно, как тесно она соотносится с задачей захвата и удержания власти. Ревнители личной свободы должны первыми задуматься над тем, что в текущих

реалиях все их надежды так и останутся тщетными ровно до тех пор, пока мы не решим проблему денежной политики — необходимо изжить монополию во всех её формах и передать право принятия решений в этой сфере производителям, которым оно по справедливости и принадлежит.

Декабрь 1948 г.

ЧАСТЬ 3

ПЕРИОД МИЗАНТРОПИИ

Надежда — это нормальная форма делирия.

— Э. М. Чоран

В комментариях Лабади по поводу дел земных всегда сквозила прохлада, однако к концу 1950-х его цинизм достиг абсолютного ноля и он принялся обличать человеческую глупость, без устали штампуя едва ли не самые тонкие и язвительные сатирические очерки, какие только выходили из-под пера анархиста. Несмотря на то, сколь мало анархистов оставалось в то время в США, критика Лабади нашла отклик у участников движения за децентрализацию, основанного аграрным теоретиком и практиком самообеспечения Ральфом Борсоди. Зимой 1934 года Борсоди организовал «Школу жизни» в округе Рокленд (штат Нью-Йорк), стремясь продемонстрировать возможность физической и экономической независимости от доминирующей культуры, и во время Великой депрессии призывал всех следовать своему примеру. Считается, что его книга «Эта уродливая цивилизация» (*This Ugly Civilization*), вышедшая в 1929 году, вдохновила сотни тысяч людей покинуть города и основать собственные автономные поселения, пытаясь тем самым оградить себя от экономической и психологической незащищённости индустриальной эпохи. И хотя у Лабади имелись серьёзные разногласия с Борсоди, он, тем не менее, отдавал должное его децентралистской риторике и очень увлёкся его книгой, цитату из которой я привожу ниже:

ВОТ ОНА, уродливая цивилизация.

Цивилизация шума, дыма, вони и толп, где люди довольствуются жизнью посреди размеренного грохота её машин, дыма и вони её заводов, толкучки и неудобства её городов, которыми она так гордится.

На рабочих местах люди гложут от шума. Заводы наполнены циклическим, и отнюдь не ритмическим, грохотом машин, извергающих рокот и лязг во время работы. Не менее шумно и в офисах, с неумолкающим тра-та-та печатных машинок, постоянно звенящими телефонами и долбёжкой счётных машин. Улицы, на которых толкуются люди и на которых они вынуждены трудиться и играть, тонут в бесконечном гуле автотранспорта — в нём сплетаются рёв моторов, визг тормозов, вопли сирен и звуки сталкивающихся друг с другом машин. И даже жилые дома, где, казалось бы, люди должны отдыхать, тонут в нескончаемом шуме — ведь они не только жмутся друг к другу, но и нагромождены один поверх другого, в результате чего со всех сторон раздаётся нестройный гул бесчисленных пианино, фонографов и радиоприёмников.

Люди, принадлежащие к этой фабричной цивилизации, привыкли мириться со всем её шумом. Ибо шум есть звуковое свидетельство их выдающегося мастерства, неизбежный аккомпанемент прогресса их цивилизации. Чем больше шума производит цивилизация, тем она могущественнее. В первую очередь, своим уродством эта цивилизация обязана тому неприметному лицемерию, с которым она побуждает людей вливаться в фабричное производство жизненных благ, хотя в то же самое время лишает их всякой возможности ими воспользоваться. Одной рукой она одаривает комфортом, а другой отнимает его.

Фабричное порабощение, которому на равных основаниях подлежат все без исключения, обрекает квалифицированных рабочих и творческих личностей на однообразный труд, от которого каждая жила в их теле, каждая капля крови в их венах, да и сама их душа начинает биться в безмолвной агонии, не в силах вынести свою новую и единственную функцию, которая отныне сводится лишь к тому, чтобы безжалостно убивать время — невосполнимое время, из которого соткана сама жизнь.

Ибо Америка способна ценить только вещи, а что же до времени — ну так время и предназначено, чтобы его

убивать, а лучше даже терзать, кромсая его на вещи, которые можно затем купить и продать.

Критическое отношение Лабади к индустриальной и механистической цивилизации легло в основу его полемики, затрагивающей проблемы социальной инженерии и личной автономии или направленной на обличение человечества как такового. В 1960-х годах Лабади пишет как никогда много, и с каждым новым текстом возрастает его пессимизм касательно жизнеспособности анархистских идей. При этом веру в анархизм Лабади так никогда и не утратил, и его скептицизм выражался лишь в том, что, как он полагал, с учётом текущих исторических тенденций, человечество вряд ли способно воплотить идеи анархизма на практике, и в своих многочисленных статьях он предрекал, порой гениально, тот мрачный финал, к которому, по его мнению, приближалось человечество. Можно найти множество указаний на то, как менялась траектория мысли Лабади, начиная с его ранних текстов и заканчивая пугающими пророчествами по поводу планетарного апокалипсиса, которые выходили из-под его пера в конце 1960-х — в депрессивных, на грани одержимости, посланиях, написанных им в тот период, сквозит предчувствие какой-то невыразимой *опасности*, и в то же время в них просвечивает всё та же проблематика, которая занимала его в ранние годы, хотя теперь в его риторике невозможно обнаружить и намёка на веру в интеллектуальный потенциал человечества. С точки зрения Лабади, на человечестве пора было ставить жирный крест, и если в текстах, написанных им в последние два десятка лет его жизни, и упоминался какой-то «прогресс», то лишь в контексте *прогрессирующего упадка*. Не находя ничего, что могло бы избавить или спасти человечество от тщеславного и бесцельного соскальзывания в общую могилу, Лабади принялся решительно и методично выдавать одно эссе за другим, обличая весь тот зловещий фарс, в который облекается политика, религия и бытие вообще. Едва не угробив себя в бесплодных сражениях им же объявленной войны, в начале 1960-х поседевший и покрытый шрамами

Лабади стал затворником и укрылся от людской суеты на севере штата Нью-Йорк, чтобы там, вдали от крысиных бегов современности, заняться исследованиями и продолжать писать, разочаровавшись во всём и холодно наблюдая за продолжающейся по инерции агонией анархизма. Этот период жизни Лабади, пронизанный ощущением грядущего конца, его племянница Карлотта Андерсон в своей книге описывает в горьковато-сладких тонах: «Несмотря на то, что в быту ему явно не доставало сноровки, Лоренс поддерживал идеальный порядок в своём архиве, включавшем невероятно объёмистую переписку с теми из друзей его отца, кто в то время ещё оставался в живых, а также и с более молодыми либертариями, в том числе и теми, кто принимал участие в делах движения "Обратно к земле", рупорами которого выступали Борсоди и Лумис, призывавшие к введению всеобщего земельного налога, предложенного Генри Джорджем». Он был страстным спорщиком и в переписке со своими оппонентами вполне мог разгорячиться и перейти на личности. «Он мог сожрать тебя живьём при малейшем намёке на то, что ты погрешил против здравого смысла», — вспоминает его друг Джеймс Мартин. Стоит открыть любую из множества папок, доверху набитых «неотправленными письмами к Милдред Лумис» (выполнявшей функции главного заместителя Борсоди), или прочитать копии тех писем, которые Лоренс всё-таки отправил, чтобы оценить, насколько глубокую ярость вызывало у него то, что он воспринимал как проявления её (и Борсоди) скудоумия. Как и его отец, он испытывал особое презрение к академическому сообществу.

Со временем его образ жизни становился всё более замкнутым, и немногочисленным гостям Лоренса приходилось выслушивать его бесконечные монологи — его речь была похожа на поток сознания, и он часто внезапно перепрыгивал с одного предмета на другой. И хотя он мог быть по-настоящему острым на язык, а в общении с некоторыми людьми даже вспыльчивым, столь же часто он проявлял великодушие и доброту. Дети приводили его в настоящий восторг, среди них он чувствовал себя своим; в 1960-е детвора из бывших

чёрных кварталов Детройта пару раз даже провела у него в Сафферне изумительно нерегламентированные летние каникулы. В узком кругу близких он демонстрировал восхитительно едкое остроумие и нередко подшучивал над самим собой. К примеру, он мог заявить, что придерживался строго сбалансированной диеты: якобы один год он питался морковью, другой — шпинатом и так далее, — проблема была лишь в том, что ему оставалось жить не так долго, чтобы успеть включить в эту диету каждый из доступных продуктов. Эти немногочисленные друзья помнят его как человека невероятно обаятельного и ранимого.

Лоренс никогда не состоял в браке. Он иронизировал на этот счёт и в шутку заявлял, что однажды — когда ему уже перевалило за пятьдесят — он предложил одной женщине из «Школы жизни» выйти за него замуж (хотя он считал её непривлекательной из-за «проблем с кожей»), но она ему отказала. Одному из своих друзей он сообщил, что пару раз пробовал заниматься сексом, однако нашёл, что это занятие сильно переоценено. Считая себя «физически неполноценным», Лоренс говорил, что эмоциональная сторона его личности недостаточно развита: «Похоже, всё дело в страхе, который подавлял во мне этот импульс и не позволял мне раскрыться ни перед кем», — писал он.

Обуреваемый мыслями о собственной бесполезности, Лоренс не питал особых иллюзий и по поводу рода человеческого в целом. К концу жизни он пришёл к убеждению, что вся его работа была абсолютно бессмысленной. Своё физическое и духовное истощение он объяснял, в первую очередь, «фрустрацией, вызванной недостатком общения». Его мировосприятие приобрело столь апокалиптические черты, что, по словам Джеймса Мартина, «[внушало] ужас даже редакторам почти всех радикальных журналов». В своей последней опубликованной статье, вышедшей под заголовком «Что ждёт человечество?» (*What Is Man's Destiny?*, 1970), Лоренс предрекает человечеству скорый конец и заявляет, что «было бы совершенно нелепо ожидать, что всеобщая борьба за власть между правительствами (само существование которых основано на идее о том,

что они представляют угрозу друг другу) может закончиться чем-то иным, кроме как взаимным уничтожением человеческого рода». К концу жизни он утвердился в мысли о том, что всякие фантазии о практическом воплощении идей анархизма были не более чем «воздушными замками».

Несмотря на всю свою мизантропию, Лоренс пользовался большим уважением среди ренегатов, принадлежавших к кружку, образованному вокруг «Школы жизни» Ральфа Борсоди (включая юного Роберта Антона Уилсона и Герберта Роузмена, основателя издательства Revisionist Press), — они высоко ценили провокационный и вдохновляющий тон его угрюмого фатализма и проявляли поистине поразительный интерес к его бесполезной «писанине» (как он сам её называл), которую он без устали строчил в объёме от пяти до девяти желчных страниц в день. *Тешить* себя отчаянием было не в его характере, и на закате дней в манерах Лабади стало проглядывать некое горькое достоинство, которое проявлялось в том, как он воспринимал своё добровольное изгнание — теперь оно несло на себе печать не только независимости, но и сопротивления. К началу 1960-х Лабади созерцал пустые фантазии анархизма уже с позиции отстранённого наблюдателя, став свидетелем тому, как окружавший его мир менялся до неузнаваемости, и утратив всякую надежду на то, что людское стадо когда-нибудь сможет стряхнуть с себя неискоренимую тупость и невежество. В безжалостной негативности позднего Лабади ощущается острый привкус упадка, который служит той нитью, что связывает его критическое отношение к анархизму с общим пессимизмом по поводу судьбы этого мира. Его тексты читаются так, словно они написаны в другую эпоху, хотя в той же мере ощущаешь, до какой степени они принадлежат своему времени — бросается в глаза практически беспросветная мизантропия, которая, подобно сточной воде, сочится из его беспокойных статей по мере того, как без всякой жалости или снисхождения Лабади препарирует дела человеческие, дабы те предстали в поистине удручающем свете — начинает казаться, словно в каждом последующем эссе заключено

ещё больше тёмной энергии, в которой черпала силу его бессильная злоба. Мрачная полемика Лабади достигла своего пика в таких статьях, как «Что ждёт человечество?» (зловещий образчик торжества паранойи и мании преследования, в конечном счёте попавший под нож по причине своего значительного объёма) и «Наш мир, как мы его понимаем» (столь же незабываемое эссе, посвящённое въедливому разбору Нового Мирового Порядка и проблеме промывания мозгов/зомбирования населения), в каждой из которых Лабади что есть силы кричит о том, что предвещает нам грядущий XXI век. Однако по-настоящему Лабади начал обнажать свои клыки (время от времени даже чересчур смакуя своё отвращение) в своей брутальной статье, посвящённой Вьетнамской войне, под названием «Зачем американцам убивать вьетнамцев или кого угодно» (*Why Americans Need To Kill Vietnamese or Somebody*) — ещё одно утраченное сокровище, не вошедшее в окончательную редакцию этой книги, поскольку взгляд на вещи, выраженный в этой статье, был слишком уж упрощённым (Вьетнамская война приводила Лабади в такую ярость, что создаётся впечатление, что при её обсуждении он утрачивал всякую объективность — хотя во всех других отношениях этот текст написан достаточно ярко, к развязыванию гражданской и международной войны во Вьетнаме приложило руку множество «причастных» сторон, и возлагать всю вину за эти события на «интересы банкиров» со стороны Лабади было довольно поверхностно и неконструктивно). Среди прочих кошмаров современности, которые не давали Лабади покоя ни днём ни ночью, была нависшая угроза атомной войны между Соединёнными Штатами и Советской Россией, и в своей поучительной притче под названием «О продолжении человеческого рода» он сокрушается (с леденящим кровь юморком) по поводу того факта, что столь тупоголовая биологическая особь сумела дорваться до столь разрушительного оружия, и сравнивает вымирание человечества с таким феноменом, как грозящая вселенной тепловая смерть. К концу жизни Лабади стал относиться к людям как к чему-то едва ли отличному от бактерий, а учитывая необъятность

космоса — как к чему-то уж точно не более важному или возвышенному, чем они. По мнению Лабади, люди — не что иное, как набор генов, подобно собакам Павлова движимый инстинктом к размножению и выживанию, — животные, чьи двигательные функции, мысли и импульсы не поддаются сознательному контролю (за некоторыми, крайне редкими и своенравными исключениями), так что любой проект, имеющий целью облегчить человеческую участь, упирается в главную проблему, заключающуюся в том, что спасти-то, в общем, и некого.

В некотором смысле Лабади был пророком (или диагностом грядущего апокалипсиса), а судьбы пророков во все времена складывались не самым лучшим образом. Чаще всего их отправляли на костёр, запирали в приютах для умалишённых или попросту исключали из публичного дискурса с помощью разнообразных способов маргинализации. Однако отстранённый зритель, способный, сохраняя известную дистанцию, хохотать над ужимками клоунов, пытающихся превратить анархизм в массовое движение (причём в контексте насаждаемой культуры дебилизма), найдёт комментарии измождённого Лабади по поводу обещанного светлого будущего (в свете человеческой ограниченности) изумительно точными и объективно неопровержимыми. Современный анархизм (лишившийся своего бывшего престижа) ныне усердно — и столь же отчаянно — пытается убедить нас в своей обоснованности и актуальности, однако перед нами всё тот же анархизм, чурающийся любого **риска** и **трудностей**: недокормленный, ребяческий, уплощённый, опреснённый и фактически обанкротившийся. Пленившись всяческими оптимистичными схемами (поддерживаемыми на плаву лишь с помощью квазирелигиозной веры, чуждой его естеству), отягощённый недомыслием и насытившийся жалкими крохами непрожёванного самодовольства, которыми столь щедро приправлены все эти жизнеутверждающие формы анархизма («однажды наш час непременно пробьёт...»), типичный прохладный тусовщик от анархизма (малодушно плывущий в русле любого последнего микротренда интеллектуального хипстерства) патологически

не способен предложить ничего свежего и провокационного, что могло бы оживить увядающий анархический проект, и готов на всё ради своих пятнадцати минут субкультурной славы, чтобы затем отхватить себе тёплое местечко на какой-нибудь кафедре или проедать капиталец с доверительного счёта, существование которого он всеми силами пытался сохранить в тайне. Именно так обстоят дела с анархизмом в США, и считать иначе означало бы подхватить бациллу бредовой надежды. Лоренс Лабади заглянул в самую чёрную бездну человеческой мелочности, и заключительные по своему тону статьи, содержащиеся в этой, последней части книги (при том, что все они в той или иной мере излучают некоторый усохший гуманизм), образуют идеальную коду для этой брюзжащей сорокалетней неоплачиваемой карьеры писателя и социального критика. В небольших гомеопатических дозах очистительный пессимизм Лабади может избавить читателя от показного оптимизма, которого требуют от него практически все формы анархизма, и — через разрушение всяких исторических надежд, возлагаемых на будущее, которое так никогда и не наступит, — распахнуть перед ним врата широкой арены, где он сможет вновь обрести способность к выбору и свободному действию, примкнув к рядам тех, кто не готов поддаться отупляющим соблазнам общества. Свободный от глобальных притязаний и оторванный от выдохшегося нарратива «обновления мира», этот подход к анархизму превращается в актуальную практику осознанного самосозидания и неутомимой индивидуации, осуществляемую в контексте тленности всепланетарной человеческой империи, безнадёжно обречённой на распад. И хотя бы только поэтому написанное Лабади достойно прочтения.

— Хорд

ИНФАНТИЛЬНЫЙ РАДИКАЛИЗМ

Зрелым человеком можно считать того, кто перерос свои детские эмоциональные импульсы. Его знание самого себя и окружающего мира основано на личном опыте, а его разум преобладает над эмоциями. Он покинул безопасный и сказочный мир детства, и, оторвавшись от материнской груди, окунулся в реальный мир. Его отношение к окружающим людям, жизненным ситуациям и идеям отмечено рациональностью, способностью к рефлексии и абстрактному мышлению. Иными словами, теперь он вырос и превратился во взрослого человека.

Задержка в развитии или его остановка, вызванная детской избалованностью, внушением необоснованных надежд или страхов, равно как и внезапным и преждевременным знакомством с суровой реальностью, выражается в стремлении вернуться к комфорту и безопасности детства, в недостаточной зрелости или, как говорят психологи, в инфантильности.

Поразмыслив над тем, что каждый мечтает о таком обществе, которое, как ему кажется, подарит ему ощущение безопасности, мы без труда осознаем, в чём коренится людское стремление к всевозможным утопиям и желание «упразднить» всё то, что недоступно человеческому пониманию. Мы сможем понять, что лежит в основе стремления к тому, чтобы каждый (то есть конкретно я сам) был «свободен» поступать так, как желает, и «свободен» удовлетворять свои «потребности» за счёт «общества», к которому он принадлежит.

Учитывая всё вышесказанное, весьма показательна та эмоциональная несдержанность, с которой некоторые социалисты и коммунисты реагируют на утверждение о том, что идея свободы подразумевает частную

собственность, свободный обмен, конкуренцию, деньги и заработную плату.

Ибо что они олицетворяют? Частная собственность служит гарантом личной независимости. Свободный обмен подразумевает взаимность и равноправие (в противовес материнскому и отцовскому великодушию). Конкуренция — это свобода выбора в том, что касается наиболее выгодного сотрудничества с кем угодно. Деньги ценны потому, что за всё, что ты получаешь, необходимо платить. А значение заработной платы выражается в том, что всякий труд должен быть оплачен.

Не признавая этих аспектов зрелости, коллективисты всех мастей желают упразднить частную собственность в силу неприятия самой мысли о независимости. Идея свободного обмена вызывает у коммуниста глубокое отвращение, так как она подразумевает рациональный расчёт, при котором полученная выгода пропорциональна затраченным усилиям. Он презирает деньги, предпочитая им «свободное распределение» из общего котла. Он не признаёт конкуренцию, поскольку она подразумевает сопоставление эффективности трудозатрат. Он недолюбливает заработную плату, ведь, по его мнению, он достоин определённого уровня жизни уже в силу того, что он человек, а не в зависимости от того, что он производит или может предложить.

Вспомним коммунистический лозунг: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Что это, если не устремление ребёнка (безмозглого и невежественного), надеющегося жить за счёт чужого труда? Откуда столько отвращения к просчитанной выгоде сообразно личным затратам? Как объяснить подобный откат к семейному укладу, при котором все потребности беспомощного младенца удовлетворяются его родителями?

Итак, коммунизм, то есть полный разлад между способностями и трудом и плоды этого разлада, а с ним и великодушный патернализм власти — суть те факторы, которые неизбежно ассоциируются с характером тех отношений, что складываются между родителями и детьми. Сама жизнь беспомощного ребёнка зависит исключительно от великодушия и любви. По мере

взросления эта зависимость от родителей ослабевает. А среди взрослых людей экономические отношения основаны на взаимности, равноправии и обмене одних услуг на другие. Короче говоря, со временем ребёнок перестаёт жить за счёт чужого труда.

Дети — существа бестолковые и безответственные. С отнятием от груди начинается процесс исправления этих недостатков. В этой связи, антипатия, которую коммунистоголовые питают к имущественному обмену, конкуренции и т. д. — то есть к тем самым условиям, посредством или при наличии которых возможен рациональный расчёт естественного соотношения выгоды и затрат, — это чисто эмоциональная реакция неприятия всякой личной ответственности. В таком случае можно говорить о том, что субъекту так и не удалось перерасти стадию отнятия от груди. Его психика не выстояла под гнётом комплексов и неврозов, помешавших наступлению зрелости.

Это служит яркой иллюстрацией всех тех образовательных тенденций, влияние которых ребёнок испытывает на себе в семье, церкви и школе — стоит ли говорить, сколь охотно наш народ склонен полагаться на благотворительность и так называемое великодушие патерналистского государства в надежде избавиться от своих болячек и язв.

Аналогия между жизнью ребёнка и чаяниями коммунистов становится очевидной. Обществу отводится роль коллективной матери, благодушно одаривающей своих отпрысков средствами к пропитанию. Авторитет государства в этом смысле равнозначен авторитету отца.

Что же в таком случае можно сказать насчёт эмоциональной (нерациональной) антипатии к индивидуализму? (Чем на большую «научность» претендуют наши реформаторы и революционеры, тем сильнее обнажаются глубоко укоренившиеся в них юношеские надежды и страхи.) Разве дело здесь не в банальном отсутствии эмоциональной зрелости — то есть в инфантильности — или, иными словами, в ребячестве, крайне опасном, ибо оно с неизбежностью вырождается — какими бы ни были первоначальные мотивы — в покровительство якобы великодушного социума (или государства)? Каковы

психологические механизмы этой поголовной фанатичной веры в абсолютную необходимость государственной машины? Как объяснить это столпотворение вокруг избирательных урн, в котором решается, кем же будет тот новый папуля, что сможет лучше о нас позаботиться? Что такое Монархия, Демократия, Социализм и т. п., если не универсальное право пожизненного пользования беспомощной «цивилизацией» — то есть пример оголтелого инфантилизма толпы?

И разве можно тогда воспринимать всерьёз всю эту политическую ахинею, закрыв глаза на тот факт, что в силу плачевного состояния мировой экономики в массах снова пробудились детские надежды и мечты? Разве у семьи, церкви и школы имеется какая-то иная функция, кроме как привить детям вкус к покорности и безропотности? Разве не являются они инструментом для промывки неокрепших мозгов с целью их умирения и подавления? Не сводится ли их функция к тому, чтобы внедрять в сознание коммунизм, дабы человечество простёрлось ниц перед этими убивающими всякую радость монстрами — Богом и Государством?

Коммунизм — это младенчество социума; индивидуализм — его зрелость.

Опубликовано в журнале «Resistance», декабрь 1949 г.

ЗАЧЕМ ЛЮДИ ВОЮЮТ И ИСТРЕБЛЯЮТ ДРУГ ДРУГА?

Если бы мы могли вообразить себе прекрасную Землю, способную удовлетворить потребности каждого человека при минимальных усилиях с его стороны, было бы сложно представить, что люди станут собачиться друг с другом из-за того, что кому досталось. Какой был бы в этом смысл? Подобная мысль попросту не пришла бы им в голову.

Но что случилось бы, если бы на ранней стадии эволюции человека некая группа или сообщество людей столкнулись с голодом, так что оставшейся пищи хватало бы лишь на *половину* из них? Не кажется ли вам, что каждый из них осознал бы, что сытость одного означает голод другого? Разве не логично предположить, что, исходя из личного интереса, каждый из них был бы вынужден стремиться к тому, чтобы ссыпать в свой амбар столько зерна, сколько хватило бы ему для собственного выживания? А если бы каждый из них не поступал таким образом, то всему их сообществу пришлось бы голодать и выжить не удалось бы вообще никому. И если бы даже они решили разделить урожай поровну между собой, это означало бы массовое самоубийство. В лучшем случае, при благоприятных обстоятельствах, выжить, *возможно*, удалось бы лишь половине из них.

Разве мы не вправе предположить, что отношения между людьми стали бы стремительно ухудшаться? Легко представить, что в такой ситуации выжить удалось бы лишь самым дерзким и самым безжалостным из них, наименее склонным к тому, чтобы в чём-либо уступать. Возможно, какой-нибудь гений — несомненно, выбившийся в лидеры или вожаки — обнаружил бы, что в ситуации всеобщего противостояния лишь те, кто сплотился, чтобы отстоять свои интересы перед

лицом остальных, имели бы наилучшие шансы на то, чтобы пережить этот переполох. Тогда мы бы не только увидели, что наиболее безжалостные человеческие особи истребили всех остальных, но и что у них развились такие качества, которые гарантируют военный успех, то есть сила, коварство, лицемерие, лживость, вспыльчивость, а вместе с тем возникла и потребность в некоем верховном авторитете, без которого невозможна наступательная война.

Совершенно очевидно, что при всех перечисленных условиях в борьбе за жизненные блага ради одного только выживания потребовалось бы покалечить или уничтожить всех соперников. Достаточно очевидно, что антисоциальное поведение прямо продиктовано *нуждой*. Трудно отыскать какую-либо иную рациональную или естественную причину человеческой вражды.

Все описанные выше условия являются необходимыми предпосылками для возникновения организованной силы, используемой в хищнических целях. Мы могли бы вообразить, как какой-нибудь другой гений — возможно, самый великий гений всех времён — постепенно пришёл к мысли о том, что вовсе не обязательно убивать своего соперника, чтобы заполучить желанные блага, и что гораздо эффективнее было бы его ослабить и заставить работать. Подобные обстоятельства лежат у истоков разделения общества на правителей и подданных, на аристократов-завоевателей и завоёванных плебеев, то есть у истоков той хищнической организации, которую мы называем государством. Следовало бы ожидать, что в таком обществе воин будет занимать верхнюю ступень иерархии. Как и следовало бы ожидать, что ему достанутся самые лакомые кусочки. А если и не достанутся, то он без труда возьмёт их силой.

И если, приняв к сведению всё вышесказанное, мы признаем, что жизнь — это непрерывный процесс, в ходе которого живое пожирает живое, нескончаемый поток, в котором то, что прежде было живым, питает всё то, что находится на стадии развития — подобно растениям, пускающим корни на некогда жившей органике, или животным, питающимся растениями или другими животными, — мы с неизбежностью осознаем, что сама жизнь

по своей сути мало чем отличается от войны, ибо она есть бесконечная борьба за существование, даже когда речь не идёт о прямом применении силы, ведь любое сожитительство сопряжено с горячим противоборством между выразителями противоположных интересов.

Конечно, бывает и такое, что это противоборство смягчается, выражаясь лишь в дружеских разногласиях. Однако, по крайней мере однажды, непримиримая борьба между людьми имела под собой рациональные основания. Это была не просто борьба за выживание — она привела к евгеническому истреблению наименее сообразительных, сильных и коварных.

Попутно — ввиду того, что проблема тотальной нехватки ресурсов решена, — возникает вопрос, имеют ли наши сегодняшние институты и нормы поведения под собой хоть сколько-нибудь рациональные основания или все они построены на атавистических допущениях? Почему мы с такой готовностью тратим своё время и ресурсы на то, чтобы защищать интересы военизированных правительств? Зачем мы оберегаем государство, которое только и делает, что постоянно укрепляет свою власть и обкрадывает всех нас? Является ли его ненасытная жажда к расширению своего могущества и к подчинению всё больших масс людей и территорий, над которыми оно могло бы установить свою власть и которых оно могло бы разграблять, всего лишь атавизмом или неотъемлемой частью самой глубинной его сущности? Чего ради правительства стремятся поддерживать искусственную нехватку ресурсов, если не по причине бессознательной веры в то, что это может послужить оправданием их собственного существования? Как объяснить такое обилие всех этих политиков, военных и прочих прихвостней государства, если не их слепой верой в то, что, подобно воякам дней минувших, они могут рассчитывать на лакомый кусок пирога?

Давайте проанализируем кое-какие из тех людских эмоций и импульсов, которые мы наблюдаем в сегодняшней жизни. Когда до кого-нибудь доносятся новости о беде, свалившейся на голову кого-то другого — особенно на голову предполагаемого врага, — он облегчённо вздыхает, ведь эта беда коснулась не *его самого*. Правда,

если речь идёт о человеке ранимом, он может отождествить себя с этим другим и почувствовать его боль. Однако боль эта мало, если вообще, сопоставима с той болью, которую он испытал бы, свались это несчастье на голову его самого или кого-то из его близких. Ибо страдания, выпавшие на долю других, подсознательно пробуждают в нём чувство того, что в этой гонке на выживание он обладает *относительным* преимуществом, отчего его охватывает ни с чем не сравнимое ощущение собственного могущества. Похожее ощущение может возникнуть — и всё говорит о том, что так оно и происходит, — когда он сам способен причинить страдания другим. Разве не правда, что все эти опьяняющие атрибуты власти представляют собой лишь похмельный синдром, служащий напоминанием о периоде былой нужды? Как иначе можно было бы объяснить столь явное наслаждение, проистекающее из чувства собственного превосходства или пьянящего чувства победы в конфликте (или соревновании), если не тем, что оно указывает нам, что мы лучше приспособлены, а значит, имеем больше шансов к тому, чтобы выйти из этой гонки на выживание победителями?

Ибо хотя зачастую и верно, что человек способен упиваться собственным могуществом в тех случаях, когда по причине избытка энергии или ресурсов он может протянуть руку помощи другому, к этому тоже примешано чувство того, что он (по крайней мере, сравнительно) лучше устроился в этом мире — так что испытываемое им удовольствие опять-таки проистекает из ощущения собственного превосходства. Может показаться, что это чувство сродни похмелью или что в нём сквозит историческая незрелость.

Однако же при определённых условиях открытое противостояние между людьми можно объяснить их стремлением к выживанию и считать «био-логически» оправданным. Но помимо инстинкта выживания, заложенного от природы в каждом отдельном человеке, стремление к выживанию присуще и всему человеческому роду, что находит своё выражение в половом влечении и стадном чувстве, знакомом каждому из нас. Эти импульсы нередко проявляются

одновременно и порой вступают друг с другом в конфликт, что выражается в фундаментальном противоречии человеческого поведения, касающемся их отношений со своими собратьями: в зависимости от обстоятельств, эти отношения могут быть враждебными или дружескими. Вполне может быть, что отсюда и проистекает тот самый комплекс любви-ненависти, который, в свою очередь, нередко служит причиной раздора между людьми. Можем ли мы найти какие-нибудь объективные подтверждения тому, что помимо чисто внешних причин всякий конфликт имеет внутреннюю, то есть субъективную (психологическую) природу?

Сдаётся, что жизнь среди людей сопряжена с двумя фундаментальными противоречиями. Первое из них заключается в том, что хлеб, съеденный кем-то одним, не достанется никому другому, и такой дефицит ресурсов порождает конфликт, являющийся неотъемлемым свойством всего круговорота жизни. Второе же противоречие наблюдается между инстинктом выживания отдельного человека и заложенным в нас стремлением к выживанию всего человечества. Когда по тем или иным причинам эти два фундаментальных инстинкта не совпадают, возникает конфликт — иногда он протекает исключительно внутри психики и не выходит на поверхность, и в таком случае человек проявляет склонность к невротическому и психотическому поведению. Однако этот конфликт может и вырваться наружу, и тогда в окружающем мире обостряется борьба и вспыхивает насилие, принимая форму гражданской или междоусобной войны.

В какой степени этот внешний конфликт обусловлен атавистическими тенденциями? И какова роль психо-невротических наклонностей? Каково влияние объективных факторов, к примеру — экономических? И безотносительно ко всем этим факторам — как можно этого конфликта избежать? Психо-невротические предпосылки войны можно обнаружить в комплексе превосходства-неполноценности — в той генетически предписанной модели поведения, что находит своё выражение в разнообразных производных симптомах механизма компенсации. Проистекающее из подсознания

ощущение собственной неполноценности требует некой компенсации, принимающей форму убеждённости в собственном «превосходстве». Чем может быть вызвано это ощущение собственной неполноценности? Разве не фрустрацией и сопутствующими ей страхами? А откуда берутся они?

По нашему мнению, они возникают в тех случаях, когда естественные и спонтанные формы самовыражения вступают в противоречие с запретительными *нормами морали* того общества, в котором человек родился и воспитывался. А кем придуманы эти моральные нормы? Их истоки можно обнаружить в том, что мы называем общим, или обычным, правом, равно как и в так называемом статутном, или писаном, праве. Историческое и социальное различие между ними заключается в том, что писаное право восходит к регулированию отношений между господином и рабом, то есть между победителем и побеждёнными — иными словами, между государством и его подданными. Что же касается обычного права, то оно выросло из отношений между равными друг другу людьми, и в нём нашли своё отражение нормы и обычаи, продиктованные общественным интересом. В первом случае «закон и порядок» поддерживался с помощью ограничений, целью которых было укрепление власти и обоснование справедливости «доли», причитавшейся правящему классу. Во втором случае основополагающим принципом была *взаимная* выгода всех участников — и хотя это накладывало на них некоторые ограничения, они не были самоцелью.

Мы считаем, что статутное право (включая законы, ограничивающие половые отношения, свободу слова, равно как и свободу пользования землёй, благами, свободу торговли и т. д.) по своей природе является ограничительным. Мы также считаем, что когда животному под названием человек приходится с этим сталкиваться, оно сопротивляется и бунтует — в нём просыпается воинственность (и оно объявляется преступником). Отсюда и склонность к насилию. И снова мы видим, что виновником этого является государство.

В свете всего вышесказанного мы приходим к выводу, что нехватка ресурсов порождает столкновения

и борьбу, а это, в свою очередь, приводит к возникновению государства или к состоянию осады, целью которой является ограбление побеждённых и их использование в последующих завоеваниях и грабеже. Как мы видим, государство — уже по определению — объявляет монополию на насилие, и залогом его процветания служит всеобщий хаос и раздор, который оно всячески поощряет и которому способствует в силу самой своей природы, используя при этом всё присущее ему уникальное лицемерие и коварство, чтобы сыграть роль всеобщего благодетеля, якобы поддерживая «закон и порядок».

И здесь нам стоило бы обсудить пацифизм в контексте его практической ценности и того, насколько реализуема его программа. Вероятно, мы можем говорить о биологической аксиоме, гласящей, что любое животное, включая человека, имеет склонность — возможно, даже врождённую — к тому, чтобы защищать себя всеми доступными ему способами. Отрицать это означало бы отрицать саму жизнь. Куда больше смысла имело бы задаться вопросом, действительно ли и при каких обстоятельствах насилие, применяемое к другому или другим, можно считать оправданным или целесообразным (как, например, в случае самозащиты). Трудно принять точку зрения законченных пацифистов, настаивающих на том, что *никакое* насилие не может иметь оправданий, даже если мы согласимся, что в большинстве случаев оно нецелесообразно.

Здесь мы сталкиваемся с фундаментальным законом человеческой экономики — с проблемой соотношения страданий и конечного удовольствия или, говоря иначе, с проблемой соотношения поступков и их последствий. И вопрос заключается в следующем: если интересы разных людей или групп вступают между собой в конфликт, то когда, где, почему и действительно ли стремление к взаимному уничтожению или выведению из игры ради сдерживания может считаться обоснованным, целесообразным и безусловно оправданным? Можно ли рационально обосновать точку зрения, согласно которой современная война обусловлена нехваткой ресурсов? Действительно ли стороны, обладающие сегодня военной мощью, испытывают нехватку ресурсов,

необходимых для выживания «их» народов? В чьих интересах будет вестись война, осуществляемая современными средствами?

Может показаться, что, не разделяя позицию абсолютного пацифизма, мы автоматически оправдываем необходимость создания — при определённых условиях — некой военизированной организации, будь то в качестве постоянного института или временной меры. Такой вывод напрашивается по причине того, что организованная военная машина обладает куда большей эффективностью по сравнению с наспех сколоченной армией, так как строгий авторитарный метод управления позволяет осуществлять гораздо более стремительные и масштабные операции.

С учётом такой боевой эффективности, мы бы также были вынуждены признать, что иногда лицемерие, обман, хитрость, сила, внезапность, коварство и большинство из того, что *внутри* отдельной группы считается преступлением, вполне оправдано, если речь идёт об окончательной и решительной операции, имеющей целью поставить точку в борьбе между членами двух враждующих группировок. Перед лицом врага все средства хороши, коль скоро они необходимы или полезны с точки зрения достижения победы.

Поэтому в текущих обстоятельствах реалист оказывается в довольно затруднительном положении, особенно если он разделяет пацифистские убеждения. Это особенно справедливо ввиду того, что большинство наших современников, включая и тех, кто настроен достаточно радикально, рассуждают в таких терминах, как сознание толпы и идеология. (Они едва ли осознают, что стадный инстинкт приносит не меньше вреда, чем пользы.) А это означает, что они придают больше значения группе, нежели отдельной личности, на чём и строится вся их социальная политика. Это, в свою очередь, подразумевает, что они *принципиально* готовы пожертвовать отдельной личностью ради предполагаемого общего блага. В силу чего возникает необходимость, чтобы отдельный человек проявлял покорность и подчинялся приказам — иными словами, наиболее ценными считаются такие личные качества,

как лояльность по отношению к группе, патриотизм и т. д.

Автор этих строк склоняется к мысли, что коль скоро среди людей *доминирует* групповое мышление, находя своё предельное выражение в таких феноменах, как национализм, мы неизбежно сталкиваемся с дилеммой, обозначенной выше. Покуда в том или ином виде существует государство, а с ним и противостояние разных правительств, неизбежно будут приниматься решения, которые *предположительно отражают общий интерес некой группы*. И эти решения всегда будут отстаиваться с помощью силы. С точки зрения автора этих строк, сама мысль о том, что какая-либо узкая группа, например, правительство, может выступать от лица большой массы людей, которые по определению не способны даже в теории избрать какой-либо единый курс, является в высшей степени абсурдной и самонадеянной. *В действительности* нечто подобное может выражаться лишь в форме отношений между правителями и подчинёнными (а это, по сути, и есть та форма, которую принимают отношения между любым правительством и «его» народом). Речь может идти лишь о точной копии отношений, возникающих, когда группа захватчиков говорит от имени завоёванных ими людей. Сам факт того, что эти отношения *фактически* распространены во всём мире, служит яркой иллюстрацией раболепия, невежества, полной бесхребетности и откровенной трусости подавляющего большинства людей. Повсюду преобладает всеобщий страх перед организованным насилием со стороны государства, само существование которого зависит от лежковерной покорности его граждан.

Подлинный индивидуалист не станет сражаться за что-либо, пока не получит ответ на вопрос: какую выгоду получу лично я в случае победы в этом сражении? Думаю, нет смысла приводить аргументы в пользу того, что участие в современной войне не выгодно никому, и под моими словами с готовностью подписались бы Гитлер, Муссолини и много кто ещё. Да и могут ли *сами народы* стран-победителей, пролившие столько крови в этих войнах, похвастаться чем-нибудь, кроме своих многочисленных шрамов.

Настоящим итогом покорного исполнения тех решений, что принимаются на государственном уровне — а их реализация и последствия неизменно перекадываются на плечи народных масс, — станет то, что большинство из тех, кто принадлежит к условно враждующим сторонам, будут втянуты в междоусобные войны, в которых, как *отдельные личности*, они абсолютно не заинтересованы, и даже более того — любой вооружённый конфликт вступает в прямое противоречие с их подлинными интересами. Однако до тех пор, пока будет существовать государство, эти люди не будут иметь никакой власти над теми решениями, что принимаются на их счёт.

И теперь мы спросим себя, что такое современные войны, если не конфликты между группами хищников, называемых правительствами, которые принуждают своих подданных к тому, чтобы те сражались между собой ради защиты их власти (то есть власти тех самых правительств) и расширения их зоны влияния? Из этого, судя по всему, следует не только то, что вооружённый конфликт является неизбежным последствием разделения людей на народы, но и то, что непереносимым условием личной свободы и благополучия является упразднение государства, какую бы форму оно ни принимало. Враг — это государство как таковое, ваше государство, а вовсе не «чужаки» или «иноземцы», которые столь же угнетены и столь же легковверны, как и вы сами.

Автор этих строк склоняется к тому, что пацифист, не отрицающий государство как таковое, потворствует самой дикой ереси, какую только можно вообразить. Быть управляемым по определению означает быть подневольным. Вряд ли есть какая-то логика в том, чтобы возражать, скажем, против воинской повинности и вместе с тем закрывать глаза на тот факт, что краеугольным *принципом социальной политики* служит машина всеобщего принуждения. И то же самое можно сказать о гуманистах. Я с нетерпением жду, когда сторонники того или другого лагеря приведут хоть какие-нибудь аргументы, объясняющие, почему их не следует относить к противникам государства. И в то же время мне

хотелось бы знать, способен ли кто-нибудь из них хотя бы задуматься над возможными альтернативами, в рамках которых реализация их социальных идей не предполагала бы вмешательство государственной машины!

Провокационный тон этой статьи объясняется единственно стремлением автора к тому, чтобы побудить читателя остановиться и как следует поразмыслить над этой проблемой.

Июнь 1950 г.

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?

Животное под названием человек представляет собой одушевлённый пищеварительный тракт. От червя, от которого он ведёт свою родословную, он отличается лишь наростами на своём туловище. К числу этих наростов относятся ноги, с помощью которых он предположительно передвигается, руки, которыми он может хватать и удерживать пищу и интересующие его предметы, голову, на которой расположены глаза, уши и нос — с их помощью он ориентируется в пространстве, а также мозги, с помощью которых он может задним числом оправдывать свои желания и дурачить окружающих в своих интересах.

Для этого-то его мозги и придумали множество хитроумных уловок. К ним относится и теория, согласно которой все испытывают — или, скорее, должны испытывать — любовь друг к другу. В столь недружелюбном мире человеку никак не обойтись без мечты о райском саде, жизнь в котором будет гораздо слаще, чем она есть на самом деле.

Он выдумывает и организует наркокартели, называемые религиями и управляемые ушлыми пронырами, цель которых заключается в том, чтобы вешать лапшу на уши своим оппонентам, чтобы их было проще «обрабатывать». Он собирает шайки, называемые правилами, чтобы некоторые из таких, как он, могли подчинять, принуждать и обворовывать всех остальных.

Естественная взаимная неприязнь между этими развитыми червями затушёвывается с помощью разнообразного камуфляжа и хитроумной лжи, выраженной в форме таких институтов, как брак, под которым подразумевается, что никакой червяк не может размножаться или участвовать в размножении

без соответствующей лицензии или благословения от религиозного или государственного сатрапа (разумеется, за некоторое вознаграждение).

Коварство прячется под маской наивности; неведение учит жизни; корысть вызывает к добродетели.

Эти двуногие черви накарябали на поверхности планеты линии, за которые запрещено заходить, не заручившись согласием шаяек, называемых правилами. Они выдумали хитроумные способы обмена и одарили правом их использования некоторых из червей, жиреющих за счёт остальных. Никому из червей не разрешается пользоваться мозгами иначе, кроме как в целях, предусмотренных шайками главарей.

В общем и целом, они выстроили самую причудливую систему отношений, которая едва ли пришла бы на ум даже такому смекалистому персонажу, как Бог. (Бог — это тот малый, прославленный червь, с которого вроде как всё началось и который по большей части всем заправляет.)

Всё это представляет собой поистине дивное зрелище — разумеется, если смотреть на это не с позиции самих этих червей.

И всё это лишь для того, чтобы не прекращался поток всевозможных материалов, проходящих через их пищеварительные тракты, и чтобы эти причудливые извивающиеся твари продолжали плодиться.

И хотя я не вижу какой-то особенной ценности в том, чтобы быть человеком, эти животные воспринимают это как должное, независимо от того, что выпадает на их тяжкую долю.

Сентябрь 1950 г.

«ВЕСЬ МИР — ТЕАТР»

Невероятная способность к самооболваниванию является тем удивительным свойством человеческих существ, которое отличает их от прочих животных. Какому-нибудь цинику в исследованиях психологов открылась бы кладезь мудрости. Ведь мы обнаруживаем, что, помимо природных инстинктов, чуть ли не все глубокие человеческие импульсы проистекают из ощущения собственной неполноценности и недостатка реализации заложенного в людях потенциала.

Гений, как правило, — это обычный человек, первичной мотивацией которого является страх того, что в жизненной драме, фарсе или комедии (как вам будет угодно) ему не достанется ни одна из главных ролей, так что он пытается компенсировать это ощущение собственной незначительности посредством чрезмерного развития своего потенциала, чаще всего лишь в каком-то одном направлении.

И вот какая-нибудь тряпка начинает разрабатывать философию власти. Типичный просветитель подсознательно ощущает собственное невежество и пытается компенсировать его в преподавательской деятельности, ведь профессия педагога явным образом постулирует приоритет научного знания. А главным источником мотивации какого-нибудь помешанного на религии балбеса является чувство вины. Круглый неудачник стремится к радикальному преобразованию мира, по итогам которого он мог бы почувствовать себя в безопасности. Никто из этих достойнейших людей не способен примириться с тем фактом, что жизнь — это борьба, и отыграть свои роли в этой схватке в том виде, в каком она предстаёт перед нами. Эксгибиционист нуждается в аудитории, а жертве комплекса любви-ненависти

непременно нужна та или иная подлая черта в характере, чтобы её можно было оправдать.

Психология учит нас тому, что ребёнок является бесчувственным животным — этот эгоистичный засранец всё время пытается что-нибудь урвать, и ему совершенно до лампочки, какими способами он сможет добиться своего. Таким он и остаётся до тех пор, пока взрослые не вправят ему мозги. Его родители понимают, что если он не замаскирует свои хищнические инстинкты, то будет «пойман» своими ровесниками и надёжно заперт в клетку социальной изоляции. Его преподаватели, марионетки правящей верхушки, конечно же, воспитывают в нём патриотизм, учат его любить свою родину и Бога, чтобы сделать из него податливую глину, из которой лепить что им вздумается будут его хозяева, Церковь и Государство, чья единственная цель — выжать из него все соки.

С возрастом мы, дикари от природы, овладеваем искусством лицемерия и обучаемся тому, чтобы прятать наши здоровые импульсы под маской вежливости; мы разрабатываем этические схемы и пытаемся во что бы то ни стало усыпить бдительность друг друга, чтобы в подходящий момент застать своего оппонента врасплох. Не стоит заблуждаться: ни до кого другого нам нет абсолютно никакого дела, и в общении с другими мы преследуем лишь собственный интерес.

Найдите минутку, чтобы поразмыслить над этим. Из всех зверей только человек способен умышленно поработать и убивать себе подобных без особых на то причин. Вы увидите миссионеров, которые весь мир вверх дном перевернут, чтобы найти хоть кого-то, кого они могли бы обратить в свою веру. Христиане, свято верующие в самый дикий бред, всегда проявляли в этом поистине гнусном деле наибольшее усердие. Но не позволяйте себя дурачить — они всегда выступают лишь предвестниками военной и экономической интервенции. По крайней мере, история не даёт нам ни одного примера, способного убедить в обратном.

Возьмём реформатора и фанатика, который на словах испытывает ко всем бескорыстную любовь, а на деле без задней мысли безжалостно растерзает любого, кто

в чём-то с ним не согласен. Комплекс любви-ненависти в данном случае выражен во всей своей ослепительной наготе. Всех людей можно разделить на две категории: тех, кто не высовывается, не забывая смотреть при этом по сторонам в надежде что-нибудь урвать, то есть обыкновенную шушера, и пронырливую сволочь, не упускающую ни малейшей возможности, чтобы отхватить лакомый кусок от общественного пирога.

Возьмём военных, которым, не будь они холуйским пушечным мясом в услужении у всякой ушлой мрази, в человеческой драме могла бы отводиться явно положительная роль, сумей они разделить награбленное между собой. Однако для этого они слишком тупы, и поэтому их удел — быть наёмниками. Это относится к военным любой страны мира.

Следом за ними в списке мерзавцев идут политики, хотя вопрос о том, следует ли поместить на эту позицию духовенство, остаётся открытым. И действительно, оно не в меньшей мере заслуживает этой чести. Так что давайте не будем об этом спорить. Здесь мы имеем дело с самой скользкой сволочью из всех. Сделать себе карьеру на ловкости рук — это верх человеческого лукавства, и какой-нибудь евангелист в этом отношении не знает себе равных.

Возьмём радикалов, к числу которых принадлежу и я, — в девяти случаях из десяти перед нами окажется жалкий неудачник или убогое ничтожество, обуемое непреодолимым стремлением к тому, чтобы выбиться в просветители или лидеры. Будь у него прирождённый талант, едва ли он стал бы проявлять столько прыти. Похоже, его особый конёк — это схемы того, как урвать что-нибудь на халяву.

Если вы — человек невежественный, если вы не можете даже задницу самостоятельно подтереть и в жизни не заработали ни единой копейки честным трудом, идите в политику. Вы органично впишетесь в ряды самых отъявленных болванов и шулеров этого мира. Вас ожидает кресло диктатора или президента.

Поистине, психология не оставляет шансов ни для кого. Наши роли будут разобраны по косточкам, вся пьеса рассыплется на наших глазах, однако шоу будет

продолжаться вплоть до последнего акта, когда на сцену вылезут актёришки из второго состава.

«Весь мир — театр, и каждый не одну играет роль». Похоже, авторство этой драмы принадлежит какому-то космическому насмешнику.

21 мая 1950 г.

УЧИТЬСЯ? ЧЕГО РАДИ?

Во все дискуссии по поводу образования вкрадывается допущение о необходимости существования зданий, классных комнат, учителей, учеников и расписания уроков. Хотя в действительности образование всегда сопутствует человеку в каждодневной жизни. Любой опыт учит нас чему-то новому. Иными словами, любое явление, с которым мы сталкиваемся в жизни, оставляет в нас некое впечатление, вызывающее ту или иную реакцию, в свою очередь имеющую соответствующие последствия, и весь этот эпизод фиксируется в том, что мы называем памятью (в сознании или подсознании), и, судя по всему, начинает резонировать с уже хранящимися там впечатлениями. Вот почему феномен образования представляется невероятно сложным и загадочным.

Однако, как бы то ни было, в подобных дискуссиях почти никогда не высказывается идея того, чтобы вообще упразднить образование как институт, ограниченный стенами классной комнаты. Собственно говоря, почему эта мысль вызывает усмешку? Конечно, понятно, почему такая идея покажется глупой всем тем, кто занят в сфере образования, но я обращаюсь не к ним, а ко всем остальным, то есть к людям вроде нас с вами.

Что до меня самого, большая часть того, что я узнал в школе, как выяснилось позже, оказалась полной чепухой. И тем не менее, выбросить эти знания из головы оказалось куда сложнее, чем их туда поместить. Однако так мне и пришлось поступить, ведь чтобы усвоить какие-то новые навыки, надо освободить для них место. Мне пришлось затрачивать невероятные усилия, которые я мог бы направить на что-то более полезное, если бы в своё время не получил вообще никакого

«образования». Более того, всё, чему я научился впоследствии, вызывало во мне искренний интерес, так что новые знания не нужно было вдалбливать в мои упрямые мозги. Большую часть своих «знаний» я почерпнул за пределами школы, и чаще всего это были практические навыки, приобретённые в реальном жизненном опыте.

Положа руку на сердце, у меня нет никаких оснований считать, что я в чём-нибудь потерял бы, не получив вообще никакого формального образования. Вне всякого сомнения, мой пример не является чем-то из ряда вон выходящим.

Специализация зашла так далеко, что о пользе разносторонних знаний все совершенно забыли. Большинство из нас превратилось в торговцев, водителей или менеджеров, а остальные крутят гайки. Мало кто способен хоть на минуту задуматься, а в чём, собственно, смысл наших действий, и я подозреваю, что по крайней мере три четверти всей людской деятельности не приносят вообще никакой пользы, если не являются откровенно вредительскими.

Кроме того, я подозреваю, что если бы формальное образование было упразднено, на его месте возникли бы разнообразные форумы и площадки, где люди могли бы собираться и обсуждать волнующие их темы, а с ними и творческие мастерские, в которых они бы могли свободно экспериментировать и опробовать свои теории и идеи, что-нибудь мастерить и т. д. Короче говоря, мы увидели бы добровольный и спонтанный всплеск интеллектуальной активности, пришедшей на смену той формальной, безжизненной и специализированной карикатуре, которую сегодня принято называть школьным образованием. И кто знает, может быть, что-то новое открыли бы для себя даже учителя.

Я без особого труда могу вообразить, что это пустое, бессодержательное «общение», происходящее, когда люди собираются дома, на фуршетах и тому подобных мероприятиях, сошло бы на нет только из-за того, что перестали существовать те самые школы, в которых нам прививают бесконечную тупость.

Разве кто-нибудь, с высоты даже крайне ограниченного жизненного опыта, станет отрицать, что самые стерильные, пресные и нудные книги неизменно выходят из-под пера профессиональных просветителей? Принимая во внимание их огромное количество, сколько сведущих учёных мужей, сделавших за свою жизнь что-то стоящее, вы могли бы перечислить по именам?

Мне довелось прослушать несколько радиопередач, в которых люди, занятые в системе образования, обсуждали присущие ей проблемы, и если во всех их речах и проглядывал хоть какой-то намёк на твёрдость и пыл, то практически только тогда, когда разговор шёл к тому, чтобы поднять учителям зарплату. Сверху донизу, начиная с директоров колледжей и заканчивая инспекторами по делам несовершеннолетних, каждый с пеной у рта твердит о готовности свернуть горы во имя «образования», не будь они столь ограничены в средствах. Быть может, это и правда, но по какой-то причине от всего этого у меня появляется горький привкус во рту.

Можно было бы подумать, что естественными воспитателями ребёнка будут его же родители, однако поневоле задаёшься вопросом, какие формы может принять уважение к старшим, когда беспокойный и любознательный детский ум разбивается о стену полного отсутствия мысли, сквозящего во взгляде столь многих отцов и матерей. Экономические тяготы, влекущие за собой упадок семейного воспитания, отражаются и на нехватке полноценного образования, о важности которого нам приходится слышать так часто. Ведь не секрет, что едва ли не главная роль, которую должен играть детский сад и начальная школа, заключается в том, чтобы «оградить детей от влияния улицы» или быть тем местом, куда их можно упрятать, чтобы родители могли дать себе передышку и на время отделаться от этих докучливых мелких засранцев. Поистине, расплачиваться за грехи наших отцов приходится даже в четвёртом колене.

И прежде чем мы окончательно спятим, лихорадочно заливая деньгами кризис всеобщего образования,

я бы предложил серьёзно задуматься над идеей того, чтобы полностью упразднить образовательную систему, и поразмыслить над тем, что могло бы заполнить образовавшуюся пустоту.

9 ноября 1958 г.

О ПОИСКЕ ИСТИНЫ ЧЕЛОВЕКОМ

Человеческий ум устроен таким образом, что уже при самом поверхностном знакомстве с реальной жизнью он обучается тому, чтобы чётко разграничивать две несопоставимые категории: реальность и иллюзию. То, что отражает реальность — и, как правило, облечено в слова, — он называет истиной, а противоположностью истины является ошибка или ложь. Таковы первообразующие элементы мышления, без которых невозможен никакой поиск причинности.

При взаимодействии с внешним миром важно, чтобы восприятие человека соотносилось с реальностью, ибо только тогда его усилия могут приносить какие-то плоды, если он и впрямь желает получить то, чего хочет (при условии, что кто-то вообще понимает, чего он хочет на самом деле). Плодотворная жизнь возможна лишь при насущном интересе человека к истине.

Однако в отношениях с другими людьми, интересы которых нередко расходятся с его собственными, что порождает неизбежный конфликт, человеку не выгодно, чтобы окружающие были столь же умны, как и он. И по этой причине он не всегда заинтересован в том, чтобы говорить другим правду. Ему на руку поступать как раз наоборот.

Вот почему, наблюдая за людьми, равно как и за другими животными и растениями, мы обнаруживаем удивительную изворотливость, а также склонность к обману и мимикрии, к блефу и секретности, талант к ловле на живую и готовность сидеть в засаде, а также способность к тому, чтобы внезапно напасть исподтишка и застать врасплох ничего не подозревающего оппонента. В дикой природе это выражается в том, что каждый зверь готов в любую минуту сожрать другого,

а выживание одних означает гибель других — жизнь расцветает на останках и разложении, и этот процесс иногда называют жизненным циклом.

Похожим образом складываются и отношения между представителями человеческого рода. Раз за разом мы обнаруживаем, что, оказавшись в компании других людей, мы начинаем вести себя так — причём даже бессознательно, — чтобы подчеркнуть собственное превосходство и заставить окружающих почувствовать себя в чём-то неполноценными: можно сказать, в этом выражается заложенная в нас универсальная склонность к двуличности или лживости. Каждый из нас хочет добиться своего, и если ради этого придётся «казаться естественными» или говорить правду, то и прекрасно, а нет — так нет. Даже младенец быстро овладевает этим искусством, чтобы превратиться в одно из самых изворотливых, на грани телепатии, существ, умеющих тонко «манипулировать» своими родителями — до тех пор, пока его не научат тому, как быть идиотом.

Разумеется, мы изобретаем иллюзию того, что каждый всегда должен говорить только правду, и закладываем её в основу нашей лживой *морали*, однако подсознательным мотивом подобных назиданий служит лишь надежда на то, что мы сможем с их помощью обвести своего собрата вокруг пальца, и если он окажется настолько глуп, чтобы клюнуть на эту удочку, это избавит нас от лишних хлопот, связанных с необходимостью постоянно быть начеку. Нередко мы дурачим даже самих себя.

Живи мы в нормальном мире, можно было бы ожидать, что рано или поздно это станет очевидно для всех, и мы перестанем быть настолько наивными, чтобы искренне верить в показную наивность других. Но вместо того, чтобы полагаться на собственную природу, мы пытаемся поставить кретинов на конвейер, внушая или стараясь внушить им веру в то, что «правда сделает их свободными», а заодно и страх перед теми страданиями, которые якобы влечёт за собою неискренность — и если не в этой жизни, то уж точно в загробной. Можно практически с полной уверенностью

утверждать, что никто из живущих ныне людей не смог избежать того, чтобы в той или иной мере не поддаться такому внушению, впитав в себя весь этот вздор, отчего — и в этом заключается поистине удивительный парадокс — жизнь каждого из нас становится только сложнее. Такая промывка мозгов вполне может быть настоящей причиной того расстройства личности, которое привычно ассоциируется с неврозами. В том смысле, что в психике людей, которым внушили столь нереалистичные нормы морали, при встрече с окружающей действительностью, в рамках которой им приходится функционировать, возникают внутренние конфликты, проистекающие из борьбы противоположно направленных импульсов, и в итоге эти люди оказываются в плачевной ситуации и сталкиваются с большими трудностями в житейских делах.

Истина сделает тебя свободным. Накось, выкуси. Скорее всего, она сделает из тебя простака, которого будут водить за нос другие, так что ты окончишь свои дни в тюрьжке или в петле, как и множество тех, чья песенка давно уже спета — в то время как лжецы и мерзавцы будут взбираться по вашим головам к вершине общественной пирамиды. Именно им и достался самый лакомый кусок пирога с десертом в придачу, пока легковверные жертвы промывки мозгов копошились в своей сточной канаве.

Всё покрывало цивилизации соткано из правды и лжи — узорчик, надо сказать, ещё тот, — и в этой материи изящно сплетаются Государство и Церковь, закон и порядок, врачеватели и психологи, продавцы и рекламщики, институт брака, образование и всё остальное. Залог успеха в этом мире заключается в том, чтобы «шевелить мозгами». Профессия политика сводится к тому, чтобы водить публику за нос, а профессия дипломата — к тому, чтобы суметь облапошить коллег из соседних стран. Надо ли говорить, что любой, кому нужно это доказывать, страдает от чрезмерной наивности.

Рассуждать о человеческих взаимоотношениях в духе Аристотеля и прочих учёных мужей — забывая при этом, что люди суть лишь слепые орудия действующей в них воли к жизни, — значит нести богоугодную и

высокопарную чушь. Реакция, которую вызывает у нас макиавеллиевский реализм, указывает лишь на тот ужас, который мы испытываем перед лицом суровой действительности — и заслуга в этом принадлежит нашим земным покровителям, процветающим на доверчивости и страхах всех тех, кого им удалось поднять под свою юрисдикцию.

Бессердечные родители принуждают своих детей всегда говорить только правду, до смерти запугивая их рассказами о том, что случится, если их поймают на лжи. Поскольку они не в силах завоевать любовь, уважение и доверие по причине всех отвратительных черт своего характера, они вынуждены прибегать к угрозам, будучи слишком тупыми, чтобы осознать, что при этом они пробуждают в ребёнке то самое двуличие, которое они всеми силами пытаются в нём задушить. Любящим и честным родителям нет надобности читать своим детям проповеди о пользе честности — они во всём берут пример со взрослых, и лучшим уроком для них стало бы честное и справедливое отношение. Однако лишая ребёнка возможности защищать себя, прибегая ко лжи, означает делать его безоружным в жизненной схватке. Чрезмерно опекаемому или запуганному ребёнку будет непросто выстраивать отношения с окружающими. Взрослые — законченные лжецы, и своими профессиональными успехами они чаще всего так или иначе обязаны лицемерию. Когда ребёнок врёт вам в глаза, если в этом и есть чья-то заслуга, то исключительно ваша, и уж никак не его.

Прославляю ли я обман? Вовсе нет. Я лишь сообщаю те факты, которые должны быть известны любому, кто ещё не утратил связи с реальностью и не желает без ведома для себя потакать тем процессам, которые губят нас всех.

Сдаётся мне, всё сказанное выше несёт в себе настолько взрывной потенциал, что это едва укладывается в голову, и в то же время, мне кажется, что те, кто не могут осознать смысл моих слов, являются круглыми идиотами. К слову сказать, будет отнюдь не лишним испытывать скепсис по отношению к фарисеям всех мастей, которые, дабы удовлетворить свой неумеренный

аппетит к оценке морального облика окружающих, находят немалую пользу в том, чтобы «творить добро» в этом мире. В первую очередь это относится к политикам, а по большому счёту и ко всему государственному аппарату. Чтобы понять, до какой степени этот мир пропитан ложью, можно поразмыслить над истиной о том, что государство в действительности есть не что иное, как вооружённый до зубов пиратский крейсер, команда которого занята лишь тем, чтобы грабить и перемалывать тёмных людей, которых она держит у себя в заложниках. Но сколь многие по-прежнему готовы его боготворить!

Следует оставить всякую надежду на то, что человек когда-нибудь превратится в «машину честности»; сама природа вещей такова, что ему суждено быть лжецом — или сгинуть. Всё остальное способно вызвать лишь жалость.

Ноябрь 1958 г.

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ «НЕИЗВЕСТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В. ВОЛИНА

Мне кажется, за свою жизнь я прочитал достаточно об утопиях и мечтах, однако описание успешной революции, приведённое на страницах 26–29 этой книги, можно отнести чуть ли не к самым фантастически невероятным сценариям, о которых мне когда-либо доводилось слышать.

В той мере, в какой «анархо-коммунисты» и синдикалисты (да и социалисты с коммунистами) ограничивались критическим отношением к любому статус-кво, их позиция не вызывает особых претензий. В первую очередь, движение социалистов является протестным. Но стоило им приступить к воплощению своих планов в реальности, как сразу же начался неизбежный разворот к репрессиям и реакции. Первые же их деяния, реакционные и антилибертарные по своей природе, объясняются тем, что все они слепо исповедуют полное упразднение «частной собственности», свободного обмена, конкуренции и прочих принципов, которые, при условии их верного понимания, неотделимы от такой ценности, как личная свобода.

Первое, что следовало бы понять любому, кто способен мыслить последовательно, — это то, что анархизм всегда будет движением малочисленным. Неважно, с какого рода режимом придётся иметь дело его участникам, — подлинны анархисты всегда найдут признаки ограничения личной свободы. Чисто анархическое общество не будет существовать никогда — разумеется, даже если кто-нибудь сможет чётко определить, что следует считать таковым.

В свете этого, как и того упрямого факта, что всякую оппозицию можно раздавить или нейтрализовать (хотя бы на время) с помощью силы, совершенно

очевидно, что при зачистке оппозиции — всей или значительной её части — её продвижение на политической арене будет замедленно. Отсюда и вывод, что чуть ли не благоговейный трепет перед главным догматом «анархо-коммунизма», заключающимся в необходимости «Революции», то есть насильственной смены режима, равносителен стремлению к самоубийству. Весьма глубокий и серьёзный вопрос о том, сколько ещё потребуются исторических уроков, прежде чем либертарии, уповающие на резкую и агрессивную смену общественного устройства, смогут, наконец, прозреть, по-прежнему остаётся открытым. Некоторых жизнь ничему не учит.

Из всего вышесказанного вовсе не следует, что кровавой бойни, которую учинили в отношении анархистов Ленин и Сталин, можно было бы избежать. Я говорю лишь о том, что при адекватном понимании происходящих процессов анархисты не дали бы заставить себя врасплох и, раз уж на то пошло, смогли бы принять нужные меры, чтобы постараться себя защитить.

Практически каждая из великих революций привела к установлению худшего политического режима, чем тот, что ей предшествовал. А в тех случаях, когда можно было говорить о каких-то явных улучшениях, они достигались естественным эволюционным путём. Давайте будем честны с самими собой и зададимся вопросом: удалось ли когда-либо в ходе революции добиться чего-то большего, нежели лишь узаконить всё то, что к тому времени было уже свершившимся фактом? И это в лучшем случае, ибо в худшем она рождала на свет нечто неизмеримо более чудовищное. Положа руку на сердце, автор этих строк не имеет ни малейшего представления о том, какие практические или просто реалистические шаги можно было бы предпринять для того, чтобы хотя бы переломить преобладающую тенденцию, не говоря уже о том, чтобы изменить что-либо к лучшему. Похоже, статус-кво — по крайней мере, в Америке — укоренился настолько, что даже мысль о возможности обсуждения каких-то реформ кажется фантастической.

Вторая серьёзная проблема, возникающая при обсуждении революции, касается граничащей с фатализмом

уверенности в том, что сопутствующие изменения будут непременно прогрессивными. В этом и заключается практический смысл исторического материализма в изложении коммунистов, особенно тех из них, кто поддался марксистскому влиянию.

Этот слепой догматизм, который преподносится в виде незыблемой социально-революционной доктрины, можно и нужно разоблачать, ибо он проник во все сферы общественной мысли, став разменной монетой всевозможных историков и профессоров «социальных наук». Судя по всему, в сегодняшней Америке вполне возможно — что мы и видим уже практически повсеместно — устроить дела таким образом, что едва ли не каждый будет шкурно заинтересован в поддержке существующего режима, или, по крайней мере, будет так **думать**. При таком положении дел не только не приходится говорить о каких-то революционных настроениях — всё обстоит противоположным образом, особенно если учесть, что в остальном мире, погружённом в хаос, дела идут ещё хуже. Быть охваченным пламенем самому не так больно, когда видишь, что кто-то находится в гораздо более жаркой части костра.

Ведь в чём, по мнению общественности, заключается самая главная проблема Соединённых Штатов, если не брать в расчёт русскую угрозу? Это сравнительно безобидный вопрос десегрегации школ. Эта тема становится комфортным игровым пространством для самопровозглашённых революционеров, но определённо не может послужить поводом к настоящей революции. Что же касается так называемого открытого противостояния между странами «коммунистического» блока и «свободного мира», то разве не очевидно, что два этих режима взаимно дополняют друг друга? Ведь не будь этой так называемой взаимной угрозы, было бы сложно хоть как-то обосновать абсолютное большинство военных и экономических мер.

Похоже, уже никто не сомневается в том, что ядерный холокост до сих пор не случился только потому, что любой, кто его спровоцирует, почти наверняка первым же и будет стёрт с лица земли. Надо ли говорить, что

это довольно слабое утешение, особенно с учётом того огромного кома невротической надежды и ощущения собственной праведности, которые переполняют тех, кто занимает ответственные кресла в правительствах соответствующих стран.

Апостолам революции не помешало бы периодически проветривать свои мозги, чтобы, продравшись через пелену наркотических грёз, хотя бы время от времени соприкоснуться с реальностью.

5 января 1959 г.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Проблему человеческого мышления окружает множество предрассудков. За редкими исключениями, возникающие у людей мысли или идеи всегда согласуются с их образом жизни. У каждого человека неизбежно имеются собственные интересы, и эти интересы определяют не только содержание его мыслей, но и сам процесс мышления, равно как и сделанные на его основе выводы. Никто не способен объективно рассуждать о том, к чему он имеет непосредственное отношение. Предметом так называемого объективного или научного мышления являются феномены и вопросы, над которыми человек предположительно не властен. Поэтому отнюдь не случайно, что учёные — люди безответственные, поскольку для научного или объективного мышления требуется беспристрастность. Надо ли уточнять, что моё определение беспристрастности подразумевает безответственность. Учёный не несёт ответственности за результаты своих исследований, потому что они предположительно обусловлены самой природой вещей и таким образом находятся вне его власти.

Из этого следует неизбежный вывод, что в подавляющем большинстве случаев то, что человек принимает за своё мышление, представляет собой, в общем-то, обычную рационализацию. Он рационализирует свои желания, свои поступки и все свои затруднения, если выясняется, что он в силах с ними совладать или извлечь из них выгоду, даже если и не к пользе окружающих. Человек аргументирует, обосновывает и оправдывает всё, что сочтёт нужным или к чему вынуждают его обстоятельства, или всё, что, по его мнению, затрагивает его интересы, причём это мнение может быть как сознательным, так и бессознательным.

Разумеется, в моих словах нет ничего нового. В литературе можно найти, вероятно, тысячи примеров, подтверждающих, что я не сделал никакого открытия. Не поэтому ли говорят, что в своём глазу человек не способен разглядеть даже бревно? Проще всего на свете подмечать недостатки в других, и в то же время мы упускаем из виду даже самые глубокие изъяны, когда речь заходит о нас самих или о тех, кто принадлежит к нашему узкому кругу или сообществу.

Из всего вышесказанного можно сделать практический вывод, который заключается в том, что прежде, чем выслушать или прочесть что-то, что отражает чужую точку зрения, нам необходимо спросить себя: каковы его жизненные обстоятельства, на чью мельницу он льёт воду, что он пытается доказать и ради чего? Кто он такой, каков его интерес, что им движет? Помня об этих аспектах коммуникации, мы не попадёмся в ловушку того, чтобы относиться к любому человеку с излишней серьёзностью. Кстати говоря, вдобавок ко всему имело бы смысл учитывать и собственные жизненные обстоятельства, прежде чем полагать, что мы способны или вправе учиться чему-либо у других. Нередко, если не чаще всего, дело принимает такой оборот, что каждый из двух собеседников обнаруживает, что ни один из них не может чему-либо научиться у другого, даже если оба из них при этом говорят чистую правду.

«Что есть истина?» — спросил Понтий Пилат, однако не стал дожидаться ответа. По-видимому, он прекрасно осознавал, в чём была «истина» для того, кому предназначался этот вопрос. Если задать его десяти разным людям, можно получить столь же много различных ответов, и каждая из этих так называемых «истин» будет одинаково далека от истины подлинной. К настоящему времени человек ещё не изобрёл машину истины, и вероятно, не изобретёт никогда, ибо такая машина неизбежно будет получать необходимую ей информацию или данные от самих же людей, а значит, она всегда будет работать с подкрученными или искажёнными данными. К слову сказать, не зря же, когда кто-то лезет куда-нибудь своими руками, то говорит потом, что он что-то там подкрутил?

В некоторых из написанных мною статей, в которых я критиковал идеи других, высказывалась мысль о том, что, с учётом их жизненных обстоятельств, они демонстрировали неспособность или нежелание мыслить трезво.

Теперь же я хотел бы указать на парадокс, который, в контексте всего вышесказанного, может помочь нам мало-помалу приблизиться к пониманию философии противоречий, которая — так уж вышло — является важной составляющей моего хода мысли.

Это противоречие заключается в следующем: при том что человек не способен объективно или «беспристрастно» рассуждать о вещах, прямо его касающихся, он столь же не способен рассуждать о вещах, которые не вызывают у него интереса. Ему попросту нет до них никакого дела, так что они его совершенно не занимают, даже если окажутся в фокусе его внимания; они ему абсолютно не интересны, и всегда найдётся что-то более важное, о чём бы он мог поразмыслить.

Итак, человек сталкивается с неразрешимой дилеммой, которая в той или иной степени заложена в саму природу вещей. Если какой-то предмет не пробуждает в нём интереса, хотя теоретически как раз поэтому он и мог бы изучать его беспристрастно, он не находит в этом изучении никакой выгоды для себя. А если же некий предмет и вызывает у него интерес — и тогда, если он не законченный эскапист, он неизбежно должен в него погрузиться, — то совершенно очевидно, что, имея с ним дело, он никак не может сохранять объективность. Выходит, что в качестве мыслящей машины он так или иначе обречён нести на себе бремя невежества и идиотизма.

В своих поздних сочинениях я пытался продемонстрировать эту идею, опираясь не столько на философские рассуждения, сколько на реальные примеры из жизни. Как я неоднократно показывал в своих работах, насущные интересы большинства людей таковы, что практически каждый так или иначе принимает непосредственное участие в грядущем истреблении человечества. Я показал, что сегодня принцип Свободы, согласно которому всегда сохраняется тенденция

к равновесию, в ходе человеческой эволюции был отодвинут на задний план и что в отношениях между собой люди в первую очередь опираются на централизованный аппарат принуждения и насилия. И подобное вытеснение естественной свободы человека посредством замены её государством привело к столь масштабному изменению или подрыву этой тенденции, что в итоге мы миновали критический рубеж, и конечной точкой этого процесса будет тотальное и взаимное уничтожение.

Такая развязка неизбежна вдвойне, поскольку вместо триумфа Свободы повсюду мы видим её угасание.

К слову сказать, картина, наблюдаемая в столь мощный телескоп, может быть получена лишь с помощью всеохватывающего и трезвого мышления, о необходимости которого я упорно твержу, противопоставляя его тому раздробленному, рассогласованному, разграниченному и статичному образу мысли, который присущ Борсоди и многим другим. Когда речь идёт о феноменах органических, главным вопросом является функция — чтобы наши рассуждения о ней не отрывались от реальности, важно не терять из виду общую динамику и тенденции, а мышление должно оставаться гибким. Очевидно, что способность заглядывать в будущее неотделима от способности к мышлению.

Кроме того, человек способен предсказывать свои собственные поступки, над которыми у него нет особой власти, поскольку никто не может предугадать или определить, каковы будут их последствия или как сложатся обстоятельства, с которыми придётся столкнуться любому из нас. Чтобы действовать на опережение, необходимо куда более целостное понимание и куда больше могущества, чем доступно отдельному человеку. И всё же эти обстоятельства будут предопределять нашу реакцию и поведение лишь потому, что человек неизменно жертвует будущим в пользу настоящего, и вполне вероятно, что в большинстве случаев это оправданно. И совершенно точно его поступки никак не будут соотноситься с тем, что принято называть свободой воли, если такие действия неизбежно влекут за собой его уничтожение.

Собственно, что я всем этим пытаюсь сказать? Я говорю о том, что в прошлом человек непреднамеренно и необратимо учредил статичный по своей природе и противящийся всякому изменению институт, в основе которого лежат принуждение и насилие, служащие единственно цели порабощения и эксплуатации, институт, который в силу своей подавляющей природы изуродовал и искалечил человеческое сознание, а также ввёл в игру силы столь неосозаемые и непостижимые, что человеку не дано ни распознать их, ни осмыслить, но суждено лишь пасть их жертвой.

Его возникновение не было предумышленным — это не было следствием чьей-то незрелости или неврозоз, не говоря уже о каком-то гипотетическом «первородном грехе», и объясняется обычным невежеством и тупостью. Сам по себе человек ни хорош и ни плох — он движим лишь эгоизмом, проистекающим из его неугасимой воли к жизни. Да и невежество это нельзя никому поставить в вину. Тот преступный институт, который мы зовём государством, возник по чистой случайности, но последствия этого были столь разрушительными, что могут сравниться разве что с тлетворным влиянием институциональной религии.

Неужели вы верите, что полдюжины или дюжина напыщенных идиотов, собравшихся на каком-нибудь «саммите», вознамерятся или окажутся способными устранить тот безумный конфликт, воплощением которого они сами же и являются? Или что в этом может быть доля правды лишь потому, что так считают два миллиарда конченных дегенератов, а если с этим не соглашаюсь один только я, это значит, что я ошибаюсь?

Или что я бы соврал, заявив — не имея возможности привести какие-нибудь доказательства — что в этом году, а именно в 1960-м от рождества по плоти господа бога нашего, отношения между людьми достигли такой точки — в смысле их полной испорченности — что всякая надежда на то, что у жизни на этой планете есть какое-то будущее, стремится к нулю?

И даже если бы не вызывало сомнений, что отношения, построенные на принципе господства и подчинения, являются чем-то неизбежным или даже

естественным и что подобные отношения имеют всеобщий, универсальный и абсолютный характер, сложно оспорить тот факт, что всевозможные власти нашей эпохи — как те, что выражают интересы главных участников холодной войны, так и все прочее, — не смогли до сих пор и похоже не смогут прийти к согласию по поводу какой-нибудь единой схемы, с помощью которой они бы могли сообща дурачить, запугивать и эксплуатировать народные массы.

Оставив за скобками всех остальных, представим, что, к примеру, Папа Римский и господин Хрущёв смогли прийти к какому-то соглашению, в рамках которого они объединили бы свои усилия (разумеется, с привлечением и других так называемых лидеров). В таком случае была бы надежда на то, что народные массы — которые, в общем-то, искренне верят в необходимость рабства в той или иной его форме — будут избавлены от угрозы ядерного холокоста. Ведь неизбежным итогом всех действующих ныне процессов может стать либо рабство тоталитаризма, либо поголовное истребление.

26 декабря 1960 г.

ВОЙНА, ВОЙНА И ЕЩЁ РАЗ ВОЙНА

Как уже давно было подмечено людьми не самыми посредственными и весьма проницательными, наш мир представляет собой одно большое поле битвы, где все трофеи достаются победителю. Бытует мнение, что в этой тотальной войне победа достается лишь сильным и мужественным, тогда как слабым и робким остаётся лишь оплакивать своё поражение и зализывать раны. Мудрецу не подобает выступать за одну из сторон, когда между собой сражаются идиоты. Мало кто вынослив настолько, чтобы его нельзя было заставить умолкнуть хорошим ударом по черепу. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток.

А вдобавок к этому, если кто-то зовёт всех к ружью, то можно не сомневаться, что перед нами политик или генерал, словом, одна из тех тыловых крыс, что предпочитают командовать бойней из глубины своих бункеров и обычно умирают в постели. Что и говорить, пришлѣпнуть или взорвать ко всем чертям какого-нибудь главу государства или другого «лидера» в битве за «национальный суверенитет», значит совершить чуть ли не самое немыслимое преступление — наказание за это последует не менее строгое, чем если бы вы усомнились в существовании Бога или показали кукиш Большому Брату.

И всё же противоборство может быть чем-то вполне конструктивным, если речь идёт о вавилонском столпотворении или о том, что обычно называют анархией или хаосом. Ибо только из столкновения идей, из отчаянного состязания и конфликта мнений, из соревнования между разными видами деятельности непрерывно произрастают истина и совершенство (понимаемые как процесс). Неужели мы нуждаемся

в «компетентных и гуманных лидерах коллективного увещевания», чтобы они решили стоящие перед нами проблемы вместо нас же самих? И разве не правда, что перемирие подобно смерти?

Кому нужна унылая покорность и тупое раболепство пчелиного социализма, при котором подавляется всякое соперничество, а вместо этого предлагается слепо подчиняться централизованной бюрократической номенклатуре или даже децентрализованной власти? Какими безмозглыми человеческими отбросами нужно быть, чтобы мечтательно рассуждать о том, что это олицетворение механизированного скотства и криминала, которое мы зовём государством, должно заботиться о «здоровоохранении, образовании и благосостоянии» того сборища ничтожеств, которое мы называем «населением»? И каким же образом эти балаболы, объявившие себя нашими няньками и покровителями, дорываются до власти, если не умаслив тех самых люмпенов, которых они якобы собираются вскармливать чуть ли не грудью? Как же так вышло, что американцы не в состоянии осознать, как низко они пали, когда жаждут того самого радетьельного общества, ради которого потребуется поднять на штыки всех русских? Можно подумать, что уровень цивилизации измеряется холодильниками и телевизорами или отсутствием уличных сортиров.

О да, редко приходится видеть, как политики или правительственные бонзы хватаются за оружие и метелят друг дружку за Бога и Отечество. Хрен там, да и с какой стати они должны это делать, если для этого есть восемнадцатилетние пацаны? А уж эти доблестные спасители отчизны позаботятся о том, чтобы какие-нибудь готтентоты или конголезцы не испытывали потребности в самом современном оружии и могли в своё удовольствие истреблять друг друга по указке своих же политиканов в надежде на то, что кто-то из них или, может быть, какой-нибудь комиссар или капиталист в конце концов возьмёт штурвал в свои руки и снимет все сливки. Это нехитрое предприятие называется экспортом «нашего образа жизни» невежественным дикарям, которые пока ещё «не готовы

к свободе» — то есть к самоуправлению или как это у них там называется. И теперь мы приходим к вопросу на шестьдесят четыре доллара: чья версия рая в итоге одержит верх, американская или коммунистическая? Закройте глаза и выберите свой вариант; или даже нет — вот вам пушки, ребята, и разбирайтесь уж сами, а нам потом скажете спасибо за то, что помогли вам уладить ваши проблемы. Мне показалось или где-то поодаль замелькали братцы-банкиры, деловито подсчитывающие дневную выручку? Ах, вы разве не знали, что всё это нужно было «профинансировать»? К слову, вы вообще понимаете, что я несу?

10 мая 1961 г.

ЧТО ТВОРИТ БОГ?

чем у нас с вами. Испытывает ли он одиночество, ведь равных ему нет?

Надо признать, быть Богом это уже кое-что, только вот интересно, что именно? Я часто задумываюсь: что движет Богом? Наверняка именно этот вопрос и задали сфинксу, и не зря он был вытесан из камня немого.

1961 г.

Порой меня занимают мысли о том, чем был занят Господь на протяжении всех этих теряющихся в бесконечности неисчислимых эонов, прежде чем ни с того ни с сего ему стукнуло в голову слепить какой-то шарик и заселить его крестинами. А кроме того, я никак не пойму, с какой стати он выбрал именно нас. Поистине, можно лишь безгранично удивляться тому, что столь масштабная личность (или их всё-таки было трое?), наделённая беспредельным могуществом, неисчерпаемой мудростью и исключительной добротой, в своих трудах не пользовалась ни одним из этих качеств. Может, он просто устал? Хотел поразвлечься? Может, дело в его садистских наклонностях? Или в том, что за долгие годы небытия его заела тоска?

С какой стати он отправил своего собственного сына на эту планету, где его растерзали и съели? Что и говорить, идея оригинальная. Быть может, Господь утомился от совершенства и возжелал насладиться абсурдом, воплощённым на практике? Ну нет, это вряд ли: он же всеведущ и должен был знать это всё наперёд.

Возможно, к тому времени он насоздавал уже множество миров. Квадратные миры, треугольные. Миры сухие и влажные, светлые и тёмные. Как знать, может, он сотворил такие миры, какие мы даже не в силах представить? Какие влечения он стремится удовлетворить посредством этих бесконечных экспериментов? И ведь ответ ему должен быть известен, ибо он знает всё.

Сдаётся, Богом быть невыносимо скучно. Поскольку он сам и есть всё, что только может быть, простора для дальнейшего совершенствования не остаётся. В этом отношении у него даже более мрачные перспективы,

К ВОПРОСУ О КОСМОЛОГИИ

Кто осмелится заявить, что Земля есть что-то иное, нежели сгусток, образованный из очередного Божьего пердежа? И разве миазмы, поднимающиеся с её поверхности, не есть та глазурь, коей покрыты диарейные испражнения сего джентльмена, а населяющая её фауна (то есть мы) не подобна личинкам, рождённым из этих фекалий? Неужели эта версия менее убедительна, чем та, что звучит из уст всевозможных теологов, или чем спекуляции «учёных» прорицателей касательно теории Большого взрыва, равно как и обывателей, самонадеянно претендующих на то, чтобы иметь хоть какое-то представление о событиях, случившихся миллионы лет тому назад, — и это с учётом того, что они ни черта не понимают даже в том, что творится прямо у них перед глазами?

Всё, что мне известно на этот счёт, я почерпнул из газет, редакторами коих служат недоумки, которые — независимо от того, что они заявляют об этом сами, — безусловно, являются корыстными сволочами, готовыми выставить на продажу любые способности, которые только у них имеются, чтобы марать бумагу, отрабатывая чей-то заказ; другим источником моих знаний стали книги, написанные профессиональными недоумками, которые, в конечном счёте, способны мусолить лишь разные версии одних и тех же теологических мифов — все эти достойные люди являются не более чем двуногими агрегатами по производству говна, готовыми на всё, лишь бы дорваться до чего-нибудь, что они ещё не успели превратить в дерьмо.

Будем откровенны! Разве сложно представить, как обитатели, скажем, Нью-Йорк Сити, снуют туда-сюда с умным видом, а с их губ тем временем капает сперма?

Сколько здесь этих богомерзких сообществ, организаций и частных лиц, тоннами рассылающих спонсированные письма в надежде выклянчить средства у тех, кто предположительно чешет затылок, раздумывая, куда бы их деть, и поэтому с радостью отдаст их этим жалким созданиям, у которых не хватит ума даже на то, чтобы руководить торговлей семечками с лотка, зато жадности хватит, чтобы требовать ещё и покрытия всех их расходов, то есть чтобы дорваться и до тех денег, которые ещё не прилипли к их грязным лапам! Не имея возможности содержать толпу мытарей, способных отобрать ваши деньги под угрозой отъёма имущества или исковых заявлений, эти профессиональные благодетели вынуждены играть на вашем сочувствии к бедным и угнетённым жителям неведомого Пердостана. Причём эти же говённые ублюдки протестуют против вмешательства в дела других богом забытых стран, если такое вмешательство подразумевает избавление от гнёта сраных монополистов тех самых несчастных, к кому они якобы проявляют столько заботы. Святая истина заключается в том, что все эти плакальщики, с их крокодильими слёзами по поводу вьетнамских крестьян, куда охотнее предпочли бы стройными рядами отправить этих самых крестьян на бойню, лишь бы не допустить, чтобы они сами решили свои проблемы, единственной причиной которых, к слову, является хищническая политика вторгшихся к ним чужаков.

При этом я имею в виду конкретно правительство Соединённых Штатов, выразителем экономических интересов которого является финансовый и военно-промышленный комплекс всё тех же Соединённых Штатов, участниками которого, уж простите, являемся **вы и я**, равно как и любой другой вонючий ублюдок, носящий когномен «американца». Ну а кем считаешь себя **ты**, читатель? К каким бы грёбаным имбецилам ты себя не относил, нет никаких сомнений, что ты представляешь собой лишь производящую говно личинку, заикленную на себе и совершенно безразличную ко всем тем, кому довелось попасть в мясорубку глобальных процессов, из которых ты только вытаскиваешь всё необходимое тебе для поддержания на плаву своей одухотворённой дырки от задницы.

Чем вьетнамский крестьянин не угодил лично тебе, если тебе так неймётся подыгрывать всевозможным бандитам, включая излучающих праведность недоумков от Консерваторов, зовущих тебя под знамёна кровавой расправы над этими злосчастными вьетнамцами? Ты сраный ублюдок (да и я тоже), а единственное, что волнует тебя в этой жизни, это благополучие твоей собственной задницы; и единственное, что я мог бы тебе посоветовать, это помнить о том, кто ты есть, и не дурачить себя тем, что ты якобы Божий избранник или счастливчик, которому обломился кусок съедобного Бога, скормленный тебе с рук какого-нибудь непогрешимого куска говна Божьего, будь он хоть самым Папой Римским.

12 октября 1965 г.

ШТИРНЕР!

На свете не так много людей, способных по достоинству оценить глубину мысли Штирнера. Причина тому — «иудео-христианская этика», доминирующая в общественном сознании жителей западного полушария. Кто они, если не моралисты? Тогда как Штирнер, в первую очередь, аморалист. Главный его тезис заключается в том, что в основе человеческой мотивации лежит стремление к личной выгоде. А личная выгода, по большому счёту, является аморальным инстинктом. Перед нами философия, основанная на принципе целесообразности — человек поступает сообразно с обстоятельствами и в согласии с движущей им волей к жизни. Это не всегда согласуется с постулатами морального отступничества. Можно сколько угодно внушать человеку моральные установки, однако он всегда будет стремиться к тому, чтобы в текущих обстоятельствах извлечь для себя максимальную пользу. И так следовало бы поступать всем.

Лишь в сознании идеалистов интересы «Общества» совпадают с интересами отдельных личностей, его образующих. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что ход истории подчиняется именно этой логике. То же самое можно сказать о мотивах любых преступлений. Обман, блеф, насилие, ограбление и убийство — независимо от масштаба этих деяний, они всегда продиктованы корыстными соображениями. Что же до людей физически, умственно или «духовно» неполноценных, то они первыми бросаются на поиски какой-нибудь потусторонней силы, которая смогла бы о них позаботиться (Божественный идеал). Хотя, казалось бы, здравый смысл подсказывает, что если бы какой-то «инстанции» была предоставлена власть, чтобы о ком-то заботиться,

то можно не сомневаться, что в первую очередь эта власть была бы использована к выгоде её же носителя.

Мы считаем человека порочным и при этом выбираем кого-то, чтобы он правил другими. Разве не очевидно, что только законченный болван с кашей вместо мозгов мог бы подписаться под этой схемой? Однако же мы видим, что это обычная практика во всём мире!

Перед лицом столь глубоко укоренившегося суеверия голос Штирнера подобен глотку свежего воздуха. Именно поэтому призыв во всём искать выгоду для себя настолько резко диссонирует с суеверными надеждами, в которых черпает свою силу стадный инстинкт, облакаемый в форму коммунизма, социализма и коллективизма вообще, включая благочестивое жульё, заявляющее о своей приверженности духу «свободного предпринимательства» — надо ли говорить, что все они сплошь моралисты. Разве могут такие жалкие существа переварить или хотя бы понять то, о чём говорит Штирнер? Чтобы обнаружить причину этого стадного или коллективистского импульса, достаточно понять, в чём кроется личный интерес. Ибо причина именно в нём.

Несмотря на то, что Штирнер подчёркивал, что «единственный» **не** является неким абстрактным обобщением, что можно насчитать столько же разных «единственных», сколько существует отдельных личностей, и что каждый единственный по-своему уникален, социалисты — включая даже марксистов — были вынуждены настаивать на обратном, дабы облачить Штирнера на том основании, что он якобы является метафизиком. У Маркса, теолога до мозга костей, была весьма неприятная манера — он прикидывался, что разделяет идеи своих оппонентов, а потом использовал эти идеи в качестве аргументов в спорах с этими же людьми, тем самым вменяя им в вину мысли, противоположные тем, что они высказывали. В этом обнаруживается его талант идеологического шарлатана, в чём он зачастую даже не отдавал себе отчёта.

Хлеб, съеденный кем-то одним, не достанется никому другому, и в обстановке тотальной нехватки ресурсов о высокой морали говорить не приходится. Людские

интересы вступают в конфликт, и начинается драка. Её возникновение обусловлено естественным ходом вещей, так что христиане и коммунисты — а мы помним, что моралистами являются и те, и другие — обнаруживают себя в ситуации, когда их ладненькие «заповеди» наносятся на боевые знамёна. При этом они являются жертвами обстоятельств в той же мере, что и все остальные. Сказать по правде, именно христиане и коммунисты могут похвастаться тем, что им удалось побить все рекорды по массовым убийствам. Разве найдётся хоть один коммунист, не согласный с тем, что единственным условием, необходимым для воплощения его идеалистической утопии на практике, является революционный холокост, в ходе которого хорошие парни должны будут поголовно истребить всех плохих парней? Именно тут мы и можем разглядеть причины столь яростных конфронтаций и нависшей над всеми нами угрозы взаимного уничтожения. Человек является рабом своих привычек, рабом институционализма.

Декабрь 1966 г.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА?

Сегодня идут довольно бурные дебаты между теми, кто верит в «Абсолютную истину», и сторонниками «Этического релятивизма». Как чаще всего и бывает, эта полемика превратилась в банальную перепалку, и исходные аргументы враждующих сторон утонули в неразборчивом гомоне. Теперь уже сложно понять, в чём, собственно, предмет этих споров, поскольку окончательно стёрлась грань между целью и средствами.

С моей точки зрения, в основу всякого человеческого действия положена идея о Целесообразности. Вопрос о цели и средствах решается в согласии с этим принципом. Помимо общего стремления человека к собственной выгоде, любая производная идея, касающаяся вопросов цели и средств, должна быть основана на принципе прагматизма. И наибольшие разногласия в вопросе о том, что следует понимать под благом для человека, проистекают из расхождения мнений по поводу того, достигается ли оно с помощью коллективизма или же речь идёт о проблеме личной свободы. Суть этого спора заключается в том, что любые коллективистские программы основываются на некой *системе*, тогда как личная свобода подразумевает отсутствие всяких систем. Что ещё следует понимать под «Абсолютной истиной» в этом контексте? Если вы не способны принять этот факт, вы недостаточно компетентны, чтобы участвовать в этом споре. Ведь разве возможен какой-либо диалог между людьми, если они исходят из прямо противоположных предпосылок?

Но даже если мы придём к согласию в том, чтобы считать закон Целесообразности краеугольным принципом всех человеческих действий, лежащим в основе и коллективистского, и индивидуалистического подхода,

и даже включающим их в качестве частных аспектов, будет ли это подразумевать, что мы исходим из полной беспринципности людей — по крайней мере в том, что касается вопроса о средствах? Ни в коем случае, поскольку речь идёт о том, что *средства* к достижению любой цели диктуются обстоятельствами. Как говорил Такер: «Последствия — это единственный Бог». Смысл этого, разумеется, в том, что с помощью *одних и тех же* средств можно достичь совершенно *разных* целей в зависимости от обстоятельств, в которых оказывается человек. Не зря говорят, что у каждого обобщения найдутся исключения, а вера в то, что «Истина сделает тебя свободным» — при том, что этот лозунг эффектно смотрится на флагах, — зачастую не имеет под собой никаких оснований. В других своих статьях я уже высказывал соображение, что, исходя лишь из голых биологических фактов, способность к мимикрии, коварству, лжи и даже соблазнению присуща самым элементарным формам жизни и такое их поведение продиктовано лишь борьбой за выживание. И, если только самопожертвование не будет цениться выше выживания, рассматривать «Абсолютную истину» как нечто более ценное, чем сама жизнь, равносильно настоящей пропаганде суицида. При этом едва ли нужно доказывать, что именно своими призывами к тому, чтобы *их собратья* совершили самоубийство (ради достижения их собственных целей), приверженцы «Абсолютной истины» обнажают свою подлинную сущность, демонстрируя, что они являются последними жуликами и мошенниками. Ведь рассуждая об «Абсолютной истине», они выражают лишь своё мнение касательно того, что отвечает *их собственным* кровным интересам. Единственное, к чему они стремятся, — это спасти свою шкуру, и готовы ради этого переступать через тех, кого они надеются объегорить. Подобный цинизм является чуть ли не обязательным элементом «патриотизма» и религиозного благочестия. Те, кто с пеной у рта твердят об «общественном благе» или о том, что у них налажена прямая связь со всевышним, с великой охотой отправят всех прочих на бойню. При этом сами они готовы бескорыстно помыкать остальными и решать их судьбу. Воображаемой

сущностью, о которой столько пекутся эти благородные личности, являемся «Мы», ради блага которых они будут подначивать: «Ты и ты, оружие к бою, и пусть победит сильнейший из вас». Несчастный кретин, с воодушевлением ринувшийся в бой, купившись на эту аферу, вызывает лишь жалость. А если он не проявит достаточной прыти, выполняя приказы, можно не сомневаться, что его понукальщики сделают всё, чтобы его покарать, как и всякого, кто отважится им перечить. Помешанные на насилии глашатаи «Абсолютной истины» суть само олицетворение авторитаризма — причём, разумеется, это лишь одна сторона их личности, потому что с другой стороны они призывают всех смиренно подставлять вторую щёку, забыв о самозащите или желании отомстить, что преподносится ими как знак особого благородства.

Однако у всей этой авантюры, построенной на воспевании «Абсолютной истины», имеется и ещё один аспект — я имею в виду бесхребетников, не разделяющих вообще никаких убеждений, даже самых сомнительных. Они относятся к категории людей угодливых и малодушных, на которых ни в чём нельзя положиться. Такой человек подобен флюгеру, готовому в любой момент развернуться в ту сторону, куда дует ветер, — его прежде всего заботит спасение собственной шкуры. И хотя ему не вполне подходят такие эпитеты, как холуй или трус, его, тем не менее, можно уверенно отнести к тому же разряду, что и «самые примитивные формы жизни». Иными словами, перед нами существо, паразитирующее на своих же собратьях. Как раз этой форме вырождения представители рода человеческого подвержены в наибольшей степени. А несовершенство языка выражается, помимо прочего, ещё и в том, что такие слова, как «изменник» и «предательский», применимы, или по крайней мере применяются, в отношении совершенно противоположной категории лиц. Именно по причине того, что язык утратил свою чистоту, мы сталкиваемся со сложностями — возможно даже, непреодолимыми — в том, чтобы разграничивать два этих типа людей.

Человек, испытывающий отвращение к подобным бесхребетникам, глубоко презирающий тех, от кого

в любой момент можно ожидать чего угодно, у которого люди, не имеющие стержня и живущие по принципу «сегодня здесь, а завтра там», вызывают отторжение, вполне может говорить, что придерживается некой концепции «извечной истины» или «Абсолютной истины». В целом, хотя и с некоторыми оговорками, нам будет понятно, о чём он говорит, а неизбежные ошибки толкования мы охотно спишем на несовершенство языка. Обстоятельства могут сложиться таким образом, что он будет вынужден сделать заявление, которое будет истолковано неверно, и в него будет вложен смысл, прямо противоположный изначально задуманному. И если собеседник окажется человеком поверхностным, падким до всяких клише и шаблонных фраз, неизбежно возникнет неловкая ситуация. Невозможно заставить кого-либо считаться с тем, во что он не хочет верить. А в этом случае осмысленный диалог невозможен.

Не вызывает сомнений, что об осмысленном диалоге придётся забыть, если его участники преследуют противоположные цели и если в дело вступают *эмоции*, препятствующие взаимному объективному стремлению добраться до фактов. Обе стороны могут бояться, что голые факты укажут на нечто нелицеприятное. И каждая из сторон может испытывать страх перед «Объективной истиной», несмотря на все свои претензии относительно монопольного права её толкования.

В обществе, в котором экономическая мораль с неизбежностью предписывает борьбу за привилегии, будь то в форме права на принудительную эксплуатацию или права на паразитический образ жизни, можно обнаружить также и неизбежный конфликт интересов, в свете которого невозможен никакой поиск истины. Как мы видим, мало того, что властные госструктуры возглавляют отъявленные лжецы, но и всё общество в целом пронизано страхом и фальшью. А тем, кто в искусстве обмана достиг особых высот, в общественной жизни отводится роль интеллектуальной элиты. Ситуация раскручивается по спирали и приближается к критическому рубежу. Чем масштабнее и изощрённее ложь, тем меньше она вызывает вопросов. При таком положении вещей говорить о какой-либо истине вообще было бы сущим

фарсом. Фактически, стоит вам промолвить хоть что-то, что несёт на себе отпечаток истины во всей её очевидности и простоте, вас немедленно заклеят еретиком.

8 августа 1966 г.

О КНИГЕ РАГНАРА РЕДБЁРДА «СИЛА ЕСТЬ ПРАВО»

Пролистывая старую периодику, в одном из выпусков журнала «The Eagle and the Serpent» за 1898 год я наткнулся на объявление с рекламой книги, озаглавленной «Сила есть право». В последующих номерах этого журнала я нашёл множество комментариев по поводу этой работы, среди авторов которых были такие фигуры, как Альфред Воллес, Бернард Шоу, Томас Коммон (переводивший труды Ницше на английский язык), Бенджамин Кидд и Бенджамин Р. Такер. Редактором журнала был Джон Бэзил Барнхилл под псевдонимом Эрвин Макколл. Как ценитель радикальной литературы, я, разумеется, заинтересовался этой работой, однако заполучить саму книгу мне удалось лишь годы спустя.

Около 1946 года один мой приятель из Детройта, которому я одолжил книгу, сообщил мне, что увидел «Силу» на полках какой-то букинистической лавки, где она продавалась по цене 50 центов, а когда он за неё расплатился, продавец удалился в подсобку, после чего выложил на прилавок ещё один экземпляр. Первый тираж этой книги увидел свет в 1897 году, однако это издание, отпечатанное с тех же пластин, было датировано 1927 годом. На расспросы моего приятеля торговец ответил, что в наличии у него есть ещё пять экземпляров. Несколько дней спустя я купил их все, намереваясь раздать друзьям — позже мы немало повеселились, обсуждая написанное в этой книге.

Когда я поинтересовался у торговца, откуда у него эти книги, он сообщил, что купил их у агента, который навещался в его лавку примерно раз в месяц. Я попросил его выяснить, можно ли приобрести ещё несколько копий, и когда я находился в Лэйнс-Энд, мне передали

записку, из которой я узнал, что на складе в Чикаго хранились две небольшие коробки с остатками тиража этой книги, после чего я связался с ещё одним приятелем, который, разделяя мои восторги по поводу данной работы, отправился по указанному адресу и выторговал все оставшиеся экземпляры, за каждый из которых он заплатил то ли 30, то ли 39 центов.

Эта необычная книга пропитана антихристианством, антикапитализмом, антикоммунизмом, антианархизмом, антисемито-негро-ориентализмом и анти-всем-чем-угодно, и в ней воспевается лишь торжество грубой силы. Чтение столь воинственного текста доставляет особое удовольствие, и читатель готов сносить удары, обрушивающиеся на него со страниц этой книги, коль скоро они причиняют невыносимую боль всем остальным. Написанное в этой книге местами звучит до боли убедительно, и создаётся впечатление, что её автор хорошо информирован о тех ужасах, которые люди творили по отношению друг к другу. Весьма непохоже, чтобы автор этой книги пытался иронизировать.

Когда я перечитывал эту книгу, задавшись целью оформить мои впечатления от неё в виде обзорной статьи, я начал осознавать, что если бы я раздал своим знакомым те экземпляры, которые получил от своего приятеля (во время его визита в Сафферн), они бы решили, что я разделяю некоторые из бредовых идей её автора, в частности — его расовые предрассудки. При чтении книги такого рода мало кто — особенно, когда речь заходит о радикалах, — способен сохранять чувство юмора, и теперь я оказался в затруднительном положении, не зная, как поступить со всеми этими экземплярами. Практически без исключений все радикалы воспринимают всё очень серьёзно и болезненно реагируют на любую критику своих идеалов. Это я знаю по себе.

На странице 316 своей автобиографии «Wobbly» Ральф Чаплин упоминает книгу «Сила есть право», утверждая, что уобблы к её публикации не имели никакого отношения, хотя адрес издателя, указанный в книге (Тукер-плейс, 4), совпадает с адресом,

по которому в то время располагалась их штаб-квартира. Чаплин отзываясь об авторе этой книги как о «тщедушном, забитом философе из Ближнего Норд-сайда, страдавшем от мании величия».

На мой взгляд, эта книга достаточно убедительно доказывает, что в конечном счёте в основе человеческих отношений лежит борьба за власть, — с той оговоркой, что здравый смысл и умение сопереживать можно вынести за скобки, считая их производными личного интереса. Мне кажется, если исходить из предположения, что каждый из нас может идти своей дорогой, то, даже если мы будем категорически не согласны в том, чей путь является истинно верным, это не мешает нам учиться на опыте друг друга, и возможно даже, в какой-то момент до нас дойдёт, что философия, основанная на уважении свободы и отрицании насилия, может быть прочным фундаментом человеческих отношений. В ином случае — и современный мир не оставляет в этом никаких сомнений — мы делаем ставку на взаимное уничтожение.

27 августа 1966 г.

СТОЛЬКО ШУМА ИЗ-ЗА ЧЕГО?

Несмотря на все громкие слова о любви и преданности идеалам блага, истины и красоты, человек является лишь агрегатом или организмом, производящим удобрения, ведь если он что-то иное, то он суть ничто. Выражаясь предельно просто, биология учит нас тому, что если он не сможет обеспечивать бесперебойное поступление усваиваемой материи в свой желудочно-кишечный тракт, ему настанет конец. Не нужно проявлять чудеса наблюдательности, чтобы заметить, что ради того, чтобы раздобыть эту материю, он готов на всё что угодно — если того потребуют обстоятельства, он будет лгать, изворачиваться, поработать, помыкать, грабить и убивать. Лицемерие и притворство были его неизменными спутниками на протяжении всей обозримой истории, и, наблюдая за царством животных и растений, мы видим, что всякая жизнь обходится ценой чьей-то загубленной жизни. Фундаментальным принципом, положенным в основу любого человеческого действия, является принцип экономии, которому подчиняется производство и распределение благ, — все мы стремимся к тому, чтобы извлечь максимальную пользу, затратив при этом минимальное количество крови, пота и слёз. А поскольку всем необходимым для жизни нас обеспечивает земля, с которой неразрывно связана судьба каждого человека, задача распределения её даров приобретает первостепенную важность.

Когда какая-то часть населения планеты заявляет свои «права» на необоснованно большую долю, ущемляя тем самым интересы значительной группы людей, которым выставляется счёт за то, что они живут на земле и пользуются её благами, это неизбежно порождает эксплуатацию, борьбу и смуту, а в конечном

счёте это неотвратимо приводит к войне. Однако несмотря на это, на протяжении всей истории человечества, начиная ещё с древнейших времён, неисчислимое количество земных благ находилось у кого-то в собственности, а чьей-то виртуальной собственностью считались другие люди, тем или иным способом удерживаемые в подчинении.

Другим абсолютно необходимым условием выживания является потребность в кооперации — до некоторой степени. Это весьма печальный факт, поскольку именно кооперативная модель ведения хозяйства вынуждает личность поступиться частью своих прав и пожертвовать собственной независимостью, подчинившись некоему предварительно составленному своду правил или плану действий, рассчитанному на то, чтобы координировать усилия объединённой или организованной группы людей ради достижения какой-то заранее оговорённой цели. Куда лучше было бы предоставить людям полную свободу и независимость, позволив закону причины и следствия делать свою работу, способствуя тому, чтобы критерием успеха была степень рациональности личности. Однако ввиду того, что никто в достаточной мере не обладает силой, способностями, временем, возможностями и ноу-хау, чтобы самостоятельно производить всё, что нужно ему для поддержания жизни, в те или иные периоды и при определённых условиях человек вынужден объединять свои усилия с другими, хотя бы на самый короткий срок, чтобы каждый из них, в согласии с законом возрастания эффективности, мог добыть себе необходимые средства к существованию.

Существует два способа кооперации. Первый из них основан на прямом подчинении некоему авторитету, роль которого может играть какой-то свод правил (возможно, оформленных в письменном виде), а также менеджеры или боссы. Второй способ основывается на взаимопомощи, то есть на обмене товарами и услугами между независимыми или относительно независимыми индивидами или группами людей. Этот последний способ известен также как принцип взаимности, и мы можем видеть, что в согласии с ним

осуществляется разделение труда, конкуренция или выбор между различными поставщиками товаров и услуг — тем самым люди пытаются решить насущную социальную проблему и найти ответы на следующие вопросы: кто и что должен делать, а также когда, где, зачем и как, и кроме того — что причитается каждому сообразно его вкладу в общее дело? В свете этой проблемы возникает такая концепция, как ценность или меновая стоимость.

Уже на самых ранних этапах обозримой истории человечества, когда натуральный обмен стал чрезмерно обременительным и неэффективным, люди решили выбрать определённый предмет, договорившись считать его универсальным эквивалентом, принимаемым в обмен на любые товары, и тем самым, с помощью денег и появившегося позже кредита, удалось расширить возможности кооперации. Но уже с самого начала те, кто смог получить контроль над этими средствами поощрения кооперации и монополизировать их, обнаружили, что они могут наложить на всех остальных дань, взимая непомерную плату за свои услуги, и эту плату называют ростовщическим или ссудным процентом. Люди осознали опасность произвола со стороны так называемых ростовщиков ещё задолго до начала христианской эры, однако по причине дефицита материала, из которого делались деньги, то есть золота, их производство было легко монополизировать, и спрос на них всегда значительно превышал предложение. Было неясно, как можно разрушить эту монополию златоимцев. А поскольку занятие ростовщичеством приносило огромный доход, с тех самых пор монополия на выпуск денежных средств неизменно защищалась силой оружия. Эта монополия всегда была в руках государства, правящих элит или частных структур, находящихся под защитой и контролем всё тех же элит, не позволяющих заниматься подобного рода деятельностью больше никому.

В первую очередь именно с помощью этих охраняемых законом монопольных систем землевладения и благодаря монополии на выпуск денег и выдачу займов одни люди оказались в подчинении у других — положив тем самым начало бесчисленным махинациям,

эксплуатации, лжи, обману, аферам, грабежу и убийствам, апофеозом чего стала масштабная кровопролитная бойня, война. И тем не менее мы видим, что даже сегодня, посреди всего этого хаоса и искусственно подогреваемой конфронтации, несмотря на то, что чуть ли не каждый почитает профессию социолога верхов «крутости», едва ли найдётся хоть один человек, не говоря уже о группе людей, которые имели бы хоть малейшее представление о том, где следует искать причину всех этих проблем. Насколько можно судить, ни один из живущих ныне людей не способен чётко ответить на вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы в обществе воцарились мир и порядок. Никто не в силах избавиться от бредовой идеи, что решение социальных проблем якобы заключается в том, что нужно поставить у руля хороших парней и выстроить некую систему — разумеется, с помощью принуждения и насилия, — а философия свободы оказалась почти полностью забыта, хотя обрывки её постулатов подобно пене выступают в уголках рта у тысячи и одной разновидности профессиональных кретинов, зарабатывающих себе на хлеб, по сути, лишь тем, чтобы пытаться сохранить статус-кво, играя роль мальчиков на побегушках у всевозможных корпоративных структур (будь то капиталистических или коммунистических), в руках которых сосредоточена практически ничем не ограниченная экономическая и политическая власть.

Если говорить об Америке, то все эти соперничающие группировки — включая университетских бунтарей, поборников гражданских прав, антивоенных демонстрантов и пацифистов, не говоря уже о так называемых консерваторах и разномастных политических партиях — грызутся между собой, разбивая друг другу головы и паля друг в друга из пистолетов, даже не понимая, из-за чего весь сыр-бор. Никто из этой пёстрой толпы спасителей нации или планеты не имеет ни малейшего представления о том, за что он сражается! Я не припомню ни одной осмысленной дискуссии, в рамках которой затрагивались бы вопросы, касающиеся денег и земли, — и в этой статье я попытался сформулировать именно эту проблему, показав, что

она является ключевой с точки зрения дальнейшего существования жизни на планете.

6 ноября 1966 г.

НУЖНО ЛИ МНЕ ПЫТАТЬСЯ ВЕСТИ ДИАЛОГ?

Уже с давних пор во мне крепнет мысль — поначалу я пришёл к ней интуитивно, а затем лишь больше и больше убеждался в её истинности, — что для меня самого и для тех, с кем я пытался выстроить диалог, было бы лучше, если бы я вовсе порвал с ними все отношения. Поскольку я человек строптивый и больше склонен критиковать, чем хвалить — иными словами, предпочитаю спорить, а не соглашаться, — немногие люди, если таковые найдутся вообще, способны сохранять самообладание во время общения со мной. Я могу привести уйму примеров, доказывающих, что такое положение дел сохранялось на протяжении всей моей жизни. Надо ли говорить, что путь бунтаря — это путь одиночки; и если ему приходится рассчитывать на признание или благодарность, то уж точно не при жизни.

Человек, привычный к тому, чтобы им помыкали, даже если речь идёт о «помыкании» взаимном и обоюдном, может рассчитывать в этой жизни на какой-то «успех», на то, что его будут ценить и принимать как равного. Однако он в любом случае должен быть готов прогнуться — в противном случае он останется невостребованным.

На то, чтобы осознать всю неотвратимость этого факта, у меня ушли годы, и принятие его давалось мне постепенно. Вполне возможно, что в данном случае в моём отторжении просвечивало моё отторжение общества в целом, мои подавленные импульсы, мой страх перед тем, что окружающие догадаются о тех чувствах, которые я испытывал по отношению к настоящему близким мне людям, равно как и страх перед лицом моей собственной неполноценности или страх быть выставленным на посмешище, в результате

чего я стал тем, кому не так-то легко почувствовать свою сопричастность к миру, превратившись в холодного наблюдателя, чуждого всякой любви, при том что, по счастью, чувство ненависти не близко мне в той же мере — а всё то, что осталось ещё во мне живого, жаждет лишь знаний и понимания.

Те, кому я протягивал руку помощи — вероятно, не столько ради заботы о них самих, сколько из сочувственного удовольствия, которое доставляли мне мои поступки, — те, кто не дал мне взамен ничего и скорее всего не смог бы даже при всём желании, отвечали лишь тем, что требовали от меня ещё большего — и в результате я открывал для себя лишь горькое чувство, происходящее из мысли о том, что даже если бы из меня выжали последнюю каплю крови, не было бы ни малейшего повода думать, что виновник испытал бы что-то иное, нежели досаду при виде моего обескровленного трупa.

Поводом для этих раздумий, как вы могли уже догадаться, стал ответ, отправленный мне в благодарность за бескорыстный критический отзыв. Один из корреспондентов вашего покорного слуги, с которым тот имел удовольствие обменяться, может быть, парой писем, в несколько уклончивой манере ответил, что мои замечания были «блистательными, хотя и шокирующими». Не вполне ясно, хотел ли он этим сказать, что они вызвали у него отвращение или что показались ему вдохновляющими, или же в такой завуалированной форме он выражал надежду на то, чтобы я поскорее откинул копыта. Мои просьбы к нему пролить свет на этот туманный вопрос остались без ответа. Я чувствовал себя так, словно меня бесцеремонно смешали с грязью.

Можно вспомнить и более свежий пример, когда в благодарность за мой комментарий о том, что мир прогнил до основания, мой собеседник посетовал, что ему недостаёт мужества, чтобы наложить на себя руки, и что в свете этого он не видит возможности продолжать переписку. В своём критическом отзыве я указывал на то, что автор не способен мыслить объективно, что он склонен лишь читать тексты и пересказывать прочитанное, очевидно не подвергая почерпнутые при этом

идеи достаточной критической оценке. Его депрессивная исповедь глубоко меня тронула, ведь люди вроде меня не понаслышке знакомы с одиночеством и унынием; однако поскольку я не разделяю образ мысли всех тех, кто мусолит идею «вины», в мои планы отнюдь не входило «винить» себя в том, что мой собеседник оказался в такой ситуации, так что прежде всего мне хотелось осмыслить данный феномен. Когда наблюдаешь в людях столь страстное желание осуждать, их неуёмную тягу к тому, чтобы говорить, вместо того, чтобы слушать или, возможно даже, учиться, не говоря уже об их неспособности воспринимать критику и признавать свои ошибки, складывается такое впечатление, что эти качества в равной мере присущи всем и служат свидетельством тому, что воля к жизни понуждает их действовать бездумно и импульсивно, вместо того, чтобы задумываться о своих поступках и мыслить стратегически.

Суть, однако же, в том, что своими критическими замечаниями — и данный пример хорошо иллюстрирует эту мысль — я способен лишь привести своего адресата в ярость или пробудить в нём тоску, тогда как сам я в итоге превращаюсь в назойливого или низкого человека. Эта игра не стоит свеч. Как знать, быть может, после того как я поставлю крестик рядом с последней фамилией в своём списке, я снова заползу в свою раковину, испытывая лишь ещё больше презрения в отношении окружающих меня двуногих существ и находя ещё меньше смысла в том, чтобы и дальше топтать эту землю, — или же никакого смысла вообще.

Можно стать знаменитым и прослыть человеком мудрым и проницательным, расточая похвалы и высказывая своё одобрение, пусть даже фальшивое. Но к счастью или к несчастью, я пока не сталкивался с необходимостью вертеть хвостом перед своими собеседниками, чтобы пробить себе дорогу в этом мире; и даже мысль о том, чтобы делать это сознательно, вызывает у меня отвращение. Понимание того, что моим «манерам» недостаёт изысканности, ввергает меня в уныние и причиняет мне невыносимую боль — причём дело даже не столько в манерах, сколько в отсутствии того

самого чувства такта, которое, нисколько не обременяя кого-либо, лишь помогает людям располагать к себе других. В этом смысле у меня нет поводов гордиться собой. Однако сдаётся мне, что любой, кто отваживается излагать своё мнение и выслушивать чьё-то ещё, должен быть достаточно толстокожим, чтобы не приходить в ярость или в уныние лишь из-за того, что оно изложено в недостаточно тактичной форме или расходуется с его собственным, потому что в противном случае ему следовало бы заниматься чем-то другим. Вывод о том, являются ли какие-то идеи истинными или ложными, не следует делать на основании лишь того, насколько цветисто и пышно их обрамление, или того, насколько миловиден или уродлив излагающий их человек.

13 марта 1965 г.

ОБЩЕСТВО И САМОКОМПЕНСАЦИЯ

Представим, что в некотором обществе (экономической системе), в котором сложилась определённая традиция изготовления башмаков, кто-то нашёл способ производить башмаки лучшего качества и с меньшими затратами. Очень быстро он подмял бы под себя весь рынок, вынудив прочих башмачников прикрыть свои лавочки. Можно не сомневаться, что именно так он и поступил бы, будь остальным башмачникам запрещено пользоваться его технологией. После этого он смог бы продавать свои башмаки по столь высокой цене, какую только может выдержать рынок. Он бы неимоверно обогатился лишь благодаря своей защите, поскольку в этой ситуации огромным затратам труда других производителей он мог бы противопоставить относительно низкие затраты труда со своей стороны.

А теперь давайте представим, что было бы, если бы такой защиты у него было, а другие башмачники могли бы спокойно копировать его технологию. Они бы попытались отвоевать свою долю на столь привлекательном рынке и для этого назначали бы всё более и более низкие цены, и если бы процесс производства и торговли осуществлялся без всяких ограничений или привилегий, цены на все товары и услуги соотносились бы с соответствующими трудозатратами. Достигнув какого-то порога, снижение цен прекратилось бы, поскольку никто не мог бы работать себе в убыток.

Таким образом, в условиях полной свободы или анархии, благодаря конкуренции и ценовой политике неизменно сохранялась бы тенденция к установлению равновесия и справедливости, наряду с тенденцией к выравниванию спроса и предложения. По большому счёту, именно — и только — это и необходимо для

функционирования свободной экономики. Однако ничего подобного не существовало нигде и никогда во всей обозримой истории.

В условиях свободы и конкуренции, то есть свободы производства и торговли, возникает подвижная, динамичная, саморегулирующаяся и справедливая экономическая среда — при таких условиях бессмысленное технологическое и научное развитие не будет ни поощряться, ни сдерживаться, — и мы получим экономику, способную к самокомпенсации.

Как только принцип свободы нарушается или отвергается по причине несправедливого распределения земли и собственности, а на торговлю накладываются ограничения путём создания денежных и кредитных монополий, открывается ящик Пандоры, и на свет вырывается несметное множество всяческих бед, каждую из которых пытаются одолеть поодиночке, словно они какие-нибудь *вещи в себе* или обособленные жизненные проблемы. Столь тщетные попытки лечить симптомы в свою очередь порождают лишь новые беды, с которыми борются с помощью новых мер экономии, и мы становимся свидетелями лихорадочной и несогласованной борьбы с планетарными проблемами посредством изобретения всё новых и новых законов и штрафов, каждый из которых в силу самой своей природы лишь усложняет текущую ситуацию.

Именно на этом рассогласованном методе симптоматического лечения — и только на нём одном — основываются все наши попытки избавить человечество от невзгод. Это породило неисчислимое множество узкоспециальных профессий, каждая из которых якобы видит своей целью лишь общее благо, включая политиков, священников, врачей, преподавателей, юристов, экономистов, реформаторов и так называемых социальных работников и благодетелей всех мастей, а кроме того не следует забывать про психологов, каждый из которых, подобно падальщикам, зарабатывает себе на хлеб с маслом, паразитируя на угасающей цивилизации. А цивилизация, между тем, миновала последний рубеж, и этот процесс остановить уже невозможно хотя бы потому, что слишком многие из людей, если

не каждый, экономически заинтересованы или принимают личное участие в тех самых коррупционных процессах, благодаря которым человечество обрекает себя на физическое, нравственное и интеллектуальное вырождение, апофеозом которого, несомненно, станет взаимное самоубийство.

Я уже говорил об эффекте самокомпенсации, присущем анархии в контексте того, что принято называть экономической средой, однако та же самая благотворная тенденция применима ко всем прочим сферам жизни, и последствия и результаты её действия, проявляющиеся во всех аспектах человеческих отношений, работали бы на улучшение всей этой структуры. С точки зрения наиболее полного раскрытия всего, что есть лучшего в человеке, абсолютно ничто не может заменить свободу.

Что же касается ограничения свободы, то среди самопровозглашённых рупоров «свободного предпринимательства» — как, например, Людвиг фон Мизес — мы не находим ни одного, кто бы старательно и усердно не обходил молчанием многие из типичных пороков, упомянутых выше. Среди бесчисленных памфлетов, вышедших из-под пера этих продажных щелкопёров, вы не найдёте ни строчки, в которой были бы задеты чувства их нанимателей. Они прекрасно знают, с какой стороны нужно намазывать масло на бутерброд.

Некий господин Генри Хэзлитт выступает за высокую процентную ставку, поскольку это якобы увеличит объём денежных средств в руках у владельцев капитала, что позволит им увеличить свой капитал ещё больше, создавая при этом новые рабочие места; он выступает за высокую ренту, ведь это якобы будет стимулировать строительную отрасль; он выступает за высокую норму прибыли, поскольку это якобы поможет привлечь в страну инвестиции и, возможно даже, обеспечить приток золота, благодаря которому якобы функционирует денежная и кредитная монополия. Судя по всему, корнем всех зол он считает налог на прибыль, особенно прогрессивный, потому что это больше всего бьёт по богатым, которые, похоже, совершенно не в курсе, что если бы что-нибудь из награбленного

ими не перепадало жертвам тех самых схем, которые предлагает нам этот господин, это самым отрицательным образом сказало бы на покупательском спросе или потребительской способности, на которой держится вся экономика, коль скоро речь идёт о необходимости продавать произведённые товары — иными словами, он слишком близорук, чтобы понять, что без повышения общего благосостояния, мысль о котором внушает ему глубокое отвращение, вся экономика накроется медным тазом. И этот набор сомнительных истин сделал из него великого экономиста.

С другой стороны, мы имеем перед собой столь наивных и относительно честных людей, как Ральф Борсоди, ещё один любитель лечить симптомы. Вопросы, касающиеся человеческой жизни и общежития, он нашинковал таким образом, чтобы подать их виде серии аккуратно очерченных «проблемных категорий», каждую из которых, по его мнению, он решает путём установления «норм». С его стороны было очень милым и благосклонным жестом любезно предложить решение для проблем, касающихся других людей, — проблем, которые они сами, предположительно, могли бы решить гораздо лучшим образом и без чужих подсказок, а попутно ещё извлечь определённые уроки, если бы у них для этого было достаточно свободы и никто не совал им палки в колёса. Разве «нормы» господина Борсоди могут представлять собой что-то ещё, кроме его собственных измышлений по поводу того, какой образ жизни следует считать правильным? И каким ему видится процесс воплощения означенной системы на практике? Разумеется, всё упирается в «правильное» образование с подачи так называемых «лидеров» или «просветителей», которые втемяшили бы все эти «нормы» в головы своей благодарной паствы. Он даже не понимает, в чём смысл образования, путая его с промывкой мозгов. По сути, он, подобно всем утопистам, пытается корчить из себя эдакого всезнайку, способного наставить заблудшие души на путь истинный, пребывая при этом в блаженном неведении относительно того, что столь плачевное их состояние обусловлено насильственным попранием их свободы

и что, будь у них возможность учиться исходя лишь из естественного закона причин и следствий, они могли бы устроить свою жизнь так, как им требуется.

Такой исправитель симптомов и амбициозный спаситель мира хотел бы всеми помыкать, предписывая нормы для всего на свете. Общество видится ему как нечто статичное, словно речь идёт о мире, который можно смастерить на коленке. В его случае мы имеем дело с той же разновидностью имбецила, к которой смело можно причислить Карла Маркса и его последователей. Они хотят заправлять всем и вся, и сохрани Господь несчастную деревенщину, если она не будет достаточно расторопно выполнять их приказы. Для миллионов таких недотёп у них предусмотрены массовые расстрелы.

Их противоположностью являются либертарики — конечно, при условии, что таковые ещё не перевелись, — которые не собираются никого учить жизни и хотят лишь, чтобы каждый был готов мириться с образом жизни своего соседа. Подлинный либертарики никогда не станет забивать себе голову предписаниями или законами, а единственное, к чему он стремится, это к поиску такого способа общежития, который допускает динамичное многообразие, вариативность и изменчивость, понимая, что подлинное образование достигается лишь методом проб и ошибок и приобретается в непосредственном опыте, а для этого, как и для организации любого научного процесса, необходима абсолютная Свобода и Анархия, противоположностью которых является навязывание безжизненных жёстких стандартов, а также принуждение и насилие со стороны государства.

Простая и очевидная истина заключается в том, что повсюду одни недоумки и дегенераты, и нам остаётся лишь посочувствовать Диогену, ведь на этой окутанной мраком земле не сыскать ни одного вменяемого человека. А поскольку все эти насквозь гнилые и неполноценные персонажи не просто не отдают себе отчёта в масштабах своей умственной отсталости, но фактически подают это как знак своего превосходства, было бы глупо надеяться, что вымирания человечества

удастся каким-то образом избежать. Быть может, оно уже и не за горами.

Октябрь 1967 г. (?)

К СЛОВУ О ПОЛИТИКЕ

Прилагательное «политический» может относиться к программе, курсу, методу, схеме, отношениям и т. п. Поскольку под этим подразумеваются действия человека, термин «политический» охватывает все действия, имеющие социальную природу, то есть те, в которые вовлечены двое или больше людей.

Однако те же действия можно выразить в биологических, экономических, морально-этических и многих других категориях. Из этого можно сделать вывод, что все эти вымышленные концепции представляют собой не что иное, как внешние аспекты одного и того же явления — или, выражаясь в более общих терминах, манифестации непостижимого феномена, импульса, стремления или глубинного источника мотивации, который мы называем волей к жизни.

Попытки категоризации этих различных терминов или аспектов в аристотелевском ключе приводят к заблуждению по поводу того, что движет этим миром. Они не существуют как обособленные и обособляемые сущности или *вещи в себе*, а тот, кто попытается интерпретировать их подобным образом, лишь продемонстрирует раздробленность своей личности, мышление которой основано на расчленении и разобщении — подобно сознанию ребёнка, перед которым мир предстаёт в виде непостижимого переплетения изолированных сущностей, никак не связанных между собой. В той или иной степени подобный образ мышления присущ практически каждому, кто пытался подступиться к проблеме «бытия человека».

Взять, к примеру, психолога-самоучку, который, как правило, не знает вообще или почти ничего о таких материях, как «экономика» и «биология», или

о природе и происхождении человеческих институций вообще. То же самое можно сказать и о человеке или «профессоре», читающем лекции о «политике», «этике» или — в случае его полной оторванности от жизни — о «деловом администрировании». Смысл всей этой категоризации и «профессуры» хорошо иллюстрируется поговоркой о «человеке, знавшем всё больше и больше о всё меньшем и меньшем» — основанная на невежестве фрагментация и любовь к построению псевдосистем порождает толпы несуразных профанов, а это те самые люди, что именуют себя «преподавателями» и «профессорами» различных «образовательных» учреждений, которые во всём мире существуют с целью индоктринации холуйских аппаратчиков, необходимых лишь для обслуживания того аппарата принуждения, который мы называем государством.

Во всей обозримой истории мы не найдём ни одного периода, когда не существовало бы хищнически кровавых и порабощающих систем, известных как правительство или государство и представляющих собой институциональные образования, созданные и поддерживаемые исключительно с целью всеобщего грабежа. Возвращаясь к категоризированному и раздробленному мышлению людей, о которых я говорил выше, стоило бы отметить, что они являются необходимыми звеньями этого механизма, позволяя ему бесперебойно функционировать исходя из принципа «разделяй и властвуй». Говоря вообще, космологи, онтологи, метафизики, философы, теологи, политики, экономисты, историки, физики, учёные и т. д. и т. п. суть лишь прихвостни и проститутки, жертвы промывки мозгов и моральных устоев общества, которое они обслуживают, — сутенёры, чьим долгом является поддержание статус-кво, и полагать, что кто-либо из этих ничтожных персонажей является подлинным *мыслителем* и что в их задачи входит что-то иное, кроме как оправдание тех порядков, которые соответствуют их эпохе, было бы попросту глупо. В силу самой природы вещей и исходя лишь из собственной жажды жизни они с неизбежностью являются жертвами того, что можно назвать павловской дрессурой.

Вполне возможно, что если брать тех, кого принято называть «великими мыслителями», то за всю историю не существовало ни единой так называемой личности — хотя бы даже в соотношении одного к десяти тысячам, — к кому не относилось бы ничего из сказанного мною выше, а если бы где-нибудь и когда-нибудь такую породу и удалось сыскать, то можно не сомневаться, что этот человек оказался бы анахоретом или затворником, работы которого — если бы он вообще позаботился о том, чтобы что-нибудь написать, — стали известны лишь спустя много лет после его смерти. А если же они рисковали поднять свою голову ещё при жизни, почти всех их ждала только смерть — будь то от рук властей или их безмозглых жертв.

28 марта 1968 г.

Несмотря на то, что я стар и веду жизнь затворника, а мои убеждения «оторваны от жизни», на то, что я не признаю избитых истин и что дни мои, похоже, сочтены, вне всяких сомнений, знакомство с моими взглядами касательно всего, что происходит сегодня в мире, способно пробудить у читателя паранойю. Некоторые из моих мыслей нашли отражение в опубликованных текстах, однако, вероятнее всего, те, кому довелось их прочесть, нашли мои тезисы неправдоподобными и абсурдными, не считая возможным принимать их всерьёз. Однако я совершенно уверен, что в некоторых регионах земного шара даже высказать подобные мысли вслух было бы равносильно самоубийству.

С некоторой тревогой я наблюдаю, как те, кто приложил свою руку к публикации моих текстов, делают всё возможное, чтобы дистанцироваться от меня, дабы никому не пришло в голову, что они могут разделять мои убеждения. Тем не менее, будь у них шансы на то, чтобы, образно говоря, нагреться на чужой славе, они сразу оказались бы тут как тут, если бы ни с того ни с сего на горизонте замаячил некий гонорар или возможность заработать очки репутации. В конце концов, в наши дни только ленивый не считает себя «социологом», и получатель даже самых захудалых правительственных грантов начинает с умным видом отпускать критические комментарии и выражать своё недовольство по всякому поводу. Любой, кому взбрѣдет в голову хотя бы заикнуться, что мы живѣм в лучшем из возможных миров, рискует немедленно стать объектом насмешек и презрения. Что и говорить, число тех, кто считает, что наступление **Сумерек богов** это лишь вопрос времени и места, неизменно растѣт.

Поскольку каждому из нас однажды суждено умереть, я не вижу причин для того, чтобы проявлять по этому поводу чрезмерное беспокойство, тем более что в природе любого человеческого существа заложено стремление к тому, чтобы заботиться в первую очередь о себе самом, по крайней мере что касается выживания на этой планете. Отрезок времени, которым ограничен горизонт планирования отдельного человека, едва ли превышает количество лет, отмеренных ему на этой земле, хотя те, у кого есть дети или друзья помоложе, могут тревожиться о вещах чуть более отдалѣнных. Однако, с учѣтом всех оговорок, каждый заботится лишь о настоящем и не планирует на срок больший, чем ожидает прожить. Вот почему любой из людей готов без раздумий совершить любую подлость, если это позволит ему хотя бы немного отсрочить свой конец. В моѣм понимании этот феномен сравним с ситуацией, когда каждый роется в выгребной яме, подобно падальщику выискивая лакомые куски в гнилой туше разлагающегося общества. Разумеется, любой, кто прочтѣт эти строки, будет свято уверен, что сказанное никак не относится к нему самому, ханжески утешая себя тем, что уж он-то отнюдь не такой же, как все остальные. Люди, не умеющие дурачить самих себя, едва ли способны одурачить кого-то другого. Быть может, сама жизнь — или голое существование — не что иное, как большой обман.

И всё же мне не доводилось слышать, чтобы кто-то из так называемых великих мыслителей высказывал когда-нибудь подобную точку зрения. Каждый из тех онтологов, метафизиков, теологов и философов, о которых мне что-то известно, разделял уверенность в том, что всё сущее наделено неким смыслом, причѣм, разумеется, именно **он** понимал, в чѣм этот смысл. Будь я проклят, если хоть один из этих «гениев» способен меня убедить. Каждый из них преследует свой интерес — чаще всего он просвечивает в их стремлении подольститься к тому обществу, в котором они (то есть каждый из них по отдельности) рассчитывают или надеются найти комфорт и защиту. В воображаемых утопиях и райских куцах, которые сулят эти люди,

неизменно проглядывает их смехотворная и гнилая сущность. Однако же каждый из них занят только тем, чтобы поспешно набивать свои карманы, облапошивая простаков, готовых жадно глотать все эти фирменные сорта дерьма.

Я уже говорил про политиков, вещателей с кафедры, физиков, психологов, юристов, рекламных агентов, военных, плутократов, банкиров и огромную толпу членов этой помешанной на насилии каморры, которую можно назвать бригадой «закона и порядка», — все эти жалкие порочные ублюдки жизненно зависят от дерьма и коррупции, которые являются единственным смыслом их существования, а заодно и средством пропитания. Едва ли приходится сомневаться, что чем больше в этом мире будет смуты и разврата, тем прочнее будет экономическое положение этих противных всему живому тварей. Любому проклятому богом кретину, рассчитывающему отделиться или обрести независимость от этого несметного и сиюминутно растущего роя дегенератов, несомненно, предстоит ещё многое узнать об этом мире. Если же эти кретины и имбецилы вдруг решают разобраться, что же всё-таки вокруг них происходит, на этом пути они способны дойти только до того, чтобы уцепиться за теорию «если не можешь кого-то победить, стань одним из них» и превратиться в суперпатриотов, возносить молитвы выдуманному богам и колесить по миру, расстреливая крестьян, особенно если те не сгорают от желания пополнить ряды бесправных рабов в услужении у их кукловодов. «Идите-ка вы все на хуй», — говорю я, стараясь держаться от вас как можно дальше.

18 марта 1968 г.

ЕЩЁ ПИСАНИНА

Поскольку моя писанина имеет такое свойство, что её не берутся печатать даже «радикальные» журналы, я купил копировальную машину, чтобы самому делать копии, которые я мог бы рассылать своим друзьям, после чего с удивлением открыл для себя, сколь немногие даже из их числа понимали, что я хотел им сказать. Кроме того, даже имея дело с самоназванными «либертарными» периодическими изданиями, включая и «анархические», я либо ощущал себя так, словно упёрся в глухую стену, что отчасти было вызвано невероятным невежеством и предвзятостью с их стороны, либо чувствовал, что внушаю им страх и они ищут лишь повода, чтобы отделаться от меня или, если потребуется, кинуть меня на растерзание диким волкам. Ну и хуй с ними; идите все на хуй! — я обращаюсь и к тем, кто станет читать эти строки. Я занимаюсь своей писаниной — когда у меня вообще доходят до этого руки — лишь ради своего удовольствия: все эти пасквили и эпиграммы, по большей части дилетантские, скорее всего в конечном итоге отправятся в мусоросжигательную печь. Только вот мне это совершенно до лампочки. Силы, действующие сегодня в мире — как правило, недоступные взгляду и совершенно не поддающиеся пониманию в части их причин и последствий, — укоренились столь глубоко и достигли такого размаха, что не может быть никаких сомнений, что человечество миновало последний рубеж и ему остаётся рассчитывать лишь на чудо. Теперь я понимаю то, что люди по своей природе почти не способны осознать: такой «ход событий» был предначертан изначально и человек не пригоден для наблюдения и мышления. Фактически всё указывает на то, что человек сам загнал себя в эту

мясорубку исключительно силой мысли, и это вряд ли бы ему удалось, если бы он не начал, скажем так, обезьянничать, гримасничая перед своим отражением, или если бы у него не было небольших проблемок в отношениях с другими. Что до меня, то к человеческому роду, включая себя, я испытываю не столько презрение, сколько жалость — и за такую мягкость своего характера я должен благодарить Шопенгауэра.

(?)

ПИСАНИНА (3)

Меня глубоко беспокоит тот факт, что очень малая часть моей писанины способна кого-нибудь обнадёжить. Если исходить из различия между тем, что, на мой взгляд, происходит **в действительности**, и тем, что якобы происходит или что должно бы происходить, этот разрыв и, что куда более важно, преобладающие *тенденции* во всём мире убеждают меня в том, что дела обстоят очень и очень плохо. То есть, я хочу сказать, что ситуация ухудшается. И даже если бы в мире наблюдался сколько-нибудь значительный объём интеллекта, нет никаких гарантий, что этот интеллект подкрепляется достаточной *волей* к тому, чтобы решительно действовать, — в обстановке хаоса куда вероятнее то, что люди будут использовать свой интеллект, чтобы спасти собственную шкуру, даже если для этого потребуется объединить усилия с нашим вырождающимся и насквозь прогнившим обществом. И правда, может оказаться, что в этом вполне естественном импульсе кроется корень нашей *всеобщей* проблемы. В той же мере, в какой можно практически безоговорочно утверждать, что хлеб, съеденный кем-то одним, не достанется никому другому, можно сказать и что чья-то смерть, по сути, всех остальных нисколько не волнует, когда дело касается выживания их самих. К примеру, судьба нескольких десятков тысяч убитых во Вьетнаме скорее всего будет волновать читателя этих строк куда меньше, чем цена на солёные огурцы в соседнем супермаркете. Чтобы понять, что по-настоящему интересует каких-то людей, достаточно лишь затронуть в беседе несопоставимые темы — например, обсудив катастрофу, постигшую целые сёла или города в разных частях света, перейти к обсуждению, скажем, вопроса о том, какая

баскетбольная команда лучше показала себя прошлым вечером. Каждый, кому по роду занятий приходилось иметь дело с большими людскими массами, прекрасно осведомлён о технике «хлеба и зрелищ». Сбившись в толпу, люди склонны вести себя таким образом, что каждого из них по отдельности можно было бы без раздумий отправить на виселицу.

Если взять американских солдат во Вьетнаме, то никто из них не имеет ни малейшего представления о том, с какой целью он там находится; вероятно, он безоговорочно принимает ту версию, которую спустили ему сверху. В любом случае, он делает то же самое, что и все остальные. А это указывает на то, что «ход событий» или «историческое развитие» подчиняются слепой и бессмысленной логике, когда каждое последующее поколение преследует лишь свои сиюминутные интересы. И венчает всё это совершенно похабный постулат о том, что каждый человек — сам кузнец своего счастья, а следовательно, во всех своих невзгодах ему следует винить только себя самого.

29 марта 1968 г.

ЖЕРТВАМ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Сдаётся мне, мало у кого из вас в течение всей вашей жизни в голове возникла хоть одна оригинальная идея. Вы не утруждаете себя интеллектуальной деятельностью по той простой причине, что в школе, которую вы посещали, творческое мышление не поощрялось. Фактически, там делалось всё, чтобы отбить у вас всякую охоту к нему. Особенно в том, что касается сфер жизни, затрагивающих ваши социальные отношения. Охранители статус-кво — поголовно и неизменно — не отличаются благосклонностью и терпимостью в отношении еретических мыслей и мнений. Опрометчивыми разговорами в церквях вы рискуете навлечь на себя ярость теологов, и они безо всяких сомнений отправят вас в царство Аида, причём зачастую лишь после того, как подвергнут вас суровейшим пыткам. В истории Католической церкви вы найдёте массу примеров подобных зверств и жестокости.

Мышление не равнозначно изъятию мнений. Не сводится оно и к тому, чтобы усвоить обрывки мнений других людей. Необходимым условием интеллекта является способность **задавать осмысленные вопросы**. А наличие умственных способностей с необходимостью подразумевает способность отдавать себе отчёт в том, какие факторы сопряжены с решением любой проблемы, и умение сопоставлять влияние каждого из них, чтобы хотя бы сформулировать исходную теорему. Затем эту теорему необходимо подвергнуть всесторонней проверке и критическому анализу. И так далее, и так далее.

Судя уже по тому состоянию, в котором находится этот мир, можно сделать вывод, что способность мыслить оригинально — лежалый товар, поскольку длинная

очередь выстроилась за конформизмом. Основная причина этого в том, что образование, как его принято называть, было отдано на откуп Церкви и Государству, то есть тем институциям, которые в силу самой своей природы заинтересованы лишь в том, чтобы поддерживать статус-кво и сопротивляться любым изменениям. Говорят, глава «образовательного» учреждения в Беркли (штат Калифорния) без лишних церемоний так и объявил, что университет является фабрикой по промывке мозгов, предназначенной для того, чтобы привить студентам привычку к покорности и преклонению перед начальством, а кроме того приучить их блюсти моральные нормы и табу, принятые в сегодняшнем обществе. В том, что подобный антипросветитель может возглавлять один из крупнейших университетов, обнаруживается важнейшая черта современного общества. Кретины и преступники заправляют и помыкают целым миром.

Нет особого смысла в том, чтобы фокусировать своё внимание на каком-то одном аспекте человеческой тупости и малодушия = вся цивилизация целиком и полностью представляет собой одно гигантское нагромождение кренинизма.

(?)

О ПРОДОЛЖЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА И ЕГО ОБНОВЛЕНИИ

С некоторой осторожностью можно было бы поразмыслить над тем, какое чудо могло бы смести с лица земли ту обширную часть человеческой популяции, чья порочность достигла таких масштабов, что утрачена всякая надежда на то, чтобы с ними можно было ужиться, сохраняя здравый рассудок. Такому истреблению следовало бы подвергнуть практически всех людей старше двадцати лет и многих из тех, кто ещё не достиг этого возраста. В их число попали бы практически все жители северного полушария.

Боюсь, что ту же судьбу, по-хорошему, разделило бы по меньшей мере 90% жителей южного полушария. Вероятно, понадобилось бы истребить практически всех обитателей Земли, за исключением некоторых изолированных племён, проживающих, скажем, в Африке и Южной Америке, и каких-нибудь обитателей островов, до которых ещё не добралась бацилла так называемой цивилизации в той её форме, что существовала испокон веков и при любом режиме.

Нет решительно никакой надежды на обновление генофонда народов, не способных даже вообразить масштаб собственного вырождения и деградации, не говоря уже о том, чтобы понять его причины или иметь волю к тому, чтобы что-нибудь изменить.

В самом начале статьи я оговорился, что у тех, кому ещё не исполнилось двадцати лет, имелся бы шанс избежать этого Армагеддона. Однако задним числом я понимаю всю абсурдность подобного предположения. Когда дело касается людей помоложе — будь то в Соединённых Штатах или где угодно ещё, — которых воспитывали те, кто постарше, в окружении, сплошь состоящем из имбецилов, без которых не обходится

ни один режим, когда управление и командование людьми осуществляется исключительно с помощью силы и принуждения, а нормы морали, типичные для таких цивилизаций, внедрили людям в сознание уже достаточно глубоко, бессмысленно ожидать, что они унаследуют те же традиции, включившись в борьбу, в которой им предстоит столкнуться с природной стихией и выстраивать отношения между собой. Практически невозможно представить, что они смогут самостоятельно добиться свободы. А что касается самых юных детей, то — за исключением мест, где добывать пропитание можно без особых усилий, а ресурсы не ограничены — им не будет доставать ни энергии, ни навыков, необходимых для выживания.

Тут мне следовало бы сразу оговориться, что те, кто станет упрекать меня в пессимизме и склонности презирать саму жизнь, продемонстрируют тем самым своё невежество и абсолютное непонимание вещей, поскольку в своих измышлениях я рисую совершенно иные перспективы. В противном случае я настаивал бы на тотальном истреблении всего человечества, полагая это единственным способом окончательно решить проблему преступности. Под преступлением я понимаю поступки, продиктованные презрением к жизни и отрицанием её ценности, равно как и подавление свободы. Меня можно считать оптимистом, поскольку я верю, что текущее положение вещей вовсе не является неизбежным и необходимым следствием человеческой природы. При этом я не склонен приписывать животному, известному как *homo sapiens*, такие качества, как «добродетель» или «порочность». Я полагаю, что за текущее состояние дел, выраженное в физическом, умственном и моральном загнивании, нам надо благодарить наших праотцов, грубо ошибавшихся в том, что они не позволили устояться и укорениться — в виде обычаев — определённым практикам, возникшим в ходе изначальной борьбы, в результате чего грабежи и убийства, которые в тех обстоятельствах способствовали продолжению рода, явным образом перестали отвечать этой цели в обстоятельствах нынешних. Меня не особенно волнуют инсинуации всяческих имбецилов, упрекающих

меня в недостаточном оптимизме, и при этом я заявляю со всей прямоотой, что в своём оптимизме я не склонен ожидать, что читатели этих строк или их автор надолго задержатся на этой земле.

Несколько лет назад в некоторых своих статьях я объяснил, почему я считаю, что «ход человеческой истории» едва ли можно рассматривать иначе как процесс — в ходе которого одно событие вытекает из другого. Также я изложил причины того, почему я считаю, что люди стали заложниками этого процесса вместо того, чтобы им управлять. Вдобавок, я объяснил, что очевидным его итогом станет полное истребление жизни на нашей планете благодаря человеческим успехам по части расщепления атомного ядра, а также прогрессу в области химического и биологического оружия. Ввиду подобной перспективы я не нашёл ни единого аргумента, опровергающего этот прогноз, в своих поисках обратившись к самым разным источникам информации, где излагались дискуссии и обсуждения, в которых, на мой взгляд, принимали участие жалкие тупоголовые марионетки, по своему скудоумию мнившие себя кем угодно, только не законченными бандитами и идиотами, которыми они в действительности и являются. Я отметил полное отсутствие у них здравого смысла, так что едва ли приходится ожидать от них какой бы то ни было проницательности.

Случись так, что какие-то регионы нашей планеты — населённые людьми, но ещё не «открытые» хищниками, участвующими в этом сомнительном деле, — оказались бы за рамками и вне сферы влияния этого всеобщего поступательного движения к полному вырождению человеческих мотивов и целей, то такую область или все эти регионы можно было бы считать обнадёживающими оазисами человечества, дающими шанс на возрождение того, что в наши дни со всё большей натяжкой мы зовём «человеком». Однако преступники всей Земли (характеризуя их подобным образом, я не вменяю им никакой «вины»), хотя, пожалуй, более корректно было бы сказать иначе: *преступность* запустила свои щупальца практически повсюду. К слову сказать, те, кто мнит себя борцами с преступностью, считая себя

людьми благочестивыми и добродетельными, превратились — не иначе как в силу какого-то недоразумения или парадоксального стечения обстоятельств — в преступников из числа самых отъявленных. Такова данность, и заявить о ней вслух, вне всякого сомнения, означало бы дать этим людям повод к тому, чтобы вас уничтожить, рискни вы назвать их по именам.

Можно прийти к ошеломляющему выводу: вопреки ожиданиям, применение атомной бомбы обернулось бы отнюдь не злом, а самым настоящим благом. Как ещё, спрашиваю я себя, можно было бы обратить вспять набирающую обороты тенденцию к вырождению и предотвратить тот самый холокост, что является её несомненным итогом?

(Быть может, я старею и немного уже тью-тью, но вот что у меня выходит, когда я начинаю шевелить извилинами. Чтобы быть оптимистом, нужно как следует напрягать свою задницу!!)

(?)

КАК ДОВЕСТИ ЧТО-НИБУДЬ ДО КОНЦА

Как обнаружили наши древние предки, что-нибудь заполучить можно, применив насилие. Если у вашего соседа имеется что-то стоящее, чего нет у вас, почему бы не отобрать это силой. До тех пор, пока эта практика ограничивалась отношениями между отдельными людьми, она была довольно рискованной. Одним из способов повышения эффективности этой процедуры была кооперация: можно было объединиться и тем самым увеличить свою мощь, можно было полагаться на хитрость, обман и внезапность или — в тех случаях, когда от взаимной конфронтации ничего не выигрывала ни одна из сторон — добиваться своего путём компромисса и переговоров, а кроме того можно было заниматься организованным рэккетом, сделав его своим призванием, своим образом жизни.

Когда же захватничество осуществляется коллективно и с помощью разделения труда, вовсе не обязательно, чтобы все, принимающие в этом участие, осознавали или понимали, за что они сражаются. Безусловно, зачастую такая проницательность отнюдь не пошла бы им на пользу. Ведь тогда они могли бы понять, что независимо от того, чья сторона «победит», сами они окажутся в проигрыше. Куда лучше было бы внушить им мысль о том, что они борются за какую-то великую и благую идею, например за Бога, Отчизну, священное дело Свободы и Демократии или какую-то иную вымышленную систему = = = лишь бы она прививала им вкус к таким ценностям, как покорность и жертвенность. Именно так бессменные властвующие элиты на протяжении веков удерживают бразды правления в своих руках. И не дай Бог кто-нибудь из «соотечественников» посмеет отклониться от спускаемой сверху партийной

линии вместо того, чтобы слепо выполнять свой долг, как и полагается образцовым, **маленьким** и патриотичным гражданам.

Именно так испокон веков и воспроизводятся отношения господства и подчинения.

Экономическая эксплуатация, подкрепляющая этот механизм поддержания «закона и порядка», выражается в монополизации земель и принуждении немущих к тому, чтобы они платили «имущим» за право жить на этой планете. Утверждается, что девяносто процентов наиболее ценных земельных угодий принадлежит от силы двум процентам населения.

А вторым, не менее важным способом ограбления широкой публики является монополизация средств, с помощью которых осуществляется практически любая кооперация между людьми, а именно права пользования средствами обмена, такими как деньги или кредит. Если взять Соединённые Штаты, то никто не может воспользоваться кредитом для приобретения товаров без того, чтобы прямо или косвенно не заплатить за это право Федеральной резервной системе. Даже само федеральное правительство (как и отдельные штаты и муниципалитеты) бессильно перед лицом этого паразитирующего монстра. Поистине неприятная ситуация, ведь спрут ФРС держится на плаву лишь благодаря монополии на насилие, право на которое закреплено за федеральным правительством.

Похоже, что тем, кому такое положение дел на руку, каким-то образом удалось напустить на эту тему туману, чтобы лишь очень и очень немногие люди (и в первую очередь жертвы этих махинаций) смогли хотя бы в общих чертах понять, как устроена эта вымогательская схема и как так вышло, что они остались в дураках. К примеру, у них вообще нет шансов в чём-либо разобраться, если они получили «экономическое» «образование» в стенах наших «образовательных» учреждений.

А что касается чиновников в самом правительстве, то они «продаются» или иным образом подпадают под влияние бенефициаров «Системы». Продажные рупоры «свободного предпринимательства», включая частные «Школы свободы» и «фонды экономического

образования», поголовно являются проститутками, зарабатывающими себе на хлеб с маслом тем, что водят за нос обывателей. И то же самое можно сказать по поводу любого средства коммуникации, включая газеты, радио, телевидение и т. п.

У тех, кто греет руки на монопольном владении землёй и деньгами, наживаясь на простом народе, настолько мёртвая хватка, что кажется, будто разорвать этот порочный круг невозможно.

Создаётся впечатление, что пацифисты, участники движения за гражданские права, реформаторы и доброхоты всех мастей, включая социалистов и коммунистов, не имеют ни малейшего представления о том, какова связь между этими монополиями и теми целями, которые они преследуют. Собственно говоря, социалисты и коммунисты, по сути, добиваются того, чтобы монополия была тотальной и государство заправляло всем — они слепо верят, что централизованная система управления сродни некой земной манифестации Божественной власти, стараясь убедить нас в том, что они якобы стремятся к «общему благу». Мы уже имели возможность лицезреть «Консерваторов», готовых на всё, чтобы заручиться правом применять насилие для поддержания статус-кво — как в Америке, так и за её границами, — ведь можно не сомневаться, что и в коммунистических, и в фашистских странах водятся такие вот «Консерваторы», то есть те, кому удалось дорваться до власти и привилегий посредством любых механизмов, каковые были узаконены в конкретной «стране» как раз для того, чтобы люди, подобные им, могли улучшить своё «положение в обществе». Впрочем, если оставить за скобками налоги, все формы эксплуатации человека в конечном счёте проистекают из монополии на землю и деньги, ведь это главные средства, с помощью которых люди могут обеспечивать своё существование.

Потрясает то, что невозможно отыскать группу людей, способных предложить какое-нибудь «решение», чтобы исправить столь плачевную ситуацию,

в которой оказались народы всего мира, или вообще отдающих себе отчёт в том, что является фундаментальной причиной всех проблем этого мира. Идёт ли речь о защитниках «свободного предпринимательства», фашистах, коммунистах или о ком угодно ещё — все они единодушны в том, что любые проблемы нужно решать с помощью организованного насилия. Практически каждый из них слишком туп, чтобы осознать, что с появлением таких орудий убийства и разрушения, как атомная бомба, надо быть имбецилом, чтобы думать, что с их помощью можно добиться чего-либо кроме истребления всего человеческого рода. Практически поголовно все люди настолько невообразимо тупы, что им невозможно объяснить, что настоящая причина всех их бед заключается в существовании Правительств, которые всеми ими помыкают. Подобно дикарям, поклоняющимся деревянным идолам, они продолжают верить в то, что им следовало бы поставить у руля «хороших парней», после чего «плохих парней» якобы можно будет держать в узде. Это помешательство приобрело такие масштабы, что *даже если бы* среди них нашёлся хоть один умный человек, то он бы решил, что его окружают безумные маньяки, заикланные на проблеме достижения «общего блага».

21 января 1969 г.

НАШ МИР, КАК МЫ ЕГО ПОНИМАЕМ (А ЕСЛИ БЫТЬ ТОЧНЫМ, КАК МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЕГО ПОНИМАТЬ)

Изложенная здесь точка зрения касательно природы того, что можно назвать «феноменом человечества», по сути, диаметрально противоположна всему, что высказывалось по этому поводу кем бы то ни было из людей, когда-либо живших на земле или, по крайней мере, в западном мире. Если вкратце, то она сводится к тому, что жизнь каждого из нас — это пьеса, разворачивающаяся по заранее прописанному сценарию, а людям остаётся лишь разыгрывать выпавшие им роли. И хотя в этой пьесе есть место и для злодеев, кретинов и жертв, никому из них нечего поставить в «вину» в том смысле, который вкладывают в это слово теологи, ведь наши герои мало чем отличаются от актёров, задействованных в любом театральном представлении; все мы являемся жертвами безличного исторического процесса, однако вопрос о его природе мы оставим за скобками.

Исходя из такого понимания «хода событий» и основываясь на том, что сообщают нам специалисты в области компьютерных технологий, мы можем предположить, что если бы группа людей, занимающихся сбором информации, смогла обработать достаточный объём релевантных данных, то мы могли бы составить достаточно адекватное представление о том, что ждёт нас, скажем, в течение следующей четверти века. Однако наши прогнозы были бы точны, лишь если бы люди, владеющие полученной информацией, не стали использовать её в своих интересах; то есть при условии, что они вели бы себя точно так же, как если бы не имели понятия, что будет наперёд. Надо ли говорить, что в этом и заключается подвох.

Но ещё больший подвох кроется в допущении о «достаточном объёме релевантных данных». Однако если бы кто-то хотел тем или иным образом манипулировать людьми, следует допустить возможность того, что это было бы осуществимо в огромном масштабе, а оказавшиеся в такой ситуации люди даже не подозревали бы, что ими помыкают. Размышляя над таким сценарием, мы можем высказать множество предположений по поводу того, как будут развиваться события в дальнейшем. Управление сознанием людей осуществляется прямо на наших глазах, и так было во все времена. Люди воспринимают всё через призму своих убеждений и мировоззренческих систем, которые они и их предки непреднамеренно воплотили в форме специфических институтов, и не способны осознать, в какой степени это обуславливает их восприятие. Они считают себя «свободными», но в действительности это глубокое заблуждение — ведь их поведение, по сути, является рефлекторным, и они ничем не отличаются от марионеток или слепых орудий того самого хода событий, который они якобы избрали сами, не понимая, что являются лишь звеньями одной общей цепи.¹

Это должно быть особенно очевидно в наши дни, когда искусство манипуляции людьми отточено до такой степени, что контроль над их поведением осуществляется — хотя и явно бессознательно — в каком-то смысле подспудно, в контексте того, что принято называть «образом жизни» или культурой. К примеру, дети и подростки оказываются жертвами промывки мозгов уже с малых лет, когда им внушается тот же идиотизм, в который верили их родители и учителя, не говоря уже о колледже, где с подачи полоумных Профессоров, преподающих социологию, они превращаются чуть ли не в полных имбецилов. Читай, слушай и «зубри» — и продолжай в том же духе; вот вам, в общем-то, исчерпывающее описание нашей системы образования — стоит ли удивляться, что в итоге способность мыслить рационально атрофируется практически полностью. То, что дело обстоит именно так — и что с экранов телевизоров, из радио, газет и журналов на публику обрушивается шквал «новостей», «дебатов»

и тому подобного информационного шума, служащего опорой нынешнему Истеблишменту, что бы он из себя ни представлял, — способен понять любой, у кого в голове осталось больше одной извилины.

В рамках школьного образования применяются электронные устройства, посредством которых можно влиять на сознание учеников и подготавливать их к тому, чтобы они и впредь вели себя таким образом, чтобы поддерживать и даже усугублять ту безумную систему отношений, внутри которой им не повезло родиться и жить. Существуют такие приборы, с помощью которых можно подслушивать беседы с огромного расстояния, наблюдать за тем, что происходит практически в любой точке мира, и без всяких ограничений шпионить, по сути, за кем угодно. А чего стоят химические, физические и психологические способы управления людьми, которыми располагают всякие самозванные эксперты, не говоря уже о других средствах промывки мозгов, которые активно разрабатываются в наше время. Если верить сообщениям прессы, сегодня возможно сконструировать бесшумное летальное оружие, поражающее цель при помощи смертоносных лазерных лучей, причём управление таким оружием и его наведение может осуществляться на расстоянии, так что обнаружить убийц становится крайне сложно или невозможно вообще. Сообщается, что прицельная дальность таких лучей доходит до двухсот ярдов, а может, и превышает эту величину. Заказные убийства могут стать частью фирменного стиля закулисных группировок, ведущих борьбу за власть и способных при этом оставаться в тени. Неизвестные лица могут управлять и манипулировать огромными массами людей, причём в масштабах, превышающих даже нынешние, а страх и ужас станут неотъемлемой частью общественного сознания и чем-то самым собой разумеющимся. Больше нигде на земле нельзя ощущать себя в безопасности. Что же касается тех, кто способен на столь дьявольские ухищрения, достаточно понаблюдать за нынешним поведением некоторых людей, чтобы осознать, что для них нет абсолютно никаких запретов, через которые они не могли бы переступить, преследуя свои цели.

Можно не сомневаться, что подобные устройства будут оценены по достоинству властвующими элитами, которые найдутся в любом «государстве». Все прекрасно отдадут себе отчёт в том, что несколько человек могут направить ядерные боеголовки на цели, расположенные в любой точке мира, и стереть с лица земли целые народы и государства, прежде чем те успеют сообразить, что произошло.

Однако обычные граждане разных «стран» куда в меньшей степени способны осознать, что отношения между ними и их властвующими элитами по своему характеру не отличаются от тех отношений, что складываются между рабами и хозяевами. Они даже не допускают мысли о том, что их подлинными врагами могут являться все эти политические клики или шайки, мало чем отличающиеся от каких-нибудь банд, орудующих в соседнем квартале. Где бы ни жили эти несчастные, им внушают совершенно противоположный взгляд на вещи, и, как правило, они готовы искренне в это верить.

А тем временем преступные властители во всём мире продолжают разыгрывать всё ту же карту, помыкая массами с помощью насилия — протекающего как изнутри этих стран, так и извне. Едва ли в истории найдётся хотя бы одна «цивилизация», которая не объявила бы монополию на насилие, сделав его главным средством манипуляции общественными отношениями и поддержания принципа господства и подчинения, а также и крайней мерой, используемой для достижения своих целей. Многие из этих цивилизаций канули в лету по причине морального разложения или кровопролитных войн. Однако механизм принуждения никуда не делся и по-прежнему функционирует в форме рэкета или откровенного грабежа, прячущегося под маской Налогообложения.

Даже если забыть о коррупции, внутренне присущей всей этой системе, чего стоят все эти учёные, политики и военные, которые самоотверженно и сознательно (пусть даже и малодушно) выполняют свой долг ровно так, как им и предписано, не говоря о покорных им и оболваненных ими массах, готовых к взаимной

кровопролитной борьбе между «народами», или о духовенстве, в задачи которого входит не столько утешать народные массы, сколько потворствовать этому процессу, раздавая благословения и умасливая своих Богов, дабы они покровительствовали им в этой мясорубке — все они готовы безмозгло и трусливо блюсти свои принципы и традиции. Вся эта процедура подаётся под соусом патриотизма, блеска, благородства и праведности, и каждый из участников этого холокоста оглядывается на какого-нибудь покровителя или вверяет свою волю Господу Богу. Нужно обладать немалой смелостью, если не безрассудством, чтобы выступить против этого безумия, ведь тем самым вы рискуете навлечь на себя гнев всей этой шайки, готовой на всё, чтобы вас уничтожить. Что же касается священников, политиков, плутократов и генералов, то сами они, как правило, умирают в постели.

Однако между вчерашним днём и сегодняшним есть существенная разница. Условно говоря, это различие имеет количественный характер. И заключается оно в том, что теперь в борьбе за сохранение своего статуса вместо копий, луков и стрел властные элиты могут полагаться на атомную бомбу, обладающую невероятной разрушительной силой.

Мимоходом можно отметить, что если бы дело не касалось поддержания монополии на насилие, которую мы именуем государством, изобретение атомной бомбы было бы практически невозможным — лишь по той причине, что ни одному человеку в здравом рассудке не пришло бы в голову заниматься разработкой этого разрушительного оружия, потратив на это огромные ресурсы, которые можно было направить на куда более прибыльные проекты. Неисчислимые финансовые средства, ушедшие на проектирование и создание бомбы, можно было собрать лишь с помощью рэкета; и вероятнее всего лишь с помощью многих миллионов обобранных людей, которые не имели ни малейшего представления о том, на что пойдут заработанные ими деньги. И теперь все эти властвующие элиты продолжают обделывать свои делишки как ни в чём не бывало, полагаясь на угрозу взаимного уничтожения и на так называемую

теорию «равновесия сил устрашения». А миллионы и миллионы людей во всём мире смотрят на происходящее замутнённым взглядом через пелену гипнотического дебилизма, отдавая предпочтение той или иной разновидности этих криминальных элит, то есть любой шайке или банде, которая сумеет дорваться до власти.

Но, опять-таки, крайне важно понимать, что и правители, и подчинённые в равной мере являются заложниками той системы отношений и культурной парадигмы, что была унаследована ими из прежних эпох, — и те, и другие являются жертвами того, что я называю причинно-следственной цепочкой или логикой «хода событий». Не существует хороших или плохих парней как чего-то данного раз и навсегда, несмотря на все заверения наших неисправимых моралистов. В лучшем случае можно говорить лишь о людях, которые вынуждены расплачиваться за свои же ошибки и извлекать из них важные уроки, — однако важнее всего, что все мы являемся заложниками сложившегося порядка вещей, Процесса, главное свойство которого заключается в том, что наши оплошности и безумства воплощаются в виде институций и закрепляются в форме устоявшихся практик, в результате чего различные проявления зла подкрепляют друг друга и накапливаются, и жертвами наших заблуждений становятся ещё не родившиеся потомки которые, в свою очередь лишь дальше усугубляют сложившуюся ситуацию, в силу своего невежества и порочности создавая ещё больше проблем для последующих поколений.

Только задумайтесь. Никто из живущих не рождался по собственной воле. Никого не спрашивали о том, каких бы ему хотелось родителей. Никто не выбирал ту комбинацию генов и хромосом, которая ему передалась по наследству. Ни у кого не было никакой власти над тем, где, когда и при каких обстоятельствах ему надлежало появиться на свет. Мы даже не имели возможности выбрать, хотим ли мы воплощаться в теле рыбы, птицы или млекопитающего (или вообще в форме дерева, раз уж на то пошло). Мы заброшены в этот мир, где царит институционализированное слабоумие наших предков, и сдаётся мне, это было сделано

с расчётом на то, чтобы мы во всём соответствовали ожиданиям — были покорными, уважали порядки, излучали патриотизм и так далее. Но всё, что нам остаётся, это плыть по течению, хотя бы лишь ради того, чтобы выжить. Считать этот комок протоплазмы «хозяином своей судьбы» или с упреком бросать ему в лицо, что он «ответственен за свои поступки», было бы чем-то сродни самой тупой комедии, какую только можно вообразить, а значит, безумно несправедливо. Он едва ли представляет собой нечто большее, чем пёрышко, трепещущее на ветру. И сколь бы много миллионов таких перьев вы не сложили в пучок, это не отменит того основополагающего детерминизма, что положен в основу феномена, который мы называем историческим процессом.

Среди живущих ныне людей никто не имеет никакого влияния на тупорылый Истеблишмент, под властью которого находится каждый, кем бы он ни был — все эти болваны, воры и подонки являются лишь заложниками Процесса. Институционализация и структуры вроде Церкви и Государства, а также прочие корпоративные организации изначально задумывались лишь ради сохранения жизни на планете, однако, в силу того, что они обладают собственной динамикой, самым злополучным образом они превратились в Левиафана, обречённого на истребление тех самых людей, которые его составляют. Люди считают, что они управляют институтами, тогда как в действительности институты управляют людьми. Вероятно, ящик Пандоры сокрыт в том, что человек обладает способностью мыслить или, скорее, принимать за мышление свою склонность к рационализации. Вероятно, было бы больше пользы, если бы он полагался на свои инстинкты, руководствуясь принципом целесообразности, подобно животным, которые, несомненно, поступают именно так. По поводу этих материй мы можем лишь строить догадки. И в то же время совершенно очевидно, что человек является жертвой своих привычек — принято считать, что они экономят усилия, однако фактически они затрудняют мышление, особенно в том, что касается способности мыслить критически.

В прошлом столетии было распространено убеждение, что мелиоризм является неотъемлемой частью истории и что вектор социальной эволюции был направлен к обретению человеком свободы и окончательному триумфу добра над озлобленным фанатизмом. Однако события, которыми ознаменовалось начало нового века, со всей ясностью показали, что эта теория представляет собой лишь благостный повод для пустых надежд и оптимизма. Практически тотальное порабощение человечества, сплотившегося под идиотскими знамёнами организованных религий и уступившего перед напором централизованной власти в лице государств, а также хищнических интересов финансовых и промышленных монополий, равно как и всевозможных систем полоумных конгрегаций, образованных завязанным на вышеозначенные структуры и производным от них криминалитетом, ставит под угрозу само существование органической жизни.

И вот, поскольку заложники этого процесса и сами являются его частью — ведь они, в общем-то, и предназначены как раз для того, чтобы его воспроизводить, — и поскольку сам по себе этот Процесс олицетворяет собой разложение и вырождение, практически не остаётся надежды на то, что удастся предотвратить его неизбежную кульминацию, выражающуюся в полном истреблении человеческого рода. Собственно, имеется куда больше оснований полагать, что такой финал нас и ожидает. По образному выражению Бенджамина Такера, «чудовищный Механизм перемалывает человечество».

Рассуждая философски, едва ли приходится отрицать, что ещё на заре эволюции людям суждено было стать жертвами промывки мозгов, если не превратиться в роботов или рефлекторные организмы по типу амёб. Такое положение вещей негласно признаётся большинством религий, в которых высказывается идея о существовании некоего сверхъестественного Бога, который якобы сотворил этот мир и наделён даром всезнания и всемогущества. Не вдаваясь в истоки антропоморфизма, мы можем достаточно ясно увидеть, что подобная Сущность должна нести личную

ответственность за всё происходящее, включая и то, что человек относит к проявлениям зла. Ведь неспроста, когда случаются катастрофы, говорят, что людей постигла «кара Господня».

И раз уж Богу известно всё, то он знает и будущее. А если он знает будущее, значит оно предопределено. И если будущее предопределено, то человек лишён свободы воли. Если же он не обладает свободой воли, то мысль о том, что человек ответственен за свои поступки, является коварной фикцией.

Однако способность отвечать за поступки совершенно необходима для доказательства чьей-либо «вины». Если человек признаётся виновным, то он несёт ответственность за то зло, которое совершил, ведь он сделал это умышленно. И если он отвечает за свои поступки, то его можно подвергнуть пыткам и наказанию, а также грозить ему адскими муками. Мы должны подчиняться приказам наперсников Божьих, то есть не забывать уплачивать десятину, вовремя покупать индульгенции и возносить мольбы о том, чтобы Бог к нам благоволил — разумеется, за определённую плату.

Поэтому вместо того, чтобы следовать очевидной логике своего положения, духовенству потребовалось изобрести «тайнство» в целях сохранения своей власти и обирания легковой паствы. С помощью «тайнства» можно оправдать любую ахинею, и тогда нечто абсурдное и не поддающееся здравому смыслу начинает казаться логичным. Именно так и поддерживается самая первая и масштабная афера всех времён, то есть организованная религия как способ обеспечить себе сладкую жизнь. Бандиты считаются сливками общества, полная чушь преподносится как глубокая истина, всё переворачивается с ног на голову, а демагогия коверкает все отношения между людьми.

Если зло существует, то это заслуга исключительно Бога. Даже если оставить в стороне грубое невежество людей, те, кто заявляют о заступничестве всемогущего и мнят себя выразителями его интересов (как будто Бог не в силах самостоятельно разобраться со своими помыслами), могут внушить огромным массам людей желание расстаться с частью своих благ, посулив им утешение

в их горе, предложив им помощь в том, чтобы выбить богохульную дурь из их нечестивых врагов, и пообещав им путёвки в райские кущи, — однако такое положение дел едва ли можно описать иначе как масштабную аферу, возможно, самую изначальную и первозданную из всех афер. Из примитивных людских суеверий по поводу происхождения и смысла вселенной пастыри и колотящие по кафедрам проповедники сварганили хитроумный механизм по оболваниванию простаков.²

Нам не следует заострять внимание на интеллектуальных вывертах теологов, заявляющих о том, что это недоступно их пониманию, или отрицающих всё это. Либо у них не хватает мозгов, чтобы понять очевидное, либо им хватает ума это отрицать и одновременно заявлять о своей способности постигать непостижимое, то есть то, что в принципе неподвластно уму. В этом случае умным людям не стоит воспринимать их всерьёз, а их рассказам могут верить только болваны — те несчастные души, которым они промыли мозги ещё в детстве. Именно из-за такого внушения, которому подвержены дети по всему миру, пришельцы с Марса непременно решили бы, что Землю населяют кишашие толпы созданий, называемых Простаками, сбивающиеся в рой, чтобы целовать руку или любой другой орган того, кому хватит наглости, чтобы объявить себя «лидером».

Светским аналогом теологической игры в лохотрон можно считать институционализацию грабежа и убийства со стороны того, что принято называть государством. А когда необходимо сыграть на надеждах и страхах обывателей, эту баланду разбавляют насилем и принуждением, что мы и видим на примере союза Церкви и Государства, образующих непревзойдённую комбинацию, — перед нами противный всему живому альянс, который, являясь неотъемлемой частью Процесса, обречён содействовать истреблению всего человечества и, возможно, всей жизни на этой планете. Ибо при таком союзе становится возможным настроить массы простаков на то, чтобы они стреляли друг другу по задницам, вознося молитвы «за Бога и Отечество». Доказательством этому служит вся обозримая история.

Никакие слова или фигуры речи не заменят здравого смысла и, в частности, осознания того, что ситуация, воспринимаемая как некая неизбежность, вытекающая из доминирующих форм человеческих взаимоотношений, является неразрешимой. Но я вовсе не собираюсь углубляться в разбор причин или логических предпосылок такого положения дел. Не в этот раз — на сегодня я ограничусь лишь повторением того, что по большей части человеческие нормы морали к моменту своего появления отнюдь не были лишены практического смысла. Однако не всегда имеет смысл делать что-то лишь потому, что это делал ваш дед. А некоторые вещи и вовсе не стоят того, чтобы их оберегать.

В зависимости от того, какие ценности отдельный человек считает позитивными с точки зрения сохранения жизни на земле, он мог бы подсчитать, что не менее пятидесяти процентов всей человеческой деятельности вступают с этими ценностями в прямой конфликт и участие в ней следовало бы считать худшим злом, чем безработица. К примеру, если бы в текущих обстоятельствах один из четырёх крупнейших концернов-автопроизводителей решил выпустить машину, способную работать в течение десяти лет, то не прошло бы и половины этого срока, как ему пришлось бы объявить о своём банкротстве. Запланированное обветшание и устаревание товаров необходимо, чтобы поддерживать промышленность на плаву, чтобы подпитывать кровожадные инстинкты финансовых институций, чтобы производить ещё больше отходов, благодаря чему представители медицинской профессии могли бы выжать побольше денег для «исследований и оправдания деятельности "военно-промышленного комплекса"», позволяя ему и впредь осуществлять полицейские функции во всём мире, не считаясь с человеческими жизнями и не принимая в расчёт материальный ущерб. Стоит ли удивляться, что жертвы этого безумия вынуждены обращать свой взор на инфантильную коммунистическую доктрину, считая, что она принесёт им избавление от этой нескончаемой агонии. И вовсе не удивительно, что апостолы коммунизма питают склонность к полувоенизированным режимам, ведь они

прекрасно осознают, что консерваторы готовы на всё, лишь бы стереть коммунизм с лица земли, защищая тем самым свои личные привилегии. Разве приходится рассчитывать на то, что из этой безумной конфронтации сможет выкристаллизироваться личная свобода?

Остерегайтесь тех, кто обещает научить вас, как вам следует прожить свою жизнь, кто спит и видит, как бы ограничить вашу свободу с помощью всевозможных заповедей, конституций и законов. Помните, что хозяевами своей судьбы являетесь только вы сами и что вы имеете право делать ошибки и учиться на собственном опыте, и в ваших же интересах не позволять помыкать собой всяким прохвостам и тиранам. Первым и единственным условием полноценной жизни является Свобода, заменить которую не может ничто.

Нас окружает столько шарлатанов, водрузивших свободу на свои знамёна, что яблоку негде упасть. Не забывайте, что Конституция Соединённых Штатов не помешала отцу-основателю этой страны быть крупным землевладельцем и содержать большое количество рабов; как и не ослабила она систему землевладения, благодаря которой фактическими «хозяевами» страны может являться горстка избранных; как и не предотвратила она укрепление финансовой монополии, в заложниках у которой оказалось не только всё население, но и само правительство. Те, кто считают, что автором Конституции был чуть ли не сам Господь Всемогущий и что Права, закреплённые за штатами, препятствуют произволу со стороны должностных лиц, фактически являются врагами народа и всего человечества.

А пока читатель размышляет над всем вышесказанным, позвольте мне познакомить его с одним из величайших парадоксов современности. Когда возникают какие-то трудности или проблемы, естественным образом появляется кто-то, кто сможет или хотя бы попытается их устранить. Казалось бы, чего же боле. Но когда за эти услуги взимается плата, возникает прослойка оплачиваемых профессионалов. В СИТУАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ДЕФИЦИТА И ОТСУТСТВИЯ ПЕРСПЕКТИВ кто-то начинает решать наши проблемы за нас. И вскоре мы обнаруживаем, что те, кто вроде

бы по призванию должен работать ради нашего блага, фактически работают нам во вред. Самозванный Божий наперсник, политик, врач, психиатр, юрист, просветитель, социальный работник, а также военный, полицейский и представитель любого крыла бригады «закона и порядка» — каждый из тех, кто якобы зарабатывает себе на хлеб тем, что берёт на себя заботу о наших бедах и невзгодах, по сути, шкурно заинтересован в существовании тех самых зол, с которыми он вроде как должен бороться. Насколько мне известно, ещё никто не уделил должного внимания этому феномену, не говоря уже о том, чтобы его понять. Однако, по всей видимости, именно он со всей наглядностью иллюстрирует главную черту того, что в более широком смысле можно было бы назвать Трагедией человека. В качестве пищи для размышлений я предлагаю читателю самостоятельно подступить к этой головоломке или дилемме, в процессе решения которой ему предстоит совершить одно из глубочайших открытий в области общественных отношений.

А я тем временем сформулирую проблему. ТВОРИТЬ ДОБРО В ЭТОМ МИРЕ, ТО ЕСТЬ БОРОТЬСЯ СО ЗЛОМ, ВОЗМОЖНО ЛИШЬ ПРИ НАЛИЧИИ ЭТОГО САМОГО ЗЛА. Это самоочевидный факт. По этой логике, чем больше в мире зла, тем больше можно совершить «добра». А из этого мы можем сделать вывод, что профессиональные благодетели по злой иронии судьбы являются охранителями или даже пособниками зла! Думаете, я передёргиваю? Если вы и впрямь так считаете, то мне остаётся лишь сообщить, что вы настолько зомбированы и тупы, что не способны разглядеть даже то, что находится прямо перед вашим носом.

1. Каждый человек связан по рукам и ногам, будучи жертвой промывки мозгов и заложником тех предрассудков, которые разделяют его ровесники и окружающие люди по поводу того, как устроена жизнь. Было бы в высшей степени нелепо сопоставлять мировоззрение некоего мыслителя из одной возрастной категории со взглядами людей других возрастов. А если о личности и можно судить объективно, что представляется довольно сомнительным, то исключительно в контексте данной эпохи. Однако такой взгляд на вещи предполагает, что за скобки выносятся фактор

преемственности, присущий всяким отношениям между людьми. С учётом того, что даже самое незначительное событие может повлечь за собой невероятные по масштабам последствия, а цепочка причинно-следственных связей невероятно сложна, разве можно утверждать, что то или иное звено в этой цепи событий является более или менее важным?

2. Христианство — единственная религия, приверженцы которой употребляют в пищу своего же Бога. Читателю предлагается самостоятельно поразмыслить над сущностью этого деистического каннибализма и схожих феноменов вроде колдовства, магии вуду и тому подобных вещей.

Опубликовано в журнале «A Way Out», март/апрель 1966 г.

О ЧЁМ, СОБСТВЕННО, РЕЧЬ?

Помимо упражнений в словесности (в беседах с самим собой), чаще всего я коротаю время за печатной машинкой — уделяя на это, может быть, по часу каждый день — пытаюсь понять, насколько продвинулся я в своём старческом слабоумии, и с этой целью фиксируя мысли, возникающие в моём так называемом уме, — неизменно обнаруживая при этом, что, облекаясь в законченную форму, они пропитываются немалым количеством ядовитой иронии. Это не удивительно, ведь я занял критическую позицию ещё с тех самых пор, когда впервые начал задумываться о человеческой природе.

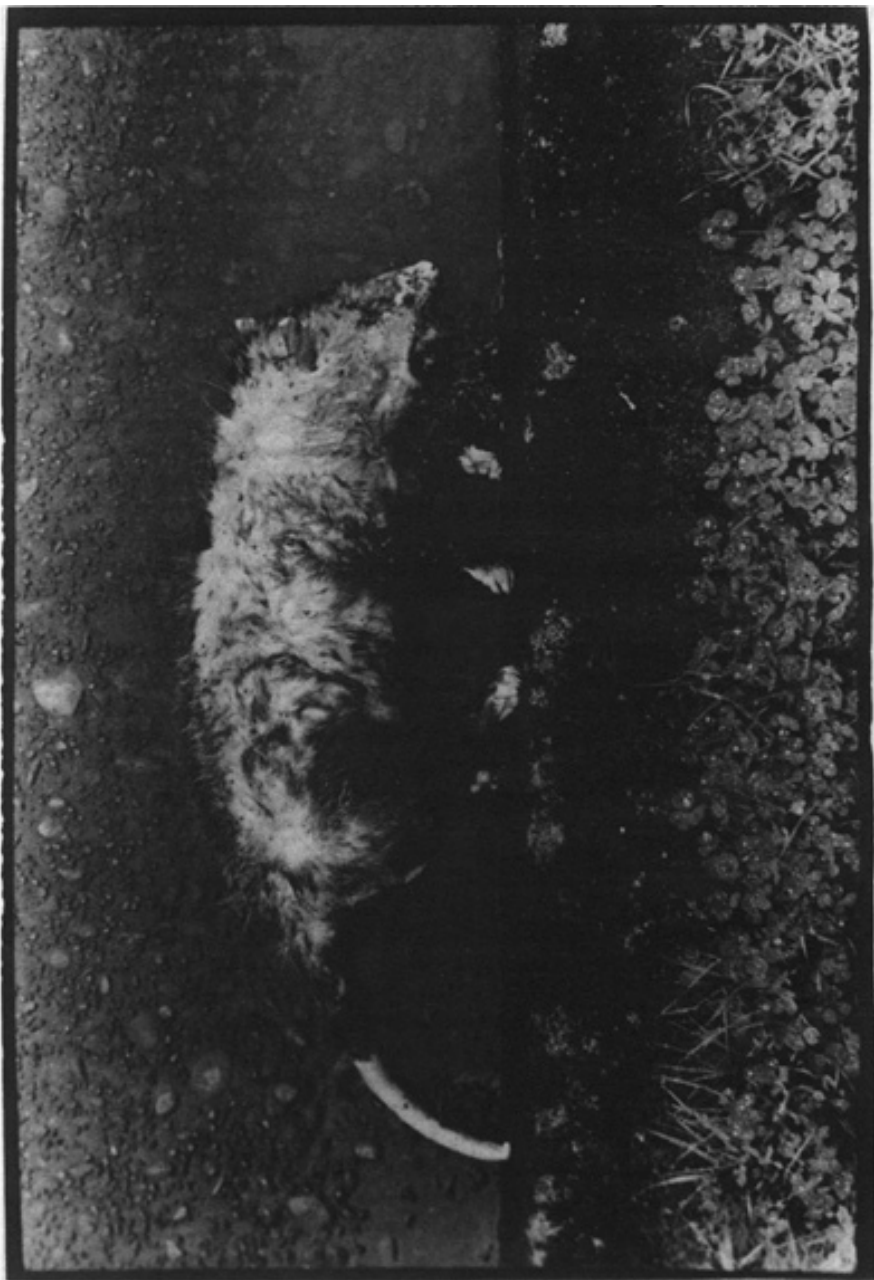
В данный момент я размышляю о миллионах **бодрячков**, которые, похоже, вообще не отдают себе никакого отчёта в том, что происходит в действительности. В этом насквозь прогнившем обществе крысиных бегов — то есть в контексте того, что мы называем нашим «образом жизни», — даже искренние в своих намерениях благодетели едва ли способны на что-то большее, чем мелкий рэкёт. Пожалуй, в одном только Нью-Йорк Сити можно насчитать десятки тысяч подобных групп и сообществ, прилежно отстаивающих интересы друг друга, не забывая и о собственной выгоде: они выступают против войны, болезней, смертности и чего угодно, при этом каждое из них неустанно ищет новые источники финансирования, без которых им быстро пришёл бы конец. Как я уже писал в одной из своих статей, если бы на земле внезапно воцарился мир и покой, это вызвало бы невероятный переполох и смятение. Все эти люди, включая политических и военных аппаратчиков, равно как и всех тех, кто оказывает

им прямую или косвенную поддержку (то есть каждого без исключений), только под дулом пистолета могли бы предложить хоть сколько-нибудь внятный план действий. Более того, я уже имел возможность продемонстрировать, что существование всей этой бесполезной когорты было бы невозможно без наличия каких-нибудь врагов, а за неимением таковых их следовало бы выдумать или создать с нуля. И разве можно найти более сочный и зрелый плод, чем какую-нибудь относительно богатую ресурсами и отсталую страну вроде Вьетнама, трудолюбивый народ которой мог бы усердно трудиться, извлекая свои же ресурсы, чтобы обеспечить достойную жизнь американским «свободным предпринимателям». Бог в своих небесах и в порядке мир.

А тем временем я вижу множество мудрых и праведных людей, каждый из которых нашёл своё призвание в социологии, считающейся в наши дни очень модной наукой, так что даже самые затасканные из этих оплётанных доброхотов считают себя достаточно талантливыми, чтобы без усталости сыпать социологической терминологией, заставляя ошеломлённого обывателя трепетать. Буквально вчера я видел по телеку, как две мерзкие ухмыляющиеся бабищи требовали аудиенции президента, чтобы доложить ему о несоблюдении каких-то там прав. Тысячи американцев упиваются своей ничтожностью, даже если, по их словам, они не сидят сложа руки и чем-то там занимаются. Американское и мировое общество находится в столь удручающем состоянии, что в сравнении с ним Бедлам или Вавилонская башня показались бы идеалом гармонии и умиротворения. Эдвард Теллер — хороший парень, а вот Эйхман, понятное дело, — злодей, и неважно, что каждый из них был жертвой внешних сил, которые не только были им совершенно неподвластны, но и находились за пределами их понимания. Однако, как я уже писал в других статьях, всеми и каждым из этих двуногих созданий, скитающихся по нашей планете, движет лишь одна базовая и фундаментальная потребность; она заключается в том, чтобы поток питательных веществ, проходящий через их

пищеварительные тракты, не прекращался, — ведь если они не аппараты по производству дерьма, то они попросту ничто и их нельзя считать даже живыми. Объясняю на пальцах: люди, как и все прочие живые существа, — это, в первую очередь, одушевлённые дырки от задницы, а всё, чем кто-то якобы является или себя мнит, представляется фактором второстепенным. И только приняв во внимание данный бесспорный факт, мы сможем постичь логику всех этих бесчисленных выкрутасов.

23 ноября 1969 г.

НЕ РАСТРАЧИВАЙ СЕБЯ

Когда покину бренный мир,
Прошу, не трать себя на смех иль слёзы
По случаю такого пустяка,
Ведь я не буду знать,
А утешенья, придающего нам сил,
Ждать смысла нет —
Быть может, кроме плача или песни,
Какие ветер разнесёт в пустом ущелье,
Чтоб эхом их вернуть к твоим ногам.

— Джозеф Лабади,
октябрь 1911 г.

ЧТО ЖДЁТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Как человечество докатилось до нынешнего состояния, когда группы людей, называемые «нациями», балансируют на краю, едва удерживаясь от того, чтобы истребить друг друга, сделав землю непригодной для органической жизни?

В былые эпохи, в периоды полнейшей нехватки ресурсов, когда имеющиеся средства к выживанию оказывались несопоставимы с потребностями всех членов общества, желание разделить доступные ресурсы поровну между всеми было чревато тем, что никто не испытал бы в них достатка и смерть грозила бы всем. В таких обстоятельствах ради продолжения жизни кто-то должен был умереть, чтобы выжить могли другие. На основании чего могло приниматься такое решение?

Допустим, эти люди обнаружили, что съестного у них достаточно лишь для пропитания половины из них. Каждый человек хочет жить; самосохранение — первичный инстинкт. Абсурдно полагать, что кто-то добровольно согласился бы умереть от голода ради спасения остальных. Эти люди столкнулись с биологической потребностью, а не с проблемой нравственной оценки. Вполне естественно такая ситуация выливалась в потасовку. Выживали те, кто был менее всего разборчив в средствах и обладал большей физической силой и смекалкой. Факторами, определяющими исход борьбы, были грабёж и непредумышленное убийство. Всё это наверняка имело место *внутри* племенных сообществ.

По мере того как грабёж и убийство, сколь это ни печально, становились необходимы с точки зрения выжива-

ния племени в условиях нехватки ресурсов, приходило осознание того, что одно племя могло бы грабить и убивать членов другого племени. Поскольку в этом деле мужчины проявляли больше сноровки, чем женщины, возникло разделение труда: мужчинам полагалось сражаться, в то время как женщины занимались работой и воспитанием детей. По-видимому, с тех пор началось порабощение женщин, и в последующих набегах их брали в плен вместо того, чтобы убивать; вероятно, именно так в обиход вошло многожёнство, и теперь сильнейшие мужчины содержали большие гаремы и наложили запрет на похищение женщин друг у друга. Если все мужчины погибали в бою, жизненный уклад племени, по всей видимости, менялся на матриархат.

Силой воображения мы можем перенестись во времена, когда в суете, сопровождавшей набеги, некоторые из жертв нападений избежали убийства, но оставались калеками, хотя и были способны снова добывать себе пропитание. Когда это было подмечено и стало очевидно, что таких людей можно будет грабить неоднократно, у хищников зародилась великая идея. Пришло осознание, что вовсе необязательно убивать кого-то, чтобы завладеть его пожитками; этого человека можно поработить и эксплуатировать. Это оправдывалось не только практическими, но и гуманитарными соображениями в том смысле, что человеку могла быть дарована жизнь под залог. Завоеватели превратились в хозяев, а побеждённые — в рабов. Хищничество стало организованным и вошло в норму, ибо человек — это существо привычки.

На протяжении всей истории вторжение, завоевание, усмирение, порабощение и эксплуатация были в порядке вещей, и этот фактор в наибольшей степени окрашивает человеческие взаимоотношения даже и в наши дни. Правительство и такая институция, как государство, по-прежнему воспроизводят систему отношений между завоевателями и их жертвами; и во все периоды так называемого Национализма отношения между государствами были пропитаны той же взаимной враждебностью, что свойственна хищникам. Всякая

централизованная власть стремится увеличить сферу своего влияния и число людей, которых она могла бы эксплуатировать. Со своих «подданных» господа взимают дань, скрывая её за эвфемизмом «налогообложение». Как некая институция, государство, любое государство, по определению является врагом народа, над которым простирается его власть. В складывающихся между ними отношениях господ и рабов последнее выступают в роли пешек, которыми правительства, пытающиеся друг друга переиграть, могут жертвовать в угоду своим властным амбициям. И дело не только в том, что правительства, помышляющие этими рабами, используют их и грабят, но и в том, что ограничиваются возможности этих людей к тому, чтобы обеспечить себя, а их время, энергия, имущество и даже сами личности и жизни приносятся на алтарь в тех войнах, что развязывают между собой их повелители.

Правительство изображается как аппарат по обеспечению защиты, а политики бьют себя в грудь, заверяя нас в том, сколь пекутся они о нашем благополучии. Но если нас нужно защищать, то должна быть и какая-то угроза, и, пожалуй, достаточно очевидно, что угроза эта исходит от других правительств. Вот так эти хищнические институции под названием государство и поддерживают друг друга. В любом случае, за неимением какого-либо врага потребовалось бы его изобрести. Если нужно указать, кто в доме сукин сын, мы всегда тыкаем пальцем в сторону соседа. Таким образом, неотъемлемой частью жизни миллиардов людей по всему миру становится страх, который прививается им, в то время как они остаются в полном неведении о том, что, с точки зрения мира и благополучия, не говоря уже о личной свободе, их настоящими врагами являются те самые правительства, что ими повелевают. Никакое «государственное» правительство не станет терпеть пересуды о том, что оно (в лице тех, кто фактически удерживает власть в своих руках) и есть подлинный враг народа. Поэтому все правительства могут быть единодушны в одном: анархисты сеют смуту и хаос. Эта противная рассудку игра воспроизводится практически повсе-

местно на протяжении всей обозримой истории — и сегодня она достигает небывалой степени зрелости и порочности.

Из-за того, что реальные хозяева и бенефициары монополистических привилегий не обязательно заняты в законотворческой, юридической и правоохранительной сферах, смазываются контуры отношений господ и рабов. В некоторых странах эта тенденция ускользает от взгляда ещё и в силу того факта, что монополистические привилегии даруются в обезличенном порядке, отчего создаётся видимость равенства возможностей и того, что рабы теоретически могут занять место хозяев, и наоборот.

Ни один человек не способен нанести значительный вред этому миру, если только он не может убедить или вынудить большое число людей выполнять его повеления, в чём и заключается квинтэссенция централизованной власти. И сколько бы ни говорили о том, что сила — в единстве, разве это что-то доказывает? Это в равной степени справедливо в отношении злых и добрых дел.

Когда речь заходит об институционализации, дело принимает несколько иной оборот. Ведь институции подчиняются логике и силам, над которыми не властны люди, их составляющие. Эти силы, особенно те из них, что введены в действие на постоянной основе, не только не могут быть «безупречными», но чреватые последствиями, прямо противоположными тем, что задумывались изначально. Отсюда произрастают корни того, что принято называть социальными противоречиями. Эти противоречия не возникли бы — да и не могли бы возникнуть — в свободном или анархическом обществе.

Тот факт, что перманентный институционализм, особенно в сочетании с централизованной властью и принуждением, немедленно начинает вырождаться и превращается в нечто, несовместимое с жизнью, нашёл

своё отражение в известной присказке о том, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», — люди поверхностные видели в этой фигуре указание на то, что, если бы им удалось сломать довлеющую структуру власти, альтернативу которой они видели в себе самих, тем самым им удалось бы решить некую проблему. Такая форма бездумной самоуверенности лежит в основе программ, излагаемых консерваторами, либералами, марксистами, равно как и самозваными революционерами и этатистами вообще. Конституционалисты, республиканцы, демократы и фашисты отмечены той же зловещей печатью — это могильщики, готовые похоронить идею личной свободы для всех.

Что же касается населения в целом, то, куда бы мы ни обратили свой взор, более всего оно озабочено тем, как бы ему исхитриться и выжить внутри той культуры, жертвой которой оно является, — более всего эта публика напоминает детский пластилин, из которого лепят что им вздумается не знающие запретов хищники, которые, похоже, представляют собой столь же неотъемлемый элемент любой известной человечеству цивилизации. Когда речь идёт о материальных благах, не приходится сомневаться, что эти преступные хищники неизменно снимали все сливки. А что до наивных, хотя и героических, глашатаев доктрины «живи и позволь жить другим», то, поскольку они всегда оказываются в оппозиции к Установленному Порядку, им придётся мириться с тем, что их будут преследовать и клеймить, распинать на кресте, травить цикутой или уничтожать любыми другими способами.

Язык насилия — единственное наречие, понятное миньонам Установленного Порядка, и насилие же служит средством ниспровержения всякого порядка — установленного или иного. Именно насилие будет средством самоистребления человечества. Случалось ли такое, что человек изобретал какой-либо новый неслыханно эффективный способ массового убийства своих собратьев и не воспользовался таковым?

Пока люди с верою в сердце уповают на то, что нечто внешнее к ним, будь то Бог, Человек или Дьявол, Санта-Клаус или некая институционализованный абстракция, сулит им спасение, они будут носиться кругами, словно куры с отрубленными головами.

Практически в каждой части мира порядка 80% земли и природных ресурсов находится в собственности или управлении лишь у двух процентов населения, тогда как вопросы выпуска денег и кредита — приводных ремней кооперации — решаются в кругу из нескольких человек.

Описываемое мной преступное положение дел — не столько персонального, сколько институционального характера — царит в любой стране мира. Никто не называет его «преступным» лишь потому, что властью наделены как раз те, кто принимает решения и законы, а эти персоны не станут описывать себя или те институты, которые приносят им прямую прибыль, как нечто преступное. Эти законы старательно создаются с мыслью о том, чтобы преследовать и устранять жертв, которые осмелятся протестовать или оказывать сопротивление либо попытаются воспользоваться любыми подручными средствами, чтобы остаться в живых. Такие схемы поддерживают себя сами, не зря же Цезарю приписывают слова о том, что «с деньгами ты можешь набирать солдат, а с солдатами можешь отбирать деньги».

То же самое можно сказать и о наёмных прислужниках, кои зовутся историками, докторами социальных наук или преподавателями гражданского права, — запертые по своим рабским анклавам, имя которым «национальные государства», эти столь же не склонны, не имея к тому даже возможности, публично признавать, что прогрессирующие и вырождающиеся монстры Франкенштейна, их правители, не то чтобы близки к совершенству или что рядовые пособники этих организованных монополий на применение насилия — далеко не благородные и жертвующие собой люди, сердце у которых обливается кровью, пока мысли их заняты массами, находящимися у них в попечении. Что и говорить,

сложно припомнить, чтобы какой-нибудь политик, нацелившийся на должность повыше, не заламывал бы смятенно руки, распекая за нерадивость как раз того политика, чьё место он жаждет занять. Миллионы долларов расходуются на всевозможные выборы, причём на зарплаты или стипендии назначенцев приходится лишь малая часть этих средств. Всё это наводит объективного наблюдателя на мысль, что политики скупаются оптом, как бананы, — теми, кто назначит наибольшую цену.

Самое поразительное свойство феномена политики вообще заключается в том, что среди нескольких *миллиардов* людей, населяющих землю, пожалуй, едва ли хотя бы у одного человека из миллиона достанет ума, чтобы распознать этот обман. Независимо от того, воспринимается ли государство как необходимое зло или как явное благо, принято считать его чем-то незыблемым, сродни закону притяжения. В свете этого было бы совершенно нелепо ожидать, что всеобщая борьба за власть между правительствами (само существование которых подкрепляется взаимными угрозами в адрес друг друга) могла бы в перспективе окончиться чем-то иным, нежели коллективным истреблением человеческого рода.

Люди сами по себе ни хорошие ни плохие, однако они испорчены глубоко несообразными и вредными институтами. Люди стали случайными жертвами своих промахов, особенно тех из них, что способствовали бесконечному воспроизводству деятельности, которая, пусть некогда и служившая процветанию жизни в тех конкретных исторических обстоятельствах, стала настолько враждебной всему живому, что теперь самой жизни угрожает уничтожение.

На протяжении тысячелетий непрекращающаяся война между организованными бандами, что зовутся правительствами, практически никак не сказывалась на тенденции к продолжению жизни вообще. Вполне очевидно, что средства человекоубийства и разрушения

вплоть до наших дней никогда не отличались достаточной эффективностью, чтобы гарантировать, что всеобщее истребление наступит прежде, чем конфликты будут исчерпаны по причине банального истощения. Это скромное препятствие удалось преодолеть с лихвой, и заслуга в этом принадлежит подручным учёным и инженерам, внёсшим свою лепту в эту авантюру, благодаря которой отсталые экономические системы получили стимул к развитию и определённые люди обогатились, а тем временем общая способность к полному уничтожению планеты возросла как минимум десятикратно в стремлении достичь баланса устрашения, ведь это, если послушать наших защитников, служит верным залогом мира. Как съязвил один остролов: «Если это не безумие, то что же?!».

Вся экономика США стала неким подобием бездумной авантюры. Работая локтями в погоне за деньгами, некоторые люди творят многое зло и болезни, открывая дорогу целым профессиям, призванным смягчать или «излечивать» творимое зло. Политики, духовенство, законники, психотерапевты, врачи, работники образования, производители косметики, судейские, рекламщики и т. д. и т. п. — в действительности, практически *вся* экономическая и псевдоэкономическая активность может проиллюстрировать вышеозначенный тезис.

Если читателям покажется, что мне так и не удалось убедительно обосновать сценарий истребления и соскальзывания в небытие, я призвал бы их обратить свой взор на феномен, который, кажется, не получает должного внимания. Любая экономика, характеризующаяся, помимо прочего, слабостью рыночного спроса, сталкивается с проблемой того, как поддерживать на ходу промышленное производство и обеспечить всеобщую занятость. В столь неустойчивой и удручающей ситуации жульничество становится «образом жизни». В погоне за долларом все средства хороши: плановое устаревание, низкопробные товары, фальсификат вместо еды, тревожность и раздражение, всё что угодно. Широкие слои населения вовлекаются в профессиональную дея-

тельность с мыслью о том, чтобы противодействовать тем формам зла, которые — и это, видимо, даже не приходит им на ум — порождены, как выясняется в конечном итоге, концепцией госуправления. Зарабатывая на жизнь профессиональными поисками противоядий от этих зол, люди неизбежно находят личный интерес в их существовании. Правительства и военные твердят, что они защищают население от врагов, но не будь никаких врагов, их потребовалось бы изобрести — просто для того, чтобы как-то доказать свою необходимость. Законники процветают на раздоре, и разве отыщется нечто более желанное, чем общественные волнения, обещающие симпатичные гонорары? Врачи процветают на людских болезнях; что бы они делали, если бы все в одночасье выздоровели? Стресс и усталость от крысиных бегов таят в себе целый Клондайк для особого класса оппортунистов, что именуются психологами и психотерапевтами. Неутомимые проповедники и моралисты, взимая свою копеечку, процветают благодаря разгулу греха и боязни угодить в ад, так что и им приходится подогревать надежды и страхи, избавление от которых они станут сулить.

Та часть правительства, что занимается вопросами «здравоохранения, образования и социальной защиты», раскручивает ещё одну мошенническую схему. Сперва мы в огромных количествах производим малоимущих людей, учреждая монополию на землю, деньги и патенты на исключительное пользование идеями, воздвигая тарифные барьеры с целью защитить монополии от зарубежных конкурентов и облагая налогами тружеников, чтобы субсидировать зажиточных фермеров и привилегированных промышленников. Затем мы открываем вакансии для «социальных» и тому подобных работников, дабы те заботились о нуждающихся, и тем самым порождаем институционализированный феномен, перманентный и усугубляющийся сам по себе.

Вторжение во Вьетнам, предпринятое правительством США, — очередная авантюра, призванная не только рационально обосновать существование множества раз-

нообразных военных ведомств, но и обеспечить работой масштабную индустрию по производству военной техники, или то, что Эйзенхауэр окрестил военно-промышленным комплексом.

Силы, действующие в настоящее время, поддерживают общую тенденцию, напоминающую улицу с односторонним движением и ужасающую тем более, что этот процесс никто не способен понять — даже те, кому вроде как вменяется им «руководить».

Каждый льёт воду на чью-то мельницу в рамках всего этого гигантского и бессмысленного предприятия. Сегодня в игру вовлечено не менее полудюжины могущественных сил, и все они работают на достижение одной общей цели, встречая лишь крайне слабое противодействие, и цель эта — небытие. Поголовное вымирание. Так ли уж важно, если гибель будет одновременной, а не поочерёдной, когда дело касается отдельного человека?

Вопрос больше не в том, чтобы «выбрать» хорошую или лучшую *систему*, а в том, есть ли будущее у жизни на этой земле.

Поскольку человек не собирается ставить крест на централизованном управлении, централизованное управление поставит крест на человеке.

1970 г.

ОТ РЕДАКТОРА ОРИГИНАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ:

Философский и социальный пессимизм:

- «The Conspiracy Against The Human Race» by Thomas Ligotti
- «The Philosophical Writings of Edgar Saltus» (Недавно изданное собрание сочинений, включающее такие очерки, как «The Philosophy of Disenchantment» и «The Anatomy of Negation»)
- «Pessimism and Individualism» by Georges Palante
- «The Last Messiah» by Peter Wessel Zapffe
- «On The Tragic» by Peter Wessel Zapffe
- «Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals» by John Gray

Мютюэлизм и неомютюэлизм:

- «Towards An Ungovernable Anarchism» («Contr'un #1») by Shawn P. Wilbur
- «Self-Government and the Citizen-State: Explorations in Proudhonian Sociology» («Contr'un #2») by Shawn P. Wilbur
- «The Anarchic Encounter» («Contr'un #3») by Shawn P. Wilbur
- «The Gift Economy of Property» by Shawn P. Wilbur
- «The Unfinished Business of Liberty» by Shawn P. Wilbur

Пища для размышлений:

- «The Gospel According to Malfew Seklew»
- «Сила есть Право, или Выживание наиболее приспособленных», Рагнар Редбёрд [Пер. с англ. Д. Попов]. — СПб.: Революта, 2005. (Одна из любимейших книг Лоренса Лабади. Блестящая пародия или поистине гнусная отповедь, способная, тем не менее, вправить мозги некоторым из идеалистов от анархизма? Решайте сами!)

Современные журналы для мыслящих людей:

- «Attentat: A Journal of Collision»
- «Modern Slavery: The Libertarian Critique of Civilization»

ОТ РЕДАКТОРА РУССКОЯЗЫЧНОГО ИЗДАНИЯ:

К вопросу об истории денег:

- Glyn Davies, A History of Money from Ancient Times to the Present Day (Cardiff: University of Wales Press, 1994)
- Jack Weatherford, The History of Money (New York: Crown Publishers, 1997)
- Bernhard Laum, Heiliges Geld: Eine historische Untersuchung über den sakralen Ursprung des Geldes (Tübingen: Mohr, 1924)

К вопросу о субстанциональности экономики:

- Jean-Pierre Voyer, It's Crazy How Many Things Don't Exist: Selected Writings of Jean Pierre Voyer (Berkeley, CA: Cruel Hospice, 2015)
- Bernard Traimond, L'économie n'existe pas (Lormont: Le Bord de l'eau, Documents, 2011)
- Serge Latouche, L'Invention de l'économie (Paris: Albin Michel, 2005)

К вопросу о локальных валютах:

- Alf Hornborg, Global Magic: Technologies of Appropriation from Ancient Rome to Wall Street (New York: Palgrave Macmillan, 2016)
- Bernard Lietaer, The Future of Money: Beyond Greed and Scarcity (London: Random House, 2001)

К истории децентрализма в США:

- Crispin Sartwell (Ed.), The Practical Anarchist: Writings of Josiah Warren (Fordham University Press, 2011)
- Ernesto A. Longa, Anarchist Periodicals in English Published in the United States (1833–1955): An Annotated Guide (UK: Scarecrow Press, 2009)
- Paul Avrich & Barry Pateman, Anarchist Voices: An Oral History of Anarchism in America (AK Press, 2005)
- Ronald Lora & William Henry Longton (Eds.), The Conservative Press in Twentieth-Century America (Greenwood: 1999)
- Carl Watner, The English Individualists as They Appear in “Liberty” (US, Baltimore, Maryland: The Journal of Libertarian Studies, Vol. VI, No. 1, winter 1982)

ПЕРСОНАЛИИ

Место для миссис Фиккер, давней подруги Лоренса и его соседки, нежно заботившейся о нём до конца, и для Бхавана Арьи из Бомбея, редактора журнала «Indian Libertarian».

Anderson, Carlotta R.	(1929–2014)	Андерсон, Карлотта
Armand, Émile	(1872–1962)	Арман, Эмиль
Byington, Stephen Tracy	(1869–1957)	Баингтон, Стивен
Bakunin, Mikhail	(1814–1876)	Бакунин, М. А.
Barnhill, John Basil / John Erwin McCall	(1864–1929)	Барнхилл, Джон Бэзил / Эрвин Макколл
Bastiat, Claude-Frédéric	(1801–1850)	Бастиа, Клод-Фредерик
Böhm-Bawerk, Eugen von	(1851–1914)	Бём-Баверк, Ойген фон
Burbank (Wheeler), Jo Ann	(1905/06– ?)	Бёрбэнк, Джо Энн
Bilgram, Hugo	(1847–1932)	Билграм, Хьюго
Borsodi, Ralph	(1886–1977)	Борсоди, Ральф
Badcock, John Jr. / Leighton Pagan	(1860–1926)	Бэдкок, Джон, мл.
Werkheiser, Don	(1915–1996)	Веркхайзер, Дон
Voline, Vsevolod	(1882–1945)	Волин, В. М.
Voltaire	(1694-1778)	Вольтер
Havel, Hippolyte	(1871–1950)	Гавел, Ипполит
Galleani, Luigi	(1861–1931)	Галлеани, Луиджи
Gesell, Johann Silvio	(1862–1930)	Гезелль, Йохан Сильвио
Godwin, William	(1756–1836)	Годвин, Уильям
Goldman, Emma	(1869–1940)	Гольдман, Эмма
Gresham, Thomas	(1519–1579)	Грешем, Томас
Greene, William Batchelder	(1819–1878)	Грин, Уильям Б.
Graham, Marcus	(1893–1985)	Грэм, Маркус
De Cleyre, Voltairine	(1866–1912)	Де Клер, Вольтарина
Déjacque, Joseph	(1821–1864)	Дежак, Жозеф
George, Henry	(1839–1897)	Джордж, Генри
Dolgoft, Sam	(1902–1990)	Долгофф, Сэм
Davies, Glyn	(1919–2003)	Дэйвис, Глин
Zo d'Axa / Alphonse Gallaud de la Pérouse	(1864–1930)	Зо Д'Акса
Zola, Émile	(1840–1902)	Золя, Эмиль
Inglis, Agnes	(1870–1952)	Инглис, Агнес
Calvino, Italo	(1923–1985)	Кальвино, Итало
Cœurderoy, Ernest	(1825–1862)	Кёрдеруа, Эрнест
Kidd, Benjamin	(1858–1916)	Кидд, Бенджамин
Coughlin, Charles Edward	(1891–1979)	Коглин, Чарльз
Common, Thomas	(1850–1919)	Коммон, Томас
Cohen, Henry	(1864–1942)	Коэн, Генри
Kropotkin, Peter	(1842–1921)	Кропоткин, П. А.
La Boétie, Étienne de	(1530–1563)	Ла Боэси, Этьен де
Labadie, Charles Joseph Antoine	(1850–1933)	Лабади, Джозеф
Labadie, Laurance	(1898-1975)	Лабади, Лоренс
Landauer, Gustav	(1870–1919)	Ландауэр, Густав
Ligotti, Thomas	(1953–	Лиготти, Томас
Loomis, Mildred Jensen	(1900–1986)	Лумис, Милдред
Mackay, John Henry	(1864–1933)	Маккей, Джон Генри
Martin, James J.	(1916–2004)	Мартин, Джеймс
Mencken, Henry Louis	(1880–1956)	Менкен, Генри Луис

Mises, Ludwig H. E. von	(1881–1973)	Мизес, Людвиг фон
Mill, John Stuart	(1806–1873)	Милль, Джон Стюарт
Meulen, Henry	(1882–1978)	Мойлен, Генри
Nietzsche, Friedrich	(1844–1900)	Ницше, Фридрих
Nock, Albert Jay	(1870–1945)	Нок, Альберт Джей
O'Bay, Gold / Tintino Persio Rasi	(1893–1963)	О'Бэй, Голд
Oppenheimer, Franz	(1864–1943)	Оппенгеймер, Франц
Pavlov, Ivan	(1849–1936)	Павлов И. П.
Pyat, Félix Aimé	(1810–1889)	Пиа, Феликс
Proudhon, Pierre-Joseph	(1809–1865)	Прудон, Пьер-Жозеф
Reich, Wilhelm	(1897–1957)	Райх, Вильгельм
Redbeard, Ragnar	–1896–	Редбёрд, Рагнар
Riegel, Edwin Clarence	(1879–1953)	Ригель, Эдвин Кларенс
Robinson, John Beverley	(1853–1923)	Робинсон, Джон Беверли
Rothbard, Murray Newton	(1926–1995)	Ротбард, Мюррей
Roseman, Herbert C.	нет данных	Роузмен, Герберт
Sullivan, Mark A.	(1950–	Салливан, Марк А.
Seele, Melchior / Raffaele Schiavina	(1894–1987)	Сил, Мельхиор
Scott, John G.	(1879/80–1953)	Скотт, Джон
Spencer, Herbert	(1820–1903)	Спенсер, Герберт
Spooner, Lysander	(1808–1887)	Спунер, Лисандр
Tucker, Benjamin Ricketson	(1854–1939)	Такер, Бенджамин
Townsend, Francis Everett	(1867–1960)	Таунсенд, Фрэнсис
Tolstoy, Leo	(1828–1910)	Толстой, Л. Н.
Thoreau, Henry David	(1817–1862)	Торо, Генри Дэвид
Wilde, Oscar	(1854–1900)	Уайльд, Оскар
Wilbur, Shawn Patrick	(1963–	Уилбур, Шон
Wilson, Robert Anton	(1932–2007)	Уилсон, Роберт Антон
Walker, James L.	(1845–1904)	Уокер, Джеймс Л.
Wallace, Alfred Russel	(1823–1913)	Уоллес, Альфред
Warren, Josiah	(1798–1874)	Уоррен, Джосайя
Freud, Sigmund	(1856–1939)	Фрейд, Зигмунд
Heywood, Ezra Hervev	(1829–1893)	Хейвуд, Эзра
Healey, Denis Winston	(1917–2015)	Хили, Денис
Hazlitt, Henry Stuart	(1894–1993)	Хэзлитт, Генри
Chaplin, Ralph Hosea	(1887–1961)	Чаплин, Ральф
Cioran, Emil Michel	(1911–1995)	Чоран, Эмиль
Swartz, Clarence Lee	(1868–1936)	Суорц, Кларенс Ли
Shea, Robert Joseph	(1933–1994)	Ши, Роберт
Schopenhauer, Arthur	(1788–1860)	Шопенгауэр, Артур
Shaw, George Bernard	(1856–1950)	Шоу, Бернард
Schroeder, Albert Theodore	(1864–1953)	Шрёдер, Теодор
Stirner, Max	(1806–1856)	Штирнер, Макс
Schuyler (Sternbergh), Lambert	(1895–1979)	Скайлер, Ламберт
Eltzbacher, Paul	(1868–1928)	Эльцбахер, Пол
Andrews, Stephen Pearl	(1812–1886)	Эндрюс, Стивен Перл
Appleton, William Henry	(1814–1899)	Эпплтон, Генри

Место для Маркса, Муссолини, Ленина, Гитлера, Сталина, Эйхмана, Теллера, Гувера, Рузвельта, Кастро и Хрущёва.

ШКОЛА СОЦИОЛОГИИ

CHAOSSS
PRESS

книги издательства

Пимен Карпов *Светильник любви*
Алекс Тролки *Книга Каина*
Иоганн Якоб Бахофен *Матриархат*
Стюарт Хоум *Загубленная любовь*
Стив Айлетт *Шаманский космос*
Алекс Керви & Дмитрий Факовский *Последний экспресс*
Антонио Галлонио *О страданиях святых христовых мучеников*
Виталий Бусов *Чёрные слёзы дьявола*
Алексей Цветков *Анархия Non-Stop*
Французские и немецкие чародейные сказки
Антон Заньковский *Аристотель и портовые шлюхи*
Полина Музыка *Через Гоби на двух цилиндрах*
Хаким-Бей *Автономные зоны. Временные и постоянные*
Джефф Нун *Иглой по винилу*
Ўβρις Хюбрис *Сборник переводов произведений немецких
и австрийских экспрессионистов*
Жан Боден *О демономании колдунов*
Бенджамин Декассерес *Хамелеон*

WWW.CHAOSSS.INFO

ГРОЗОВОЕ ЯЙЦО

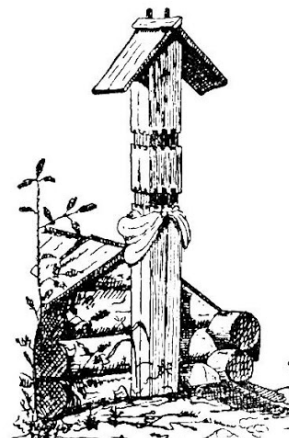
К

ВОИ
ВРАТАМИ
УЗКИМИ

СОП

Ж.Боден
М.Дюгаре
Р.Кайн

CHAOSSS.INFO

СВЕТИЛЬНИК ЛЮБВИ

Пимен Карпов

Настоящее издание
включает не переиздававшиеся
ранее стихотворные, прозаические
и драматические произведения
поэта и писателя П.И. Карпова,
наряду с Н.А. Клюевым,
А.А. Ганиным, С.А. Есениным
и др. примыкавшего
к «новокрестьянскому»
поэтическому течению
в эпоху Серебряного века.
В издание также включены
некоторые ранее не собранные
материалы о П.И. Карпове
и первая попытка
библиографии поэта.
Книга снабжена
обширным фотоматериалом.

Виталий Бусов
ЧЁРНЫЕ СЛЁЗЫ ДЬЯВОЛА

В течение пяти дней из нескольких источников вы узнаете о целом сонме беззаконий, творимых теми, о ком в известном офорте упомянул Гойя, чей разум давно спит.

Их отец — Враг рода человеческого, их деяния — это преступления, правда — ложь, фантазии чудовищны, а цель — обретение волшебного камня. Гротеск правит кнутом вечного узника Сада, социальные классы разлагаются под воздействием чёрного света, непотребство выходит наружу, а чрезмерность ужаса, как и в безумии, сменяется чрезмерностью смеха.

Издание второе.
Печатано с благословения и по принуждению Собора на пожертвования зомбированных адептов секты «Краденый Хлеб».

2019

Антонио Галлонио
О СТРАДАНИЯХ СВЯТЫХ
ХРИСТОВЫХ МУЧЕНИКОВ

Вся история раннего христианства полна трагизма, и на жестокие способы, которыми они пытались остановить распространение христианства, древние были богаты. О многих из них поведает Антонио Галлонио, чьи знания и труд через это собрание священных летописей в главах этой небольшой книги, прольют свет на страдания мучеников и способы, которыми их вера проходила испытание. О страданиях их, разбирая, говорит прямо, справедливо определяя пытки такими, какими они были на самом деле, а не смягчая описание. Этот труд был окончен в 1591 году.

2019

Полина Музыка не идентифицирует себя как художницу, феминистку или писательницу.

- создала миф о разбавлении менструальной кровью вина на выставке, а также миф о том, что это - феминистское искусство.
- продала свой кал за 3500 рублей фетишисту
- провела месяц в Монголии с газелью смерти, застреляла на 10 дней со сломанной тачкой в пустыне Гоби
- заставила 12 человек полностью раздеться в выставочном пространстве и провести так 2 часа, в течение которых все время шла тайная прямая трансляция этого действия
- отдала свою лучшую работу темным силам за любовь
- перестала рисовать, когда в поездке на аукцион очень сильно сломала подрамник картины, ее купили даже такой. За 10 тысяч рублей.
- вышла замуж, чтобы съехать от родителей
- во время депрессии, чтобы порадовать себя, покупала тонны одежды, а когда деньги заканчивались, шла ее воровать
- однажды после секса любовник попросил оставить его одного в комнате. Только через три дня она поняла, что он мусульманин и делал намаз

ПИТЕР ЛЭМБОРН УИЛСОН
ХАКИМ-БЕЙ

АВТОНОМНЫЕ ЗОНЫ временные и постоянные

Питер Лэмборн Уилсон (известный под псевдонимом Хаким-Бей) — индивидуалист, анархист, мистик, поэт, исследователь суфизма и пиратских утопий (в своё время именно он поведал Уильяму Берроузу историю Хассана-ибн-Саббаха, вдохновив его на написание своей знаменитой трилогии). В настоящий сборник вошли как издававшиеся ранее переводы Хакима Бея, так и наиболее известные его эссе, объединённые под заголовком «Временные автономные зоны», а также другие очерки, ранее не публиковавшиеся на русском языке. Обязательно к прочтению для тех, кто устал от крысиных гонок современной цивилизации и желает узнать о практических способах обретения личной свободы здесь и сейчас.

2020

Стюарт Хоум «ЗАГУБЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ»

Многослойный и провокационный портрет контркультуры 60-х, увиденный глазами девочки по вызову Джилли О'Салливан и воссозданный на основе подлинных дневников матери самого автора. Загубленная любовь рисует «эволюцию» Джилли, начинавшей в качестве 16-летней официантки в джентльменском клубе лондонского Сохо, прямиком до флирта с активистами Чёрных Пантер и тусовок с типажамми вроде Алекса Трокки, Брайана Джонса и Джона Леннона в злом антураже наркотического угара хиппи-коммуны Ноттинг-Хилл. Это история о том, что стало с детьми цветов после того, как вечеринка закончилась.

Антон Заньковский
«АРИСТОТЕЛЬ
И ПОРТОВЫЕ ШЛЮХИ»

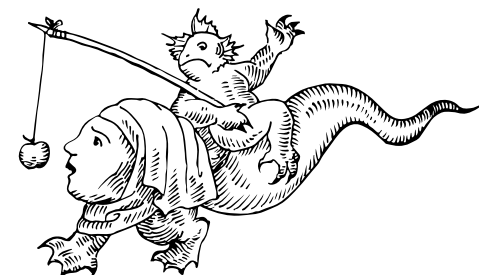
В книгу философа и писателя Антона Заньковского вошли эссе, посвящённые проблемному полю спекулятивного реализма, философии ужаса и телесности. Автор накладывает аристотелевский гилеморфизм на эротические сюжеты, формируя собственную трансгрессивную теологию, вдохновлённую идеями французских философов: Александра Кожева, Жоржа Батая, Жилия Делёза и Пьера Кlossовски. Наркотический шик пубертатного периода, оккультная романтика заброшенных высоток и содомско-даосские практики на фоне бесчинства 90-х – об этом роман «Ветошница», вошедший в книгу в качестве иллюстративного материала к теоретическим работам.

ЎБРИС
ХЮБРИС

переводы лирики
и драматургии
немецкоязычных
экспрессионистов
и стихотворения
Н.Ночейского

хюбрис
ЎБРИС

ФРАНЦУЗСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ЧАРОДЕЙНЫЕ СКАЗКИ

Настоящее издание старинных переводов еще более старинных европейских страшных сказок воскрешает совершенно отдельную, особую сферу книжности, стоящую на грани фольклора и мифологии, а также лубочной «народной» книги и письменной гримуарной магической традиции, восходящей, помимо прочего, к кабалистике и европейской натур-философии времен позднего Средневековья и Ренессанса.

2019

Сборник включает авторские переводы произведений немецких и австрийских экспрессионистов, выполненные Н. Ночейским, а также его собственные стихотворения, вдохновлённые соответствующей эстетикой. Представленные в сборнике произведения эпохи экспрессионизма переведены на русский язык впервые.

КНИГА ТОМ, КАК ПЕРЕСТАТЬ БЕСПОКО- ИТЬСЯ И НАЧАТЬ БЕСПОКО- ИТЬ.

Алексей Цветков
«АНАРХИЯ NON-STOP»

Книга освящена в Хитро-Христовой Епархии при содействии Канцелярии и таинственного ордена Х.Рам и Х.Аос, в присутствии почётного гражданина города Воронежа Пахомова А.Н., председателя благотворительного детского фонда “А-та-та” господина Ильинова А. и партийного актива партии “Последняя Россия”. На освящении незримо присутствовали: Алан Кулий, Павликий Голоудый, Белый Бес, Ника Рамбуйе, королевский суккуб, сын и сукин сын. Информационная поддержка издания: Школа Социологии (chaosss.info), ассоциация подпольных бутлегеров, коллектив Партизанского Радио.

ISBN 978-5-6045497-1-1